

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 4 (10) 2015

ТОМСК
2015

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко

Редактор раздела Антропология:

Н. А. Тучкова

Редакционная коллегия:

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор ТГПУ;

А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);

Б. Вагнер-Надь, Doctor Hab., профессор Института финно-угроведения/уралистики, Университет г. Гамбурга (Германия);

Э. Вайда, Ph.D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского Университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор Университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН;

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент НИ ТПУ (зам. главного редактора);

Ф. Сигл, Doctor, Университет Хельсинки (Финляндия);

Н. А. Тучкова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ;

Л. И. Шестова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. Ю. Фильченко, Н. А. Тучкова

Учредитель:

ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 52-17-58.

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 44-68-26. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-12-93.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 30.12.2015 г. Сдано в печать: 31.12.2015 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 16,5. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 915/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: О. И. Ежова.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Г. В. Кругликова.

© ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», 2015. Все права защищены.

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 4 (10) 2015

**TOMSK
2015**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko

Editor of Anthropology:

N. A. Tuchkova

Editorial Board:

- S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Tomsk State Pedagogical University;*
A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
Fujuki Ebata, PhD Linguistics, Niigata University (Japan);
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
National Research Tomsk Polytechnic University (acting Deputy Editor in Chief);
N. A. Tuchkova, Kandidat Nauk, History, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany).

Scientific Editors of the Issue:

A. Yu. Filchenko, N. A. Tuchkova

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-17-58

Address for Correspondence:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.
Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 44-68-26. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-12-93.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 30.12.2015. Submitted for printing: 31.12.2015. Formate: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Edition: 1000. Price: not settled. Order: 915/H

Production editor: L. V. Dombrauskayte. Text designer: O. I. Ezhova.
Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: V. G. Kruglikova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2015. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
<i>Норманская Ю. В.</i> Ударение в первых книгах на селькупском языке, созданных Н. П. Григоровским в XIX веке	9
<i>Потанина О. С.</i> О проекте «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала»	18
<i>Токмашев Д. М., Лемская В. М.</i> Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции	24
<i>Ким-Малони А. А., Ковылин С. В.</i> Таксономия языковых средств выражения посессивности в селькупском языке	36
<i>Будциш Й.</i> Посессивные конструкции в южно-селькупских диалектах	45
<i>Полякова Н. В.</i> Средства выражения посессивных отношений в диалектах селькупского языка	51
<i>Крюкова Е. А.</i> Именные посессивные конструкции в кетском языке	55
АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Чудова Т. И.</i> Локальная традиция питания вымских коми	62
<i>Есипова В. А., Яковлев Я. А.</i> История одной крестьянской семьи и старообрядческие рукописи конца XX века: из недавних поступлений в Научную библиотеку Томского университета	69
<i>Тучков А. Г.</i> Мука и хлеб в культуре селькупов	99
<i>Волков В. Г.</i> Генофонд южных селькупов в историческом контексте исторических и археологических данных	109
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Вернер Г. К.</i> Штефан Георг. Описательная грамматика кетского языка (язык енисейских остяков). Том I. Введение, фонология, морфология (Global Oriental, 2007, 468 p.)	123
НАШИ АВТОРЫ	128
OUR AUTHORS	130

CONTENTS

From the Editors 7

LINGUISTICS

Normanskaja Ju. V. Accent in the First Selkup Books, Created by N. P. Grigorovsky in XIX Century 9

Potanina O. S. A Typology of Possession Based on the Languages of Ob-Yeniseic Area 18

Tokmashev D. M., Lemskaya V. M. Possessive Noun Constructions in Teleut and Chulym-Turkic 24

Kim-Maloney A. A., Kovylin S. V. Taxonomy of Possessive Language Means in Selkup 36

Budzisch J. Possessive Constructions in Southern Selkup Dialects 45

Poljakova N. The Expression of Possession in the Dialects of Selkup 51

Kryukova E. A. Possessive Noun Constructions in Ket 55

ANTHROPOLOGY

Chudova T. I. Local Tradition of Food Vymskikh Komi 62

Esipova V. A., Yakovlev Y. A. The Story of One Peasant Family and Old Believer Manuscripts of the Late XX Century:
Recent Acquisitions of Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library 69

Tuchkov A. G. Flour and Bread in Selkup Culture 99

Volkov V. G. Gene Pool of South Selkups in a Historical Context 109

REVIEWS

Werner H. Stefan Georg. A Descriptive Grammar of Tet (Yenisei-Ostyak). Volume I. Introduction, Phonology, Morphology
(Global Oriental, 2007, 468 p.) 123

AUTHORS (in Russian) 128

AUTHORS (In English) 130

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят три-четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- теория языка и проблемы современной лингвистики;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором (ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в подписной каталог «Газеты и журналы» агентства «Роспечать».
Индекс 82719**

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

'Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology' was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Three-four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and world-wide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- linguistic theory and methodology of linguistic research;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Норманская Ю. В.

УДАРЕНИЕ В ПЕРВЫХ КНИГАХ НА СЕЛКУПСКОМ ЯЗЫКЕ, СОЗДАННЫХ Н. П. ГРИГОРОВСКИМ В XIX ВЕКЕ¹

Рассматривается система ударения в первых монографиях на селькупском языке, созданных Н. П. Григоровским. Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы: 1) селькупское ударение в XIX в. принципиально не отличалось от того, которое в XX в. было зафиксировано А. П. Дульзоном и его последователями; 2) Н. П. Григоровский, не будучи лингвистом, в XIX в. зафиксировал в своих книгах иванкинский селькупский диалект с большой точностью, не уступающей лингвистам XX в., поэтому его работы имеют большое значение для изучения истории селькупского языка и должны быть в дальнейшем всесторонне проанализированы.

Ключевые слова: *селькупский язык, Н. П. Григоровский, система ударения, иванкинский диалект.*

В настоящее время по уральским, тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским языкам существуют многочисленные и в ряде случаев очень подробные описания систем современных языков и диалектов. Есть общепринятые реконструкции праязыков. Но промежуточный уровень – памятники письменности изучены крайне мало. Надо отметить, что наиболее описанными являются словники XVIII в. В большинстве случаев это первые фиксации уральских и алтайских языков, сделанные путешественниками и исследователями Сибири, например Г. Ф. Миллером в середине XVIII в. Неоднократно привлекал внимание ученых и «Сравнительный словарь всех языков и наречий» П. С. Палласа, созданный в конце XVIII в. по указу Екатерины II. Исследование этих материалов дало и продолжает давать новые ценные сведения о системах диалектов того периода, этапах исторического развития современных языков. Но все эти записи сделаны не носителями языка, а приезжими исследователями в транскрипции, которую каждый ученый вырабатывал сам, часто с опорой на фонетический строй своего родного языка. Их объем практически никогда не превышал и редко достигал нескольких сотен слов.

В XIX в. в результате деятельности Переводческой комиссии Российского библейского общества принципиально изменился характер памятников письменности. Для большинства уральских, многих тюркских, монгольских языков была создана система письменности. Далее был осуществлен перевод на эти языки полного текста Четвероевангелия, Деяний Апостолов, Богослужебных книг. Для создания этих переводов были составлены достаточно объемные словари языков, насчитывающие в среднем от 80 до 400 с. каждый, и первые грамматики.

Важность этих первых полных текстовых и грамматических памятников для истории уральских и алтайских языков трудно переоценить. Окончание эпохи создания этих текстов совпало с Октябрьской революцией 1917 г. В XX столетии в основном, видимо, по идеологическим причинам изучение этих памятников находилось под запретом. В настоящее время нет даже полного каталога этих текстов, словарей и грамматик. Наши пилотные исследования показали, что в научной и религиозной современной литературе нет данных о более чем 70% памятников, которые нам удалось найти, проанализировав далеко не полную коллекцию фондов!

В рамках работы над грантом РГНФ № 15–04–00361а «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» мы нашли уже более тысячи текстов, созданных на уральских и алтайских языках в XIX в. Более половины этих текстов хранятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, большое количество находится в Национальной библиотеке Финляндии в Хельсинки (собрания этих библиотек частично пересекаются, но довольно много книг, которые есть только в одной из этих библиотек). Еще какое-то количество изданий находится в библиотеках и архивах Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Австрии и других городов. Отметим, что многие из этих книг уже оцифрованы и находятся в открытом доступе на сайтах библиотек Санкт-Петербурга http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/search.do?dscnt=1&afterTimeout=32C22F71DF28E6FAD2088074869497CC&dstmp=1436814982203&vid=07NLR_VU1&fromLogin=true, Хельсинки <http://uralica.kansalliskirjasto.fi/>.

---

¹ Работа выполнена по грантам РГНФ № 15-04-00361а и № 14-04-00496, РФФИ № 15-18-00044.

Подавляющее большинство этих книг было переведено в результате деятельности Переводческой комиссии Православного миссионерского общества. Она была создана во второй половине XIX века (1869) и находилась в ведении Братства св. Гурия, образованного в 1867 г. в г. Казани. У истоков Переводческой комиссии стояли видные миссионеры Н. И. Ильминский, В. В. Миротворцев, И. Я. Яковлев. С начала 90-х гг. XIX в. ее возглавлял профессор Казанской духовной академии М. А. Машанов. Комиссия работала по официально признанной системе Н. И. Ильминского, в основе которой лежит первоначальное обучение детей с опорой на родной язык. Н. И. Ильминский был приверженцем простых, понятных переводов, предлагал учитывать при работе особенности родного языка. Каждый перевод, подготовленный тем или иным лицом, посылался для чтения и исправления лицам, хорошо владевшим родным языком. И только после того, как он становился безупречным со стороны языка, точности и назидательности, рукопись рекомендовалась к печати.

В результате деятельности Переводческой комиссии на 50 языках России были созданы первые переводы Евангелия, другой богослужебной и назидательной литературы, словари, грамматики и буквари на этих языках. В настоящее время мы нашли переводы издания на следующие уральские и алтайские языки: татарский, чувашский, вотский (удмуртский), черемисский (марийский), эрзянский, мокшанский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, саамский, хантыйский, мансийский, ненецкий, селькупский, ливский, чудский, карельский, киргизский, башкирский, якутский, алтайский, азербайджанский, казахский, бурятский, калмыцкий, маньчжурский, эвенский, нанайский. Предварительный филологический анализ этих памятников, проведенный нами, показывает, что для большинства языков был привлечен материал нескольких диалектов. Например, марийские памятники есть как минимум на трех сильно различающихся диалектах, которые в настоящее время считаются разными языками: луговом, волжском и горном; саамские на двух диалектах: кильдинском и нотозерском; мансийские – на кондинском (восточно-мансийских), пелымском и других приуральских (западно-мансийских) диалектах. И для других языков явно видно, что памятники создавались в разных районах на основании разных диалектов, которые, правда, различаются не столь сильно, как языки, перечисленные выше. Например, эрзянские памятники принадлежат к трем диалектным группам: северной, северо-западной и центральной, удмуртские – к северной, срединной и южной и т. д.

Как было сказано выше, ранее большинство найденных нами книг в научный оборот введено не было и многие из них даже не известны ученым, специалистам по вышеперечисленным языкам ни у нас, ни за рубежом. При этом важность этих изданий для изучения истории уральских и алтайских языков трудно переоценить. Как минимум для 20 языков в рамках деятельности Переводческой комиссии впервые была создана письменность, первые словари, грамматики, тексты. В научной литературе при описании создания письменности, например, на мансийском или на селькупском языках кратко указывается факт существования некоторых из этих изданий, но отмечается, что особого значения для становления письменности они не имели, не подчеркивается и важность фиксации в них определенного языкового среза, фактически первого для большинства уральских и алтайских языков. В устных беседах, на конференциях мне также доводилось неоднократно слышать высказывания о том, что эти фиксации не представляют особенного интереса в связи с крайней неточностью в передаче языковых данных и многочисленными «ошибками». В настоящее время в результате работы над изучением этих памятников группы, состоящей из лингвистов, специалистов по конкретным практически всем вышеперечисленным языкам и одновременно их носителей, проведено соотнесение данных некоторых памятников не с материалом литературных языков, а с диалектами, ряд из которых также ранее практически не был описан. Работа строится так, что, узнав место создания того или иного памятника, специалист по конкретному языку выезжает туда и собирает полный словарь исконной лексики. Удивительным образом удалось установить, что совпадение языка памятника и современного диалекта почти полное, а различия, если они присутствуют, носят системный характер, который свидетельствует не об ошибках создателей памятников, а об изменениях, произошедших за последние 150 лет.

В рамках этой статьи считаю целесообразным обратиться к двум книгам, созданным на селькупском языке Н. П. Григоровским:

Объяснение праздников св. церкви. На остяцко-самоедск. яз. [Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарым. края], Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1879. (<https://vivaldi.nlr.ru/bx000022509/details>); Азбука Сюсогой гулани. Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарым. края, Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1879. (<https://vivaldi.nlr.ru/bx000010235/view>).

Обе эти книги доступны он-лайн на сайте РНБ.

Насколько нам известно, их язык ранее не был предметом специального исследования.

Николай Петрович Григоровский был сослан в 1867 г. в с. Новое Нарымского края (ныне – Новоильинка Колпашевского района). На основании этого можно предположить, что и книги написаны на иванкинском диалекте, распространенном вплоть до недавнего времени в Колпашевском районе (в настоящее время, по данным последних экспедиций О. А. Казакевич, Н. Л. Федотовой, Н. В. Дубровской и Г. П. Поздеевой, носителей этого диалекта, видимо, уже нет). Анализ текстов подтверждает эту гипотезу. Мы планируем сделать полное глоссирование книг Н. П. Григоровского и создать словарь его произведений. Тогда можно будет проанализировать полный список их отличий от иванкинского диалекта в записях А. П. Дульзона и его последователей, сделанных за период 1960–1990 гг. Но предварительный анализ показывает, что их сходство очень большое, а различия касаются в первую очередь лишь способа транскрибирования некоторых звуков, например: иван. (в картотеке А. П. Дульзона) *коджа́* ‘мешок’ – *коча* (Азбука: б); иван. *мо́т'а́* ‘пятки’ – *мотча* (Азбука: б) и т. д. Но эти отличия носят системный характер и прослеживаются на полном материале двух книг. Таким образом, можно сделать вывод о том, что точность записи в книгах, созданных Н. П. Григоровским в середине XIX в., не уступает точности фиксации материала в картотеке А. П. Дульзона и его последователей в XX в.

Особый интерес представляет вопрос, насколько совпадает не только передача не только фонетического облика слов, но и разноместного ударения, которое последовательно отмечалось в картотеке, но затем было опущено при ее издании в словаре (Быконя, 2005). В статье (Норманская, 2012) в результате сплошной обработки картотеки, сделанной по архиву, собранному под руководством А. П. Дульзона, выяснилось, что богатый материал удастся собрать по акцентным системам следующих 6 говоров:

1. Центральные диалекты:

– нарымский

– (1) говор с. Парабель, (2) говор д. Тюхтерево, (3) говор д. Ласкино;

– тымский

– (4) говор с. Напас.

2. Южные диалекты:

– обской

– (5) говор с. Иванкино;

– крайне-южный (чаинский)

– (6) говоры р. Ча́я (язык первых селькупских книг).

Во всех говорах ударение имеет смысловоразличительный парадигматический характер. Контурное правило постановки ударения следующее:

1) в словах, состоящих из **одной двусложной морфемы**, если морфема **плюсовая**, то ударение ставится на **первый слог**, если **минусовая** – на **второй**;

2а) если слово состоит из **нескольких морфем** и в словоформе есть **плюсовые морфемы**, то ударение ставится на **первый слог первой плюсовой морфемы**;

2б) если слово состоит из **нескольких морфем** и в словоформе есть **минусовые морфемы**, то ударение ставится на **первый слог первой минусовой морфемы**.

Различия в месте ударения некоторых словоформ, собранных в разных населенных пунктах, объясняются разными маркировками суффиксов в этих говорах. По этой причине для каждого из говоров мы попытались описать систему, где корням и суффиксам будет присвоена постоянная маркировка. Выяснилось, что корни бывают плюсовые и минусовые, а суффиксы – плюсовые, минусовые и «категоризирующие акцент», т. е. такие, на которые ударение падает всегда – вне зависимости от маркировки корня.

Из сформулированного нами правила о постановке ударения становится ясно, что для выявления маркировок селькупских корней в разных говорах словоформы с минусовыми суффиксами или суффиксами, категоризирующими ударение, не представляют интереса, потому что в случае с минусовыми суффиксами ударение всегда будет стоять на корне, а в случае с категоризирующими – на суффиксе (вне зависимости от маркировки корня). Таким образом, основное внимание было уделено словам, состоящим из одной двусложной морфемы (непроизводным именам), и словоформам с плюсовыми суффиксами. Чтобы их выявить, нами был проанализирован полный материал по акцентным системам указанных говоров и выбраны такие суффиксы, которые в сочетании с некоторыми корнями бывают безударными, а в сочетании с другими – ударными. Оказалось, что набор таких суффиксов не очень велик, а диалектные различия не очень значительны (см. описание этих различий в *табл. 1*).

В *табл. 1* приведены непроизводные имена и словоформы с такими суффиксами и комбинациями суффиксов, которые в двух или более из рассмотренных говоров содержат плюсовую морфему. Когда в таблице стоит плюс, это значит, что ударение падает на рассматриваемую комбинацию суффиксов при

минусовом корне. А место ударения в комбинации суффиксов определяется по правилу, описанному выше, что ударной становится первая плюсовая форма.

Таблица 1²

Распределение акцентных маркировок по говорам и диалектам

Морфемы	Нарымский диалект			Тымский диалект	Обской диалект	Крайне-южн. диалект
	говор с. Парабель	говор д. Тюхтерево	говор д. Ласкино	говор с. Напас	говор с. Иванкино	говор р. Чая
Непроизводные имена						
-ə +	+	+	+	-	? ³	+
-a +	+	+	+	-	+	+
Словоформы с показателем инфинитива						
- (ы/е) -гү - +	+	+	+	+	+	-
Комбинации словообразовательных суффиксов⁴						
- (ы/е) м-бу/е-гү - - +	+	?	-	+	+	-
-о/ал-гү + +	ударение генерализуется на суффиксе	?	+	+	+	+
-о/ал-бы-гү + - +	+	?	+	+	+	+
-о/ал-жэ/и-гү + - +	+	?	+	+	+	+
-эи-пу-гү + - +	?	+	+	+	+	нет этого суффикса

При анализе системы ударения в книгах Н. П. Григоровского мы решили провести в первую очередь анализ слов с перечисленными в таблице аффиксами, которые практически во всех южных и центральных диалектах имеют плюсовую маркировку, и ударение в них падает на корень или аффикс в зависимости от акцентного типа корневой морфемы. Именно слова с этими аффиксами были проанализированы нами на полном материале картотеки А. П. Дульзона и его последователей, и в рамках настоящей статьи мы предлагаем анализ сравнения данных картотеки, в которых зафиксированы акцентные системы диалектов второй половины XX в., с книгами Н. П. Григоровского, созданными во второй половине XIX в.

Интересно проследить, произошло ли изменение системы ударения в иванкинском диалекте с XIX по XX в., отличается ли маркировка конкретных корней и аффиксов.

Ниже приводится сравнительный материал, полученный в результате полной росписи картотеки А. П. Дульзона и книг Н. П. Григоровского, упорядоченный по типам аффиксов в той же последовательности, что и в таблице. Следует оговорить, что приводятся только те слова из книг Н. П. Григоровского, у которых есть параллели в селькупской картотеке А. П. Дульзона с вышеперечисленными суффиксами, которые дают возможность определения акцентной маркировки корня. Полный материал росписи картотеки А. П. Дульзона для слов, у которых нет параллелей в книгах Н. П. Григоровского, можно найти в статье (Норманская, 2012).

² Здесь и далее все формы и их значения, взятые из архива А. П. Дульзона, приводятся в орфографии оригинала.

³ В таблице знак вопроса стоит в тех клетках, где в соответствующем диалекте в образованиях с этим суффиксом ударение всегда падает на первый слог словоформы, но эти образования засвидетельствованы только от тех корней, которые в других диалектах являются плюсовыми, т. е. вне зависимости от типа суффикса имеют ударение на первом слоге.

⁴ В настоящее время нам неизвестны работы, в которых была бы сделана реконструкция праселькупских суффиксов. В статье (Зырянова, 2002) собраны воедино данные по глагольным селькупским суффиксам в южных и северных диалектах. Оказалось, что плюсовые суффиксы, отобранные нами по выше оговоренным принципам, засвидетельствованы во всех диалектах селькупского языка фактически в единообразной форме. Но поскольку работы по реконструкции суффиксов отсутствуют, то мы приводим их в тех формах, в которых они реально встречаются в диалектах. Как видно из таблицы, не вполне ясен статус чередующихся первых гласных суффиксов: нам представляется, что их реализация зависит от места ударения и от правил сингармонизма, однако уточнение их статуса нуждается в дальнейшем исследовании.

-э

Ударение на 1-м слог в книгах Н. П. Григоровского:

1) комде 'деньги', (Азбука: 6, 26, 29, 46) vs. *qōmtā 'деньги, серебро' (Alatalo, 2004: 269): Нап. *кóмде* 'деньги'; Иван. *комдэ* 'деньги' / *кòмдэ* 'копейка'; Чая *кóмде* 'серебро';

Ударение НЕ на 1-м слог в книгах Н. П. Григоровского:

2) илле 'вниз' (Азбука: 31, 39) vs. *il (Alatalo, 2004: 53): Таз. *il* 'место под; внизу, под (основа адвербиалов – послелогов-наречий)'; Пар. *илэ* 'вниз'; Иван. *еллэ* 'вниз'; Тюхт. *ел'э* 'вниз'; Кел. *'ellé* 'вниз'; Ласк. *ел'л'э* 'вниз'; Чая *иллэ* 'вниз';

3) каде 'ноготь' (Азбука: 6) vs. *qatā 'ноготь, коготь' (Alatalo, 2004: 271): Таз. *qatī* 'ноготь; коготь; копыто; крюк (остроги, лыжной палки); черви (в картах)'; Нап. *кāдэу* 'очистить', *кадóлгу* 'окучить, причесать'; Ласк. *кáттóлгу* 'чиркать', *кадешнугу*⁵ 'чистить (рыбу)'; Стс. *кадáлгу* 'починить', *кадóлгу* 'причесать'; Иван. *кадóлгу* 'счищать'; Чая *к/гáдóлгу* 'царапать' / *гадóлгу* 'загрывать землю';

4) энэ 'верх' (Азбука) vs. *i-* 'на' (Alatalo, 2004: 2): Таз. *иппá* ~ *ip* 'вверх'; Ласк. *ыннэ* 'вверх'; Иван. *еннэ* 'вверх'; Нап. *енэ* 'вверх'; Кул. *енэ* 'верх'; Чая *áнне* 'вверх';

5) эрте 'рано' (Азбука: 6), эртэ (Азбука: 30) vs. Стс. *áртé* / *ертé* 'рано';

6) сыгтэ 'блоха' (Азбука: 6) vs. Нап. *сыттé* 'блоха';

7) капче 'после' (Праздник: 11, 15] vs. Чиж. *капт'э* 'после'.

Исключения:

1) омбе 'скоро' (Азбука: 37; Праздник: 14) vs. *отро 'скоро' (Alatalo, 2004: 98, 11): Таз. *отрá* 'скоро (через очень непродолжительное время), вскоре'; Иван. *омб'е* 'сейчас';

2) поне 'наружу' (Азбука: 35; Праздник: 14) vs. **pō-* 'внешний' (Alatalo, 2004: 98, 59): Таз. *po* > *-poná* 'наружу, на улицу'; Иван. *поне* 'наружу'.

-а

Ударение на 1-м слог:

1) анда 'лодка' (Азбука: 6) vs. *antu 'лодка' (Alatalo, 2004: 24): Таз. *anti* 'челнок, лодка-долбленка («ветка»); Тюхт. *áнда* 'лодка'; Чая *áнда* 'лодка';

2) кага 'кладбище' (Азбука: 6) vs. Тюхт. *кага* 'кладбище'; Пар. *кага* 'кладбище'; Пар., Стс. *кага* 'покойник'; Иван. *кáга* 'могила'; Чая *кага* 'покойник';

3) каза 'сорока' (Азбука: 6) vs. *kāša 'сорока' (Alatalo, 2004: 316): Таз. *iškāša* ~ *išqāša* 'сорока'; Тюхт. *кáжа* 'сорока'; Стс. *каза* 'сорока';

4) мада 'дом' (Азбука: 6; Праздник: 21) vs. *māt 'дом, чум' (Alatalo 2004: 107; SW: 90): Таз. *мáл*, 'чум, дом'; Пар. *мáтэ* 'в дом', *мáда* 'дверь'; Тюхт. *мáда* 'дверь'; Нап. *мáда* 'дверь'; Чая *мáда* 'дверь';

5) мотча 'пятка' (Азбука: 6) vs. **то́сэ* 'пятка' (Alatalo, 2004: 119): Нап. *мóч'а* 'пятка'; Иван. *мóт'á* 'пятки';

6) нэка 'женщина' (Азбука: 6) vs. *ne 'женщина' (Alatalo, 2004: 194): Таз. *näl* 'женского пола, самка'; Пар. *нэга* 'дочь; кукла'; Тюхт. *н'эга* 'кукла'; Чая *нэка* 'кукла';

7) тава 'мышь' (Азбука: 6) *tama / *tāma 'мышь' (Alatalo, 2004: 149): Таз. *tama* 'мышь (лемминг)'; Тюхт. *тавá* 'мышь' / *тáва* 'мышь'; Нап. *тáма* 'мышь'; Чая *тáва* 'мышь';

Ударение НЕ на 1-м слог:

8) ача 'папа' (Азбука: 37) vs. *áca 'папа' (Alatalo, 2004: 29): Таз. *esi* 'отец'; Тюхт. *áджа* 'папа'; Пар. *аж'á* 'отец';

9) кала 'чашка' (Азбука: 6, 39) vs. *kala 'чашка' (Alatalo, 2004: 336): Пар. *калá* 'чашка'; Тюхт. *кáла* 'чашка'; Нап. *калá* 'миска'; Ласк. *калá* 'чашка'; Пар. *калá* 'чашка'; Иван. *калá* 'чашка'; Чая *калá* 'чашка' < эвенк. *калан* 'котел';

10) кара 'журавль' (Азбука: 6, 39, 45) vs. *qara* 'журавль' (Alatalo, 2004: 323): Таз. *qara* 'журавль'; Иван., Чая *карá* 'журавль';

11) коча 'мешок' (Азбука: 6) vs. *koča 'мешок' (Alatalo, 2004: 280): Тюхт. *коджá* / *кóджа* 'мешок'; Нап. *кóджа* 'мешок'; Иван. *коджá* 'мешок';

12) кыба 'маленький' (Азбука: 37, 40; Праздник: 12) vs. *kira* 'маленький' (Alatalo, 2004: 262): Таз. *kira* 'малый, младший; малолетство, детский возраст'; Иван. *кыбá* 'маленькая';

⁵ Здесь и далее полужирным шрифтом обозначаются отклонения от ожидаемого места ударения.

13) лога ‘лиса’ (Азбука: 6, 43, 45) vs. *loḡa ‘лиса’ (Alatalo, 2004: 397): Тюхт. *логá* ‘лиса’; Нап. *лóуа* ‘лиса’; Иван. *лоуá* ‘лиса’; Чая *логá* ‘лисица’;

14) пая ‘старуха’ (Азбука: 31, 43, 46; Праздник: 13) vs. *paḡa ‘(замужняя) женщина’ (Alatalo, 2004: 78): Иван. *пajá* ‘женщина, старуха’;

15) эра ‘старик’ (Азбука: 31, 37) vs. *ira / *era ‘старик’ (Alatalo, 2004: 49): Таз. *ira* ‘мужчина; муж; старик; король (в картах)’; Тюхт. *epá* ‘старик’; Ласк. *äpá* ‘старик’; Иван. *apá* ‘старик’;

16) нима ‘молоко’ (Азбука: 6) vs. *nim- ‘сосать’ (Alatalo, 2004: 235): Таз. *n’imḡo* ‘сосать (об одном сосательном движении), всасывать, высасывать, засасывать’; Иван. *н’емгу* ‘обсасывать’; Бак. *н’има* ‘молоко’.

Исключения:

1) кора ‘песок’ (Азбука: 6) vs. Таз. *kōra* ‘песок’; Кел. *кóра* ‘песок’;

2) чоба ‘метла’ (Азбука: 6) vs. Иван. *чобá* ‘метла’.

-(ы/е) -гу

Ударение на 1-м слоге:

1) игу ‘брать’ (Азбука: 48) vs. **ī-* ‘брать’ (Alatalo, 2004: 3): Таз. *īḡo* ‘взять; принять, получить; занять (место, пространство)’; Нап. *’игу*, *’игу* ‘достать’, *’йгу* ‘получить’, *’иг’ешпугу* ‘отцеплять’; Ласк. *’йгу* ‘получить’; Иван. *’игу* ‘взять’;

2) омтыгу ‘просить, молить’ (Праздник: 12, 19) vs. *omtət ‘просить, молить’ (Alatalo, 2004: 11): Таз. *omtītḡo* ‘жаловаться, жаловаться’; Иван. *ómтугу* ‘молить’;

3) когу ‘рожать’ (Азбука: 6) vs. **ko-* ‘рожать’ (Alatalo, 2004: 251): Таз. *qoḡo* ‘найти, обнаружить; увидеть; выяснить, узнать; родить’; Ласк. *кóгу* ‘народить’; Стс. *кóгу* ‘родить’, *кóуу* ‘телиться’; Иван. *когу* ‘родить’ / *кóгу* ‘вынашивать’;

4) квангу ‘идти’ (Азбука: 27, 39; Праздник: 8, 29) vs. **kuən-* ‘идти’ > **kuəntə-* ‘нести’ (Alatalo, 2004: 291): Таз. *qenḡo* ‘отправиться, пойти, поехать, уйти, уехать’; Пар. *кунгу* ‘пойти’, *квэнэгу* ‘пойти’, (арх.) *квонэгу* ‘идти’; Тюхт. *квэнгу* ‘идти’; Нап. *квэнгу* / *квингу* ‘уйти’, *кведалгу* ‘шагать’; Ласк. *квэнгу* ‘уйти’; Мак. *кванку* ‘уйти’; Стс. *квангу* ‘сходить’; Варг. *квэнгу* ‘идти’;

5) мегу ‘делать’ (Азбука: 6, 23, 45; Праздник: 8, 12) vs. **mē-* ‘делать’ (Alatalo, 2004: 105): Таз. *mēḡo* ‘сделать; приготовить; построить; вылечить, исцелить’; Нап. *м’эгу* ‘отстраивать’; Иван. *мегу* ‘сделать’;

6) нюгу ‘открывать’ (Азбука: 6) vs. **nī-* ‘открывать’ (Alatalo, 2004: 194): Таз. *nīḡo* ‘открыть’; Нап. *нóгу* ‘откупорить’, *нóуолгу* ‘откупоривать’; Иван. *нóгу* ‘отпереть’;

7) пегу ‘искать’ (Азбука: 6); пегылгу (Праздник: 29) vs. **pē-* ‘искать’ (Alatalo, 2004: 60): Таз. *pēḡo* ‘искать’; Нап. *п’эргу* ‘искать’;

8) таргу ‘делить, менять’ (Азбука: 47) vs. **tār-* ‘делить, менять’ (Alatalo, 2004: 183): Таз. *tārḡo* ~ *tārḡo* ‘разделить’; Пар. *тáргу* ‘менять’; Нап. *тáргу* ‘отделить, отчеркнуть’, *тáргу* ‘разделиться’, *тáр’енджугу* ‘отделиться’, *таRéшпугу* / *тáрешпугу* ‘отдалять’; Иван. *тáргу* ‘сменить’, *тáрешпугу* ‘обменять’;

9) чугу ‘мазать’ (Азбука: 6) vs. **čō-* ‘мазать’ (Alatalo, 2004: 206): Таз. *čōḡo* ‘обмазать, намазать’; Нап. *ч’óгу* ‘мазать, высмолить, мазать глиной (выбелить)’, *ч’ó/огу* ‘замазать’, *ч’оуолгу* ‘подмазать’; Ласк. *ч’óгу* ‘помазать’;

10) чурогу ‘плакать’ (Азбука: 7) vs. **čūrə-* ‘плакать’ (Alatalo, 2004: 229): Таз. *čūrḡo* ‘плакать’; Тюхт. *ч’у́ра* ‘вой’; Нап. *ч’ургу* ‘плакать’; Ласк. *ч’ургу* ‘плакать’; Стс. *т’ургу* ‘плакать’; Иван. *ту́ра* ‘плачет’, *ту́решпугу* ‘оплакивать’;

11) элгу ‘жить’ (Праздник: 12); эгу (Праздник: 12); **элг у [Азбука: 23]** vs. *ilə ‘жить’ (Alatalo, 2004: 55): Таз. *ilḡo* ‘жить’; Нап. *’эгу* ‘быть’; Стс. *’илугу* ‘жить’;

12) андугу ‘хвалить’ (Праздник: 15) vs. **āntə-* ‘хвалить’ (Alatalo, 2004: 25): Таз. *āntḡo* ‘хвалить’; Нап. *āндалбугу* ‘обрадовать’ / *āндалбугу* ‘радоваться’, *’андугу* ‘расхвалиться’, *’андáлгу* / *’андáлгу* ‘радоваться’; Ласк. *ándугу* ‘хвалить’, *āндалбугу* ‘завидовать’, *āндалгу* ‘радоваться’, *āндалжугу* ‘удивить’; Иван. *āндалбугу* ‘радоваться’, *āндэгу* ‘хвалить’;

13) тюгу ‘приходить’ (Праздник: 26) **tū-* ‘приходить’ (Alatalo, 2004: 140): Таз. *tūḡo* ‘прийти, приехать’; Нап. *тóгу* ‘объявиться’; Иван. *тúгу* ‘слезть с коня’.

Ударение НЕ на 1-м слоге:

14) татку ‘носить’ (Праздник: 21, 28); Таз. *tattḡo* ‘носить, приносить, возить, привозить’; Иван. *тадэгу* ‘принести’.

Исключения:

1) мачьгу ‘резать’ (Азбука: 46) **mačə-* ‘резать’ (Alatalo, 2004: 108): Таз. *mātiqo* ‘разрезать, срубить, спилить’, *tō mātiqo* ‘отрезать, обрезать’; Тюхт. *маджегу* ‘надрезать’, *маджгу* ‘заколоть’; Нап. *’ил’э маджугу* ‘свалить’ / *’ил’э маджгу* ‘свалить’, *мад’эшпугу* ‘обрезаться’;

2) мигу ‘дать’ (Азбука: 6; Праздник: 20): Таз. *tiqo* ‘дать, отдать; выдать (замуж); заплатить’; Нап. *м’игу* ‘отдать’.

«Квази» исключения (материал памятника совпадает с современным иванкинским диалектом, но отличается от остальных):

1) амгу ‘есть’ (Азбука: 6, 43, 46; Праздник: 12); аворгу (Праздник: 11, 12) vs. **am-* ‘есть’ (Alatalo, 2004: 7): Таз. *amqo* ‘съесть; привести в омертвелое состояние, сжечь, заморозить и т.д. (о стихийных силах); постигнуть (о неприятности)’; Нап. *амгу* ‘съесть’; Иван. *ámгу* ‘съесть’; Ласк. *ав’эшпугу* ‘нагореть’, *амгу* ‘съесть’; Тиб. *ав’эшпугу* ‘есть’; Стс. *амгу* ‘съесть’;

2) ютку ‘пить’ (Праздники: 8) vs. **üt / *ūtə* ‘вода’ (Alatalo, 2004: 20): Таз. *üt₁* (*üt₁-*, редко *ūt₁-*) ‘вода; спиртное, водка; (также Тур.) вино’; Пар. *юдэ* ‘вода; водка’, *юдэгу* ‘промокнуть’, *йтáлжугу* ‘напоить, спойть’, *юдэ шпугу* ‘пить’; Иван. *юдэгу* ‘опустить в воду’; Тюхт. *йтáл’джегу* ‘напоить’; Нап. *йтáлжугу* ‘отпаивать’.

-(ы/е) м-бу/е-гу

Ударение на 1-м слоге:

1) телымбыгу ‘светить’ (Праздник: 13) vs. Таз. *сэли* ‘день; свет; солнце’; Нап. *ч’ел’эшпугу* ‘освещать’, *ч’элембугу* ‘осветить’.

-о/ол-гу

Ударение НЕ на 1-м слоге:

1) пачалгу ‘рубить’ (Праздник: 28) vs. *pač ə – (Alatalo, 2004: 75): Таз. *pačalqo* ~ *pačcalqo* ‘срубить, прорубить, разрубить, расколоть; скосить (траву); сбить (ягоды кузовом-битком); лягнуть, ударить копытом’; Тюхт. *паджáлгу* ‘рубить’; Нап. *паджугу* ‘отколоть’, *паджáлджугу* ‘отколоть’, *пач’áлгу* ‘рубить’; Иван. *пад’áлгу* ‘отрубать’;

2) оралгу ‘хватать’ (Азбука: 36) **or-* ‘хватать’ (Alatalo, 2004: 45): Таз. *or-* > *oraqo* ‘ловить, хватать; щупать’; Тюхт. *орралгу* ‘схватить’, *оррал’джегу* ‘зацепить’; Нап. *орáлгу* ‘поймать, браться’, *орáл’джугу* ‘вцепляться’; Иван. *орáлгу* ‘хватать’, *орáлдз’áгу* ‘уцепиться’; Чая *орáлбыгу* ‘держатъ’, *орáлджигу* ‘ухватиться’;

3) паралгу ‘плести’ (Азбука: 38): Таз. *paɾqo* ‘свить, сплести’; Тюхт. пар’эшпэгу ‘вить’; Нап. *пáргу* ‘вить’, (ч’весе) *пáрáлгу* ‘возвратиться’.

Таблица 2

Статистика исключений

Морфема	Маркировка корня в XIX и XX вв. совпадала	Маркировка корня в XIX и XX вв. различалась
-э	7 примеров	2 примера (частицы)
-а	16 примеров	2 примера (в одном диалекте)
-(ы/е) -гу	14 примеров +2 квази исключения	2 примера
-(ы/е) м-бу/е-гу	1 пример	нет
-а /ол-гу	3 примера	нет

Выводы

Итак, суммарно рассмотрено 49 основ с плюсовыми суффиксами в памятниках, созданных Н. П. Григоровским, и материалах картотеки А. П. Дульзона и его последователей. В 41 примере маркировка корня и аффикса в XIX в. совпадала с диалектами XX в., в 6 примерах, из которых два – частицы, еще два имеют параллели только в одном диалекте XX в., наблюдаются отклонения. Количество исключений не достигает 15%.

Схожая статистика, как видно из материалов по картотеке А. П. Дульзона, приведенных в [Норманская 2012] наблюдается и при сравнении данных об акцентных маркировках корней одного селькупского диалекта по сравнению с другими. Видимо, русский исследователь примерно в 15% случаев не мог правильно определить место селькупского ударения, которое имеет несколько другую физическую природу, чем русское. Однако рассмотренный в статье материал позволяет сделать следующие выводы:

1) селькупское ударение в XIX в. принципиально не отличалось от того, которое в XX в. было зафиксировано А. П. Дульзоном и его последователями;

2) Н. П. Григоровский, не будучи лингвистом, в XIX в. зафиксировал в своих книгах иванкинский селькупский диалект с большой точностью, не уступающей лингвистам XX в., поэтому его работы имеют большое значение для изучения истории селькупского языка и должны быть в дальнейшем всесторонне проанализированы.

Список сокращений

- Иван. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Иванкино Колпашевского района Томской области;
- Кел. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Келлог Туруханского района Красноярского края;
- Кул. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Кулеево Каргасокского района Томской области;
- Нап. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Напас Каргасокского района Томской области;
- Пар. – полевые материалы, собранные в 2009 г. в с. Парабель Парабельского района Томской области;
- Стс. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Старо-Сондорово Верхнекетского района Томской области;
- Таз. – материалы словаря [Helimski 2007] по тазовскому диалекту;
- Тиб. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Тибинок Колпашевского района Томской области;
- Тур. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Туруханске Туруханского района Красноярского края;
- Тюхт. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Тюхтерево Парабельского района Томской области;
- Чиж. – материалы из архива А. П. Дульзона, собранные на р. Чижалка.

Список литературы

- Азбука – Азбука Суюсгой гулани. Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарым. края. Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1879.
- Быконя 2005 – Селькупско-русский диалектный словарь / ред. В. В. Быконя. Томск, 2005.
- Зырянова 2002 – Зырянова Е. В. Вопросы морфемного членения селькупского глагольного слова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2002. Вып. 1. С. 43–46.
- Норманская 2012 – Норманская Ю. В. Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Ч. I. Ударение в центральных и южных селькупских диалектах // Урало-алтайские исследования. 2012. 1 (6). С. 117–149.
- Праздник – Объяснение праздников св. церкви. На остяцко-самоедск. яз. [Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарым. края]. Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1879. (<https://vivaldi.nlr.ru/bx000022509/details>)
- Alatalo 2004 – Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J. / Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.

Норманская Ю. В., доктор филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: julianor@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19 октября 2015.

Normanskaja Ju. V.

ACCENT IN THE FIRST SELKUP BOOKS, CREATED BY N. P. GRIGOROVSKY IN XIX CENTURY

This article analyzes the system of accentuation in the first monographs on the Selkup language created by N. P. Grigorovsky. The considered material allows to draw the following conclusions: 1) Selkup stress in the nineteenth century has no fundamental difference from that in the XX century was recorded by A. P. Dulzon and his followers. 2) N. P. Grigorovsky, not being a linguist, in the XIX century has fixated in his books Ivankino Selkup dialect similar to the linguists of the XX century, therefore his works are of great importance for studying the history of Selkup, and should be further investigated.

Key words: *the Selkup language, N. P. Grigorovsky, accent system, Ivankino dialect.*

References

- Alatalo 2004 – *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.
- Azbuka – *Azbuka Syussogoy gulani*. Sost. N. P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narym. kraja. Izdanie Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva. [ABC book edited by N. P. Grigorovskiy for the aboriginal people of Narym district. Published by Orthodox Missionary Society]. Kazan', 1879. (<https://ivaldi.nlr.ru/bx000010235/view>).
- Bykonya 2005 – *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* pod red. V. V. Bykonya [Selkup-Russian dialectal dictionary. Ed. V. V. Bykonja]. Tomsk, 2005.
- Zyryanova 2002 – Zyryanova E. V. Voprosy morfemnogo chleneniya sel'kupskogo glagol'nogo slova [Issues in morphemic constitution of Selkup verbs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2002, 1, pp. 43–46.
- Normanskaya 2012 – Normanskaya Yu. V. Prasamodiyskoe udareniye i ego vneshnie sootvetstviya. Chast' I. Udareniye v central'nykh i yuzhnykh sel'kupskikh dialektakh [Proto-Samoyedic stress and its external correlates. Part-1. Stress in central and southern dialects]. *Uralo-altayskiye issledovaniya – Ural-Altai Studeis*, 2012, no. 1 (6), pp. 117–149.
- Prazdnik – *Ob'jasneniye prazdnikov sv. cerkvi. Na ostyacko-samoedsk. yaz.* [Sost. N. P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narym. kraja], Izdaniye Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva [Explanation of the holy church holidays, in Ostjak-Samoyed language. Published by Orthodox Missionary Society]. Kazan', 1879. (<https://ivaldi.nlr.ru/bx000022509/details>)

Normanskaja Yu. V.

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Bolshoy Kislovskiy per., 1, str. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: julianor@mail.ru

Потанина О. С.

О ПРОЕКТЕ «ТИПОЛОГИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВ ОБСКО-ЕНИСЕЙСКОГО АРЕАЛА»¹

Все языки обско-енисейского языкового ареала (восточные диалекты хантыйского языка, южные диалекты селькупского языка, чулымско-тюркский, кетский) являются слабоизученными языками, находящимися под угрозой исчезновения. Исследования посессивности в указанных языках не являются полными: существующие научные работы не охватывают весь спектр типов и функций посессивных конструкций, встречающихся в данных языках. Имеются отдельные исследования категории посессивности на материале языков проекта, выполненные в типологической перспективе с учетом имеющихся типологических параметров для описания посессивности. В статье описывается содержание текущего научного проекта по описанию типологии посессивности в языках обско-енисейского ареала, который выполняется на кафедре языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Основной целью работ по проекту является создание типологического «портрета» данных языков и описание как атрибутивной, так и предикативной посессивности в структурно разных языках. Исследования способов выражения посессивности в языках проекта проводятся в общетипологической перспективе, с опорой на теорию грамматики, теорию информативной структуры предложений, с учетом прагматических факторов. Являясь универсальной понятийной категорией, посессивность не имеет универсальных способов выражения: языки проекта демонстрируют значительное разнообразие лексических, морфологических, синтаксических средств маркирования посессивных отношений. Кроме структурной вариативности посессивные конструкции обнаруживают многообразие своих функций и семантических отношений, которые включают отношения обладания, партитивные отношения, отношения родства, ассоциативные.

Ключевые слова: категория посессивности, типология, морфосинтаксис, исчезающие языки Сибири.

Являясь универсальной понятийной категорией, категория посессивности не имеет универсальных способов выражения посессивных отношений: в языках мира представлено все разнообразие способов выражения посессивности (с помощью лексических, морфологических, синтаксических средств). Кроме значительной типологической вариативности на экспонентном уровне, посессивные формы обладают и целым рядом различных функций и значений: посессивные конструкции выражают значения собственно принадлежности, отношения части-целого, отношения родства, актантные отношения, значение определенности/неопределенности, ассоциативные значения, выполняют также прагматические функции.

В отечественной лингвистике категория посессивности хорошо изучена на материале германских, славянских, романских, балтийских языков: посессивность являлась объектом научных исследований и в классических трудах по языкознанию (работы Н. С. Трубецкого, С. Д. Кацнельсона, И. И. Мещанинова, А. А. Холодовича и др.), проблематика глубоко разрабатывалась в Секторе структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики РАН (А. В. Головачева, Вяч. Вс. Иванов, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, М. А. Журиная и др.). Результаты исследований по данной проблематике представлены в коллективных монографиях «Категория бытия и обладания в языке» (1977), «Категория посессивности в славянских и балканских языках» (1989). Значимые достижения в области исследования категории посессивности принадлежат также таким ученым, как О. Н. Селиверстова (1983), В. Н. Топоров (1986), Т. В. Цивьян (1984), К. Г. Чинчлей (1990) и др. Категория посессивности активно исследовалась на материале индоевропейских и других языков в Институте лингвистических исследований РАН и Санкт-Петербургском государственном университете в рамках теории функциональной грамматики (коллективная монография под ред. А. В. Бондарко «Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность», 1996). Основным достижением в изучении посессивности стало описание посессивного типа предложений как одного из основных в лингвистической типологии и его связь с другими грамматическими структурными типами. Основное внимание в предшествующих исследованиях уделялось исследованию языкового сознания социума, определению границ личной сферы, изучению формальной и содержательной сторон категории посессивности, синхронной и диахронической типологии посессивности, а также важность описания притяжательных отношений для когнитивной психологии. Указанные аспекты рассматривались на материале славянских, германских, романских и других индоевропейских языков (хотя данные языков различных типологий и генетических связей также привлекались).

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ: грант №15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

Исследованиями категории посессивности в типологической перспективе занимались отечественные и зарубежные лингвисты. В частности, У. Крофт (Croft, 2003) одним из первых описал основные грамматические черты релевантные для типологического описания посессивных конструкций: морфологическое образование (отсутствие морфем, морфемы-связки, словоизменительные морфемы и т. д.), степень фузии элементов посессивной конструкции, порядок следования элементов посессивной конструкции. Фундаментальной для типологии категории посессивности стала работа Б. Хайне (Heine, 1997), в которой представлено типологическое и когнитивно-функциональное исследование категории посессивности. Б. Хайне выделил два главных синтаксических типа посессивных конструкций – предикативную и именную посессивность. Значимость данного исследования заключается еще и в том, что автор предложил более разнообразную семантическую классификацию посессивных конструкций, которые передают значение собственно посессивности, временной принадлежности, абстрактной принадлежности, отношения части-целого, ассоциативный посессив. Еще одной значимой работой, которая составляет теоретико-методологическую базу исследования «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала», является типологическое исследование М. Копчевской-Тамм (2003), которая описала основные формальные типы именных посессивных конструкций в языках Европы.

В области исследования проблематики посессивности на материале языков проекта в существующих грамматических очерках данных языков имеются небольшие разделы, посвященные притяжательным местоимениям и собственно значению принадлежности, имеются также отдельные статьи по тематике проекта и кандидатская диссертация по посессивности в селькупском языке А. А. Ким (1983). Большинство этих исследований было выполнено в конце XX в. и уже не отражает в полной мере современного состояния типологических исследований в области изучения категории посессивности. Проект «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала» имеет типологическую и ареальную направленность и ставит своей целью разработку типологических параметров для описания категории посессивности в языках обско-енисейского ареала и составление «типологического портрета» каждого из языков проекта. Все языки проекта (восточные диалекты хантыйского языка, южные диалекты селькупского языка, кетский язык, чулымско-тюркский и телеутский языки) представляются как недостаточно изученные. Исследования категории посессивности на материале языков проекта все еще не имеют исчерпывающего и комплексного описания функционального потенциала посессивных конструкций, выполненного в рамках современных типологических подходов и с учетом разработанных типологических параметров (Stassen, 2009; Heine, 1997; Чинчлей, 1990; Теория функциональной грамматики 1996 и др.).

Поскольку языками проекта являются малоизученные и только частично задокументированные исчезающие языки Западной Сибири, то на первом этапе работы проводится анализ архивных материалов по релевантным языкам, в частности из архивов кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета. Привлечение к анализу уже опубликованных грамматик по языкам проекта производится, однако не является приоритетным, поскольку, во-первых, не по всем языкам проекта опубликованы полноценные грамматики, во-вторых, содержание грамматик в некоторых случаях не отвечает целям и задачам проекта: вопросы посессивности в них обсуждаются спорадически, касаются в основном грамматики притяжательных местоимений, вопросов формальной стороны посессивных конструкций и рассматривают только собственно притяжательное значение подобных конструкций. Более того, все имеющиеся грамматики датируются концом XX в., и в них не применялись современные типологические параметры для описания посессивности. В-третьих, многие грамматики охватывают материал какого-либо одного диалекта отдельного языка, хотя именно диалектное варьирование позволяет пролить свет на историю языковых контактов и формирование стратегий кодирования посессивных отношений в языках/диалектах обско-енисейского ареала. Архив кафедры языков народов Сибири представляет собой собрание рукописных томов бытовых и фольклорных текстов, в том числе на хантыйском, селькупском, чулымско-тюркском, кетском языках. На втором этапе выполняется работа с томами, и изучение вопросов выражения посессивности в языках проекта будет также сопровождаться морфосинтаксическим анализом и аннотированием данных материалов (Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов языков обско-енисейского ареала, 2010, 2012, 2013, 2015). На основе полученных данных разрабатывается типологическая анкета, включающая возможные параметры для описания именных и предикативных конструкций в языках проекта. Данная анкета будет использоваться и при необходимости корректироваться во время экспедиционных исследований в местах проживания коренных народов обско-енисейского ареала. Анкета создается на основе теоретико-методологической базы исследования, которую составляют последние работы и достижения в области типологии категории посессивности.

В последнее время категория посессивности в языках проекта являлась объектом исследований целого ряда ученых. Исследования посессивности в самодийских языках активно проводятся на материале

северо-самодийских языков. В нганасанском языке, в котором посессивная именная группа состоит из посессора и обладаемого, и в атрибутивной посессивной конструкции посессор всегда предшествует обладаемому, отношения принадлежности между атрибутивом (посессором) и вершиной (обладаемым) кодируются посессивными аффиксами на вершине и/или суффиксом генитива на посессоре (Wagner-Nagy, 2014: 82). Кроме именной посессивности Б. Вагнер-Надь (2014) рассматривает и предикативные посессивные конструкции и классифицирует их по нескольким подгруппам. Согласно ее мнению, в нганасанском языке имеются так называемые транзитивные конструкции (посессивные конструкции с глаголом «иметь») и конструкция, образованная на основе бытийной конструкции (Wagner-Nagy, 2014: 77). Исследования категории посессивности в самодийских языках также представлены типологическим изучением особенностей функционирования посессивных маркеров в северо-самодийских языках Ф. Сигла (Siegl, 2015). Он отмечает, в частности, что характерной чертой северо-самодийских языков является референциальное непритяжательное использование посессивного суффикса второго лица множественного числа (PX.2P) в функции кодирования топика. Несмотря на то, что важность этой черты в общей информационной структуре относительно бесспорна, особенности взаимосвязи информационной структуры и синтаксиса не освещены в достаточной мере (Siegl, 2015: 31). Основной целью указанного исследования является освещение структурных особенностей именной группы, принимающей референциальное притяжательное маркирование. Данная работа является качественным исследованием – продолжением более ранних попыток анализа функциональных характеристик маркера PX.2P в языках коренного населения Таймыра. Как показывают данные анализа, северо-самодийские языки демонстрируют последовательные структурные особенности морфосинтаксической реализации маркирования именных групп показателем PX.2P как при глагольной, так и при неглагольной предикации.

Еще одним малоизученным языком проекта является васюганский диалект хантыйского языка, исследование посессивности в котором не имело до сих пор системного характера. Категория посессивности в уральских языках и северных диалектах хантыйского языка, в частности, ранее подвергалась типологическому описанию (Nikolaeva, 1999, 2003), однако исследования посессивности в восточных диалектах хантыйского языка немногочисленны. Для восточных диалектов хантыйского языка было выявлено, что к наиболее продуктивным и частотным моделям относятся приименные посессивные конструкции, а также бытийные/локативные/посессивные конструкции, в которых обладатель выражен локативной именной группой. Анализ материала на лексико-морфологическом уровне показал, что набор именных атрибутивных аффиксов проприетивной/посессивной семантики используется для выражения наличия/обладания неких знаменательных черт. С точки зрения маркирования посессора в атрибутивной посессивной группе васюганский диалект относится к языкам с вершинным маркированием. Что касается стратегии кодирования посессора, то эксплицитное маркирование посессивных отношений на посессоре отсутствует: в хантыйском языке нет генитива и нет функционально схожих средств выражения посессивных отношений, указывающих на то, что определенный член группы является посессором (Потанина, 2014: 166). В восточных диалектах хантыйского языка частотны примеры, в которых отсутствует эксплицитное маркирование посессивных отношений (Potanina, Filchenko, 2015). В плане аргументной структуры и дискурсной прагматики посессивное маркирование используется в целях структурирования информации и обеспечения связанности дискурса, обозначая более топикальные, дискурс-активные референты пропозиций (Filchenko, 2014: 88).

В связи с недостаточной изученностью категории посессивности в языках проекта основной научной проблемой, на решение которой направлен проект, является создание типологии посессивности на материале малоизученных исчезающих языков Западной Сибири, а именно языков обско-енисейского ареала (восточные диалекты хантыйского языка, южные диалекты селькупского, кетский язык, чулымско-тюркский и телеутский языки). Исследовательский фокус проекта направлен на составление «типологического портрета» всего разнообразия посессивных конструкций в разносистемных и генетически неродственных и отдаленно родственных языках, распространенных в обско-енисейском ареале. Предметом исследования выступают как именные, так и предикативные посессивные конструкции, исследование которых будет проводиться в рамках общетипологической перспективы, современной теории грамматикализации, теории информационной структуры высказывания, а также в прагматическом аспекте функционирования посессивных конструкций. В рамках проведения исследовательской работы по проекту с целью описания типологических особенностей всего разнообразия посессивных конструкций в разносистемных и генетически неродственных и отдаленно родственных языках, распространенных в обско-енисейском ареале, выполняется исследование именной и предикативной посессивности во всем спектре их значений, в частности: обосновывается принадлежность языков проекта к «Esse-языкам» либо «Habeo-языкам» и выявляются особенности функционирования глаголов «быть» и «иметь» как способов выражения посессивных отношений

в данных языках; описываются способы кодирования предикативной посессивности; выявляются взаимоотношения посессивных, локативных и экзистенциальных конструкций; изучаются неканонические предикативные конструкции (в частности морфосинтаксические возможности конструкций с «подъемом» посессора); на материале языков проекта создается типология именной посессивности на основе выявления морфосинтаксических способов кодирования посессивных отношений в именной группе.

Исследовательская работа по проекту будет выполняться в рамках современного функционального/типологического подхода с опорой на разработанные в данном подходе параметры для межязыкового описания и сопоставления посессивных конструкций в неродственных и отдаленно родственных языках. В качестве типологических параметров для сопоставительного исследования языков проекта используются, в частности, следующие:

1. Типологическое деление языков на *Esse*-языки и *Habeo*-языки. Данный подход позволяет определить ядерные и периферийные конструкции для каждого из языков проекта, а также объяснить предпочтение либо *habeo*-конструкций, либо падежного оформления посессивных отношений в языках, в которых оба варианта возможны. В рамках данного подхода также будет проверена гипотеза о возможном взаимовлиянии уральских и индоевропейских языков в области образования посессивных конструкций с глаголом-связкой «быть» (Honti, 2008). Имеющиеся типологические исследования позволяют предположить, что в так называемых *Habeo*-языках прототипические случаи выражения атрибутивной и предикативной посессивности – это, прежде всего, генитив, притяжательные местоимения и конструкции с глаголом «иметь». В *Esse*-языках наблюдается аналогичная выраженность атрибутивной посессивности, конструкции же с глаголом «иметь» относятся к периферии средств выражения посессивных отношений, центральное место занимают конструкции с глаголом «быть» (Милованова, 2009: 252).

2. Выявление основных морфосинтаксических способов кодирования предикативных и именных посессивных отношений (структурных типов посессивных конструкций), описание формальных средств кодирования посессивных отношений и выявление альтернативных способов кодирования посессивных отношений. В данном аспекте имеющийся материал по языкам проекта будет систематизирован с точки зрения локуса посессивного маркирования в именной группе: аналитические конструкции, зависимое маркирование, вершинное маркирование или вершинно-зависимое. В данном случае посессор является зависимым, а коррелят посессивного отношения – вершиной.

3. Сопоставление выявленных посессивных конструкций в языках проекта с прототипичным случаем реализации посессивности в языке, в котором представлен посессор (одушевленный субъект), коррелят посессивного отношения (реальное или возможное обладаемое) и отношения между ними. В рамках данного подхода в фокусе исследования также находятся семантика посессивности и выявление всего спектра возможных отношений между посессором и коррелятом, а также проблема выражения отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности. Основанием для данного исследования служит семантическая типология посессивности К. Г. Чинчлей (1990). В рамках данного подхода будут выявляться ядерные и периферийные посессивные значения в языках проекта. Предметом исследования в данном случае выступит семантика предикативной и именной посессивности.

В настоящий выпуск вошли статьи участников проекта, посвященные средствам выражения посессивности в языках проекта: селькупском, кетском, чулымско-тюркском и телеутском. Исследования показали, что в селькупском языке разнообразие именных моделей определяется варьированием в них маркеров посессивности: лично-притяжательных суффиксов, личных, возвратно-притяжательных и вопросительных местоимений, суффиксов родительного или местно-личного падежей (см. Ким-Малони, Ковылин; наст. выпуск). По мнению некоторых авторов, морфологические способы именной посессивности и семантика именных посессивных конструкций в селькупском языке довольно хорошо изучены, однако вопросы предикативной посессивности, прагматики посессивности, внешней посессивности, диахронического развития данной категории с позиций семасиологического и ономасиологического подходов остаются открытыми и требующими дальнейших исследований (см. Полякова, Будциш, наст. выпуск).

Посессивность в кетском языке в настоящее время остается слабоизученной областью как в сфере именной посессивности, так и предикативной. В частности, остается неясным статус показателя *da/d (i)* в именной парадигме. Автор статьи, посвященной посессивности в кетском языке, пытается ответить на вопросы о том, является ли этот показатель морфологическим элементом или служебным словом, падежный ли это суффикс родительного падежа или посессивный маркер (см. Крюкова, наст. выпуск).

Тюркские языки проекта – телеутский и чулымско-тюркский – представлены в сравнительном исследовании именных посессивных конструкций. В статье рассматриваются как изафетные конструкции, составляющие ядро ФСП посессивности, так и периферийные адъективные аффиксы **-liŋ* и **-yi*, которые выражают обладание предметом, качеством или признаком (см. Токмашев, Лемская, наст. выпуск).

Список литературы

- Категория бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977.
- Категория посессивности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1989.
- Милованова М. В. Вербализация категории посессивности в семантике языковых единиц: прототипические конструкции с глаголом иметь // Croat. Slav. Iadert. 2009. V. С. 251–264.
- Потанина О. С. К типологии атрибутивных посессивных конструкций на материале васюганского диалекта хантыйского языка // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. 2. С. 165–169.
- Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 45 с.
- Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996.
- Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М.: Наука, 1986. С. 142–167.
- Цивьян Т. В. Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках // Славянское и балканское языкознание. Языкознание в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 79–86.
- Чинчлей К. Г. Типология категории посессивности. Кишинев: Штиинца, 1990.
- Croft W. 2003. *Typology and Universals* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Filchenko A. Possessive Constructions in Eastern Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2014. Issue 1 (3). Pp. 83–95.
- Heine B. 1997. *Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization*. Cambridge University Press. 292 p.
- Honti L. 'HABERE' «по-уральски» // *Linguistica Uralica* XLIV. 2008. № 3. S. 161–177.
- Koptjevsjaka-Tamm M. 2003. Possessive Noun Phrases in the Languages of Europe. In F. Planck (Ed.), *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe* (pp. 621–722). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Nikolaeva I. 1999. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa.
- Nikolaeva I. 2003. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic / Comrie, Bernard, Valery Solovyev, and Pirkko Suihkonen (eds.).
- International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, May 21–24, 2001. Collection of Papers. Udmurt State University, Izhevsk, and Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig. Pp. 130–145.
- Potantina O., Filchenko A. 2015. A Theory and Typology of Possession in Ob-Yenisei Languages // XV International Conference “Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations”, LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 206 (2015). P. 76–84.
- Siegl F. The Structure of Noun Phrases with Referential PX.2P in Northern Samoyedic // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology, 2015. Issue 1 (7). Pp. 21–31.
- Stassen L. 2009. *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press.
- Wagner-Nagy B. Possessive Constructions in Nganasan // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2014. Issue 1 (3). Pp. 76–82.
- Потанина О. С., кандидат филологических наук, доцент.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: olgapotantina@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 15 декабря 2015.

Potantina O. S.

A TYPOLOGY OF POSSESSION BASED ON THE LANGUAGES OF OB-YENISSEIC AREA

The languages of the Ob-Yenisei linguistic area: Eastern Khanty, Southern Selkup, Chulym Turkic, Teleut and Ket are all underdescribed and highly endangered idioms (the total number of speakers of Southern Selkup, Eastern Khanty and Chulym Turkic is under 20 each, while Ket speakers number under 100, and Teleut – under 1 000). The study of possession in the languages of the area has not been complete, the existing works on this topic do not cover a wide range of functions and types of possessive constructions attested in these languages. There are very few studies of possession based on the data of these languages performed within a modern typological perspective taking into consideration the most recent typological parameters for the study of possession. The new project of Tomsk Department of Siberian Indigenous Languages sponsored by Russian Fund for Humanities aims at designing a typology of possession for the underdescribed and highly endangered languages of Western Siberia, Ob-Yeniseic river basin, in particular. The project focuses on creating a “typological portrait” of these languages: the description of a wide range of possessive constructions in structurally diverse and genetically unrelated/remotely related languages of the Ob-Yeniseic area.

The research focuses on both adnominal possession and predicative possession, the study of which will be performed within a general typological perspective, grammaticalization theory, information structure theory, and will cover the pragmatic aspects of possession. Being a universal category, possession does not have universal ways of manifesting possessive relations in languages: the languages of the world demonstrate a variety of means for marking possessive relations (lexical, morphological, syntactic means). Besides formal variation, possessive constructions have various functions and meanings: ownership, part-whole, kinship, associative possession, and pragmatic functions such as definiteness/indefiniteness.

Key words: *possession typology morphosyntax types of possessive marking semantics of possession endangered languages of Ob-Yeniseic Area.*

References

- Chinchley K. G. *Tipologiya kategorii posessivnosti* [Typology of the category of possession]. Kishinev, Shtiinca Publ., 1990.
- Croft W. 2003. *Typology and Universals* (2nd ed.). Cambridge, Cambridge University Press.
- Filchenko A. Possessive Constructions in Eastern Khanty. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 1 (3), pp. 83–95.
- Heine B. 1997. *Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization*. Cambridge University Press. 292 p.
- Honti L. 'HABERE' po-ural'sky. *Linguistica Uralica XLIV*. 2008, no. 3, pp. 161–177.
- Kategoriya bytiya i obladiyaniya v yazyke* [Category of existence and possession in language]. Moscow, Nauka Publ., 1977.
- Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [Category of possession in Slavic and Balkan languages]. Moscow, Nauka Publ., 1989.
- Koptjevskaja-Tamm M. 2003. Possessive Noun Phrases in the Languages of Europe. In F. Planck (Ed.), *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe* (pp. 621–722). Berlin, Mouton de Gruyter.
- Milovanova M. V. Verbalizaciya kategorii posessivnosti v semantike jazykovykh edinit: prototipicheskiye konstruksii s glagolom imet' [The realization of the category of possession in the semantics of linguistic units: the prototypical constructions with the verb "have"] // *Croat. Slav. Iadert*. 2009. V. Pp. 251–264.
- Nikolaeva I. 1999. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa.
- Nikolaeva I. 2003. *Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic*. Comrie, Bernard, Valery Solovyev, and Pirkko Suihkonen (eds.)
- International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia*. Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, May 21–24, 2001. Collection of Papers. Udmurt State University, Izhevsk, and Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, pp. 130–145.
- Potanina O. K tipologii atributivnykh posessivnykh konstrukciy na materiale vasyuganskogo dialekta khantyyskogo yazyka [Towards the typology of attributive possessive constructions in Eastern Khanty]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Theory and practice questions*. 2014, no. 5 (35), part 2, pp. 165–169.
- Potanina O., Filchenko A. A Theory and Typology of Possession in Ob-Yeniseic Languages. *XV International Conference "Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations"*, LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 206 (2015). Pp. 76–84.
- Seliverstova O. N. *Ekzistencial'nost' i posessivnost' v yazyke i rechi*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Existentials and possession in language and speech. Abstract of thesidoct. of philol. sci.]. Moscow, 1983. 45 p.
- Siegl F. The Structure of Noun Phrases with Referential PX.2P in Northern Samoyedic. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2015, no. 1 (7), pp. 21–31.
- Stassen L. 2009. *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press.
- Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [The theory of functional grammar. Locative. Beingness. Possessive. Conditionality]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996.
- Toporov V. N. O nekotorykh predposylkakh formirovaniya kategorii prityazhatel'nosti [On the bases for the formation of the category of possession] // *Slavyanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategorija posessivnosti*. Moscow, Nauka, 1986. pp. 142–167.
- Tsiv'yan T. B. Ob odnom aspekte posessivnosti i sposobakh ego vyrazheniya v balkanskikh yazykakh [On one aspect of possession and its coding means in Balkan languages]. *Slavyanskoe i balkanskoye jazykoznanie: Yazykoznanie v yetnokul'turnom aspekte* [Slavic and Balkan Linguistics: Linguistics in Ethnocultural aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1984. Pp. 79–86.
- Wagner-Nagy B. Possessive Constructions in Nganasan. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2014, no. 1 (3), pp. 76–82.

Potanina O. S.

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: olgapotanina@yahoo.com

Токмашев Д. М., Лемская В. М.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ТЕЛЕУТСКОМ И ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКАХ: ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ¹

Анализируются способы выражения посессивных отношений с помощью именных конструкций в телеутском и чулымско-тюркском языках. Посессивные отношения в рассматриваемых языках формируют ФСП, грамматическое ядро которого составляют изафетные конструкции третьего типа и сочетания притяжательных местоимений с существительными, маркированными аффиксами принадлежности. Это маркирование носит дискурсивный характер и является факультативным в 1-м и 2-м лице посессора, однако неотчуждаемая принадлежность выражается регулярным вершинным маркированием лично-притяжательной конструкции. Отмечается вне-изафетное и вне-посессивное употребление аффикса 3-го лица, предположительно связанное с артиклевой функцией данного аффикса.

На периферии ФСП посессивности находятся адъективные аффиксы *-liу и *-yi, которые выражают обладание предметом, качеством или признаком либо передают идею их концентрации, накопления.

Ключевые слова: телеутский язык, чулымско-тюркский язык, посессивность, изафет, лично-притяжательные конструкции, именные словообразования.

Рассматриваемые в данном обзоре тюркские идиомы Обско-Енисейского языкового ареала – языки бачатских телеутов (Насилов, 2002; Уртегешев, 2009) и чулымских тюрков (Дульзон, 1966) – относятся к бесписьменным миноритарным языкам Западной Сибири. Степень их взаимного родства осложняется диалектным членением чулымско-тюркского языка (Дульзон, 1973), один из диалектов которого – нижнечулымский – по фонетическим признакам приближается к языку бачатских телеутов, тогда как второй диалект – среднечулымский² – фонетически противопоставлен телеутскому (Бирюкович, 1973), что может обуславливаться гетерогенностью языковых компонентов – огузского и кыпчакского (ср. Баскаков, 1966; Novgorodov et al., 2015), либо их конвергентным развитием в ситуациях диалектно-языкового смешения (Радлов, 1868: 14; Дульзон, 1973: 16). Ни один из идиомов не представляет собой «чистый» тип огузского или кыпчакского языка.

Ввиду наличия традиционной проблемы «язык/диалект» в тюркологии (ср. термины «телеутский язык», «бачатско-телеутский язык», «язык бачатских телеутов», «телеутский диалект (южно) алтайского языка», «язык ясашных инородцев» («исашный язык»), «язык чулымских татар», «язык чулымских хакасов», «чулымско-тюркский язык» и др.) мы употребляем термины «телеутский язык» и «чулымско-тюркский язык» в значении *идиом*. Данная терминологическая единица выступает гиперонимом по отношению к терминам «язык»/«диалект» и позволяет рассматривать данные языки с точки зрения их коммуникативных функций и свойств (Виноградов и др., 2008: 18).

Положение телеутского и чулымско-тюркского языков в тюркологических классификациях нестабильно и зависит от классификационных критериев. В классификациях, построенных с учетом территориальных и глоттохронологических признаков, оба идиома включаются в одну группу – сибирские тюркские языки (Мудрак, 2009), южная подгруппа северо-восточной группы тюркских языков с выделением компонентов *AltayTurkic* и *ChulymTurkic* соответственно (Yohanson, 1998).

Социолингвистический статус обоих языков характеризуется малой коммуникативной мощностью, отсутствием письменных форм языка и низкой степенью языковой лояльности носителей (в том числе по данным полевых исследований авторов), что типично для языков коренных малочисленных народов Сибири. Чулымско-тюркский может быть охарактеризован как находящийся под сильнейшей угрозой исчезновения (ср. англ. *critically endangered* ‘находящийся под критической угрозой’ – термин ЮНЕСКО, характеризующий уровень жизнеспособности языка), при этом возраст активных носителей среднечулымского диалекта – не менее 55 лет, а нижнечулымский диалект, по нашим данным, исчез в 2011 г. С другой стороны, телеутский, хотя и в редуцированном виде (учитывая сжимающиеся сферы употребления), сохраняет передачу языка последующим поколениям. Подробнее о социолингвистическом статусе идиомов см. (Токмашев и Федотова, 2014; Лемская, 2013; Lemskaya&Vasanlı [в печати]).

Границы распространения телеутского идиома охватывают территорию Беловского (с. Беково, мкрн Телеут, д. Улус, д. Шанда) и Новокузнецкого (д. Телеуты) районов Кемеровской области. Кроме того, от-

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ: грант №15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

² Проект № 15-34-01226а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

дельные этнографические группы телеутов проживают в Алтайском крае и Республике Алтай. Исторически телеуты – потомки тюркоязычных кочевников Центральной Азии, территория расселения предков современных телеутов охватывала верховья р. Обь и территории современных Новосибирской и Омской областей. Этногенетически с телеутами, вероятно, связаны различные тюркоязычные группы Саяно-Алтая и Западной Сибири – северные и южные алтайцы (в лингвистическом употреблении термина), шорцы, калмаки, томские татары. Кроме этого, в этногенезе телеутов предполагается участие смешанных (тюркских и нетюркских) этнических групп Кузнецкого Алатау – ач-кыштымов. Подробнее о происхождении телеутов см. (Телеуты..., 2006).

Телеутский диалект использовался членами Алтайской духовной миссии при издании просветительской и религиозной литературы в Санкт-Петербурге, Казани и Томске (напр., *Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской духовной миссии*. Казань, 1869; *Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа*. СПб., 1865 (на алт. яз.); *Часослов*. Томск, 1895 (на алт. яз.); *Деяния святых апостолов*. Томск, 1900 и др.).

Современная форма языка, используемая телеутами, изучена достаточно слабо. В первую очередь, объектами исследования были фонетика и просодика (Меркурьев, 1975; Шестера, 2014), фрагментарно также исследовались его лексико-грамматические особенности (Фисакова, 1976; Токмашев, 2008).

Чулымские тюрки исторически населяли таежные районы вдоль среднего и нижнего течения р. Чулым в границах современных Томской области и Красноярского края (Дульзон, 1973 и др.). В настоящее время компактными группами чулымцы проживают всего в нескольких поселениях: в с. Тегульдэт Тегульдетского района Томской области и Чиндатском сельском поселении (д. Пасечное, д. Чиндат) Тухтетского района Красноярского края (Лемская, 2007–2015). Установлено, что разные группы чулымских тюрков происходили от разных тюркских племен-колонизаторов, смешавшихся с дотюркским населением Западной Сибири (Дульзон, 1973: 27). Так, тюркизация Чулыма проходила в несколько этапов и имела различные направления:

- (1) с востока/юго-востока – заселение верховьев р. Чулым (VII–VIII вв.);
- (2) с юга – по р. Кия, притоку р. Чулым (XII–XIII вв.);
- (3) с запада/юго-запада – заселение нижнего Чулыма (до XV в.).

Собственно чулымско-тюркский язык сложился к концу XVI в. (там же). Подробнее о происхождении чулымцев см. (Чулымцы..., 2006).

До недавнего времени чулымско-тюркский язык представлял собой объединение двух диалектных массивов (нижнечулымский, сближавшийся с томско-татарскими говорами и кондомским диалектом шорского языка, и среднечулымский, имевший параллели с мрасским диалектом шорского языка, а также шорским и кызыльским диалектами хакасского языка), весьма сильно различавшихся между собой как фонетически, так и морфосинтаксически и лексически (см. Дульзон, 1973; Бирюкович, 1980). В настоящее время, в связи с исчезновением нижнечулымского диалекта, под чулымско-тюркским языком следует понимать только среднечулымский диалект, подразделяющийся на тутальский (с. Тегульдэт) и мелетский (д. Пасечное) говоры (ср. Дульзон, 1973; Lemskaya, 2010).

Численность чулымских тюрков, согласно последней переписи, составляет 355 человек, из которых 44 владеют своим этническим языком (Перепись, 2010). При сравнении этих данных с результатами предыдущей переписи (Перепись, 2002), на первый взгляд, очевидно снижение численности этноса более чем в 2 раза за менее чем десятилетие (ср. 656 человек идентифицировали себя чулымцами в 2002 г.). С другой стороны, более оправданным представляется такая интерпретация данных всероссийских переписей, при которой данное снижение численности интерпретируется не как естественная убыль населения, а как результат изменения этноязыкового самосознания чулымских тюрков (см. Лемская, 2013).

Что касается использования чулымско-тюркского языка, следует отметить, что сфера его употребления сужается с каждым годом и остается сугубо бытовой (Лемская, 2007–2015; также см. работы А. П. Дульзона и Р. М. Бирюкович). Отсутствует письменность чулымско-тюркского языка, он не преподается в учебных заведениях, на нем не издаются публицистика и литература. В основном языком владеют чулымцы пенсионного возраста (Лемская, 2007–2015). Из существующих публикаций, связанных с чулымско-тюркским языком, стоит отметить научные работы А. П. Дульзона, Р. М. Бирюкович, В. М. Лемской, М. Pomorska, G. D. S. Anderson & K. D. Harrison и некоторых других авторов.

Посессивные отношения в системе рассматриваемых тюркских языков выражаются набором грамматических средств, прежде всего – именными конструкциями. Значение категории посессивности как одной из универсальных понятийных категорий языка заключается в «определении названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету» (ЛЭС: 388).

В рамках данной статьи будут анализироваться именные конструкции, обозначающие непосредственное владение по типу «посессор – обладаемое», имплицитные входящие в сферу обладания другого – так называемое узкое понимание посессивности.

В широком понимании посессивность образует функционально-семантическое поле, ядро которого в тюркских языках составляют рассматриваемые ниже «узкопосессивные» конструкции, а периферию – «более широкий спектр отношений между объектами, в частности – отношения между предметом и характеризующим его признаком» (Гращенков, 2007: 25), что определяет многообразие семантических вариантов посессивности.

Традиционно в практиках описания грамматического строя тюркских языков с древнетюркского периода категория посессивности рассматривается как «категория принадлежности», в рамках которой исследуются способы выражения посессивности в ее узком понимании. Рассмотрим некоторые способы выражения категории посессивности в телеутском и чулымско-тюркском языках.

Типичной для тюркских языков является изафетная именная определительная конструкция, имеющая несколько базовых вариантов морфологического оформления и целый пучок региональных и диалектных проявлений, для которых характерно не только морфолого-синтаксическое, но и семантическое варьирование, ср. «...функции притяжательных форм в тюркских языках гораздо шире, чем в индоевропейских: они маркируют субъект обладания, тему высказывания, выступая в самостоятельной синтаксической функции, а не только (и не столько) в функции определения» (Невская, 1999: 44). Вообще, изафет, как отмечает Н. З. Гаджиева, подчиняется ведущему закону порядка слов «определение + определяемое» и является ключом к пониманию многих синтаксических категорий в тюркских языках (Гаджиева, 1997: 32).

1-й тип изафета (ИК1) – безаффиксальная аналитическая конструкция – образует адъективизированные сочетания, в которых существительное выступает в роли определения без согласования с определяемым. Принципиальным отличием ИК1 от простого словосочетания является субстантивная природа обоих его компонентов, где определение должно указывать: 1) на состав, вещество или материал; 2) меру, размер, форму и пр.; 3) профессию, специальность и т. д. (СИГТЯС: 52).

Примеры изафета-I:

(1) тел.	<i>altin</i>	<i>topçı</i>	‘золотая пуговица’,
	золото	пуговица	
	<i>ağaç</i>	<i>üj</i>	‘деревянный дом’,
	дерево	дом	
	<i>taş</i>	<i>kötmür</i>	‘каменный уголь’,
	камень	уголь	
	<i>arka</i>	<i>söök</i>	‘позвоночник’;
	спина	кость	
(2) чул.	<i>üürügän</i>	<i>aaj</i>	‘июнь (месяц икры)’,
	икра	месяц	
	<i>kol</i>	<i>tärben</i>	‘ручная мельница’,
	рука	мельница	
	<i>tül’gü</i>	<i>kuzuruk</i>	‘лисий хвост’,
	лиса	хвост	
	<i>təžə</i>	<i>toyalak</i>	‘медведица’.
	самка	медведь	

Как отмечают Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева, этот тип изафета является древнейшим (СИГТЯС: 22). По этому типу образовано множество сложносоставных слов в тюркских языках, процесс адъективизации в которых «...сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя соотнесенности предметов – субстантивов» (СИГТЯС: 23), отчего 1-й тип изафета имеет «только терминологическое значение» (СИГТЯС: 52). Соответственно, 1-й тип изафета практически утратил семантику «посессор + обладаемое». С развитием аффиксов принадлежности данный тип был вытеснен 2-м типом изафета из сферы посессивных отношений и превратился в способ аналитического словообразования.

2-й тип изафета (ИК2) представляет собой субстантивное сочетание с вершинным маркированием вида «посессор + обладаемое, оформленное посессивным аффиксом 3-го л.», что придало конструкции

большую устойчивость в отличие от ИК1, построенного на простом примыкании. Как и у ИК3, в основе глубинной семантической структуры ИК2 лежат отношения принадлежности, в которых посессор выражает «неопределенное родовое понятие» (СИГТЯС: 55).

Семантические условия 2-го типа изафета варьируются в различных диасистемах тюркских языков и сводятся к следующим: 1) посессор выражает неопределенное категориальное понятие; 2) посессор и обладаемое находятся в конкретном соотношении, т. е. речь идет об «узкопосессивных» отношениях, что функционально уравнивает ИК2 и ИК3; 3) посессор, напротив, адъективизируется, что сближает ИК2 с ИК1 (СИГТЯС: 55–57).

Примеры 2-го типа изафета в телеутском и чулымско-тюркском языках:

(3) тел.	<i>kres</i>	<i>qiz-i</i>	‘крестная дочь’,
	<i>крест<RUS</i>	<i>дочь-POSS.3SG</i>	
	<i>ayaş</i>	<i>jiileg-i</i>	‘малина’,
	<i>дерево</i>	<i>ягода-POSS.3SG</i>	
	<i>jalaŋ</i>	<i>čegertkiž-i</i>	‘кузнечик’,
	<i>поле</i>	<i>блоха-POSS.3SG</i>	
	<i>qayın</i>	<i>meške-zi</i>	‘чага’;
	<i>береза</i>	<i>гриб-POSS.3SG</i>	
(4) чул.	<i>kozan</i>	<i>ämčeg-i</i>	‘малина’,
	<i>заяц</i>	<i>грудь/сосок-POSS.3SG</i>	
	<i>kun</i>	<i>garaŋ-i</i>	‘солнце’,
	<i>солнце</i>	<i>глаз-POSS.3SG</i>	
	<i>tiŋ</i>	<i>čamiŋ-i</i>	‘белчий мех’,
	<i>белка</i>	<i>мех-POSS.3SG</i>	
	<i>arba</i>	<i>kaži-zi</i>	‘ячменная каша’.
	<i>ячмень</i>	<i>каша<RUS-POSS.3SG</i>	

Отдельно следует упомянуть зафиксированное в чулымско-тюркском (и не обнаруженное в телеутском) явление вне-изафетного маркирования существительных аффиксом принадлежности 3-го л.

Данное явление отмечено нами в мелетском говоре чулымско-тюркского языка, сопровождаемое ударной лабиализацией окончаний мн. ч. и финального корневого /a/ перед посессивным маркером: *paló-zu* ‘мальчик-POSS.3SG’ <*pala* ‘мальчик’; *maŋa-lór-u* ‘лягушка-PL-3PL.POSS’ <*maŋa* ‘лягушка’ при фактическом отсутствии как посессора, так и посессивной импликации у форм типа *palozu* и *maŋaloru* в целом.

Природа такого избыточного маркирования субстантива в именительном падеже посессивным аффиксом 3-го л. остается неясной. Предположительно, в данном случае аффикс частично десемантизируется, частично приобретает функцию своеобразного артикля, на что указывает А. М. Щербак, отмечая, что это явление характерно для ряда тюркских языков (Щербак, 1977: 80).

Особый статус посессивного аффикса 3-го л. выражается в сильном ослаблении значения принадлежности уже во 2-м типе изафета (ср. выше тел. *qayın meške-zi* ‘чага’ < букв. ‘березовый гриб’ – гриб, «растущий на березе», а не «принадлежащий березе»). Р. М. Бирюкович отмечает, что в чулымско-тюркском языке «формант принадлежности 3-го лица не выражает реальной принадлежности объекта к какому-либо лицу, а лишь определяет предмет как предмет, не включенный в сферу одного из участников коммуникации» (Бирюкович, 1980–1: 98), а П. В. Гращенков указывает на его синтаксическую, а не семантическую мотивированность в тюркских языках (Гращенков, 2002).

Вне-изафетное маркирование субстантивных имен данным аффиксом при отсутствии посессора отмечается и в телеутском языке, напр.:

ad-i yoq ‘безымянный’ > ‘имя-POSS.3SG + предикат отсутствия’,

yaž-i ‘возраст’ < *yaš* ‘возраст; молодой’.

Это явление особенно характерно для сложных слов, образованных соположением комплементарных основ:

uy-i-töz-i ‘поколение’ < *uq* ‘род’ + *tös* ‘основа’,

uč-i-tüb-i ‘истина’ < *uč* ‘острие’ + *tüp* ‘дно’,

ič-i-qard-i ‘внутренности’ < *ič* ‘чрево, нутро’ + *qarta* ‘прямая кишка’.

Аналогичные примеры встречаются и в чулымско-тюркском языке:

iže-zi-ado-zi ‘родители’ < *iže* ‘мать’ + *ada* ‘отец’.

В приведенных примерах посессивный аффикс выполняет лексико-грамматическую функцию, близкую к слово-, а не формообразовательной.

Собственно-посессивные отношения выражаются прежде всего 3-м типом изафета – морфолого-синтаксической конструкцией с вершинно-зависимостным маркированием вида «посессор, оформленный аффиксом генитива + обладаемое, оформленное посессивным аффиксом 3 л.». Этот тип «можно рассматривать, как истинный изафет в том смысле, что он представляет собой сочетание двух существительных и оба члена сохраняют свои значения имен существительных» (СИГТЯС: 59).

Примеры:

(5) тел.	<i>paliqčï-niŋ</i> рыбак-GEN <i>it-tiŋ</i> собака-GEN <i>kolkhoz-tiŋ</i> колхоз<RUS-GEN <i>čočqo-oŋ</i> свинья-GEN	<i>keme-zi</i> лодка-POSS.3SG <i>quyruŋ-i</i> хвост-POSS.3SG <i>üy-leri</i> корова-POSS.3PL <i>pala-zi</i> ребенок-POSS.3SG	‘лодка рыбака’, ‘хвост собаки’, ‘колхозные коровы’, ‘поросёнок’;
(6) чул.	<i>karındaž-ə-nəŋ</i> родственник-POSS.3SG-GEN <i>mikalay-niŋ</i> Николай-GEN <i>äw-i-niŋ</i> дом-POSS.3SG-GEN	<i>miltiy-i</i> ружье-POSS.3SG <i>kol-i</i> рука-POSS.3SG <i>alindo-zu</i> спереди-POSS.3SG	‘ружье племянника’, ‘рука Николая’, ‘перед избы’.

В отличие от ИК2 эта конструкция конкретизирует обладателя: тел. *at yal-i* ‘лошадиная грива’ (ИК2) ~ *at-tiŋ yal-i* ‘грива лошади’ (ИК3).

Конструкции с притяжательными местоимениями структурно примыкают к ИК3, т. е. образуются по типу «личное местоимение в генитиве + обладаемое с посессивным аффиксом соответствующего лица/числа» и выражают «юридическую принадлежность, отношение части к целому, пространственные и временные отношения, родственные связи и т. д.» (Щербак, 1977: 79).

Парадигма притяжательных местоимений и посессивных аффиксов в чулымско-тюркском и телеутском языках выглядит следующим образом:

Притяжательное местоимение	Посессивный аффикс			Пример
	Морфема	Основа на гласный	Основа на согласный	
1SG				
чул. <i>meeŋ</i>	-(I)m	-m	-im/-im/-um/-üm	<i>meeŋ pala:-m</i> ‘мой сын’
тел. <i>meeŋ</i>	-(I)m	-m	-im/-im/-um/-üm	<i>meeŋ pala-m</i> ‘мой сын’
2SG				
чул. <i>seeŋ</i>	-(I)ŋ	-ŋ	-iŋ /-iŋ/-uŋ/-üŋ	<i>seeŋ pala:-ŋ</i> ‘твой сын’
тел. <i>seeŋ</i>	-(I)ŋ	-ŋ	-iŋ /-iŋ/-uŋ/-üŋ	<i>seeŋ pala-ŋ</i> ‘твой сын’
3SG				
чул. <i>a: niŋ</i>	-(z)I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>a: niŋ palo-zu</i> ‘его сын’
тел. <i>a: niŋ/aaŋ</i>	-(z) I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>aaŋ pala-zi</i> ‘его сын’
1PL				
чул. <i>pistiŋ</i>	-(I)wIs	-vis/-vis/ -vus/-vüs	- (i) vis/- (i) vis/ - (u) vus/- (ü) vüs	<i>pistiŋ pala:-vis / pistiŋ pala:-bis</i> ‘наш сын’
тел. <i>pistiŋ</i>	-(I)bls / -(I) s	-bis/-bis	- (i) bis/- (i) bis/ -is/-is	<i>pistiŋ pala-bis</i> ‘наш сын’ <i>pistiŋ qaan-is</i> ‘наш хан’

2PL				
тел. <i>serdiŋ</i>	-(I)gAr	-yar/-ger	-iŋar/-iger	<i>serdiŋ pala-yar</i> 'ваш сын'
чул. <i>silärniŋ</i>	-(I)ŋnAr	-(i)ŋnar/ -(i)ŋnär	-iŋnar/-iŋnär	<i>silärniŋ pala-ŋnar</i> 'ваш сын'
3PL				
чул. <i>olarniŋ</i>	-(z)I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>olarniŋpalo-zu</i> 'их сын'
тел. <i>alardiŋ</i>	-(z)I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>alardiŋ pala-zi</i> 'их сын'

В целом телеутские и чулымско-тюркские лично-притяжательные конструкции обнаруживают отчетливый изоморфизм и изосемантизм, что обуславливается принадлежностью сопоставляемых языков к одной семье (исключение – формы 2-го л. мн. ч., генетически единые, но развившиеся под воздействием разных морфонологических процессов).

Особенностью аффиксального оформления притяжательных конструкций можно назвать регулярность вершинных маркеров -POSS.3SG/-POSS.3PL, т. е. имплицитующих 3-е л. посессора, при этом в конструкциях с посессором в 1-м и 2-м л. они могут отсутствовать (за исключением случаев обозначения «неотчуждаемой принадлежности», например, таких семантических отношений, как родственность, принадлежность частей тела и т. д.).

Так, в 1-м и 2-м л. допустимы притяжательные конструкции с обязательным зависимым, но факультативным вершинным маркированием:

- (7) тел. *serdiŋ* 2PL.GEN *üy-iger* дом-POSS.2PL = *serdiŋ üy-ø* 'ваш дом',
НО:
- (8) тел. *serdiŋ* 2PL.GEN *aba-yar* отец-POSS.2PL 'ваш отец',
- (9) чул. *meŋ* 1SG.GEN *ew-im* дом-POSS.1SG = *meŋ eb-ø-in* 1SG.GEN дом-ø-POSS.ACC 'мой дом',
НО:
- (10) чул. *Meŋ* 1SG.GEN *oŋ* правый *kula-m* 'мое правое ухо',
ухо-POSS.1SG
- (11) тел. *meeŋ* 1SG.GEN *škol-im* школа-POSS.1SG = *Meeŋ škol-ø* 'моя школа',
НО:
- (12) тел. *meeŋ* 1SG.GEN *ad-im* имя-POSS.1SG 'моё имя',
- (13) чул. *seŋ* 2SG.GEN *kazein-ø* хозяин<RUS 'твой хозяин'.
НО:
seen (<seŋ) 2SG.GEN *karəndaš-aŋ* брат-POSS.2SG 'твой брат'.

Данная аномалия (факультативное вершинное маркирование местоименно-притяжательных конструкций) характерна и для прочих тюркских языков (СИГТЯС: 62). Возможно, она объясняется экономией речевых усилий при наличии посессора в форме родительного падежа, что достаточно определено указывает на принадлежность обладаемого. Это варьирование имеет дискурсивную, грамматически не обусловленную природу, как и случаи факультативного маркирования посессора родительным падежом в тюркских языках, отмеченные П. В. Гращенковым в мишарском диалекте татарского языка (Гращенко, 2002).

К ядру функционально-семантического поля посессивности следует отнести и чрезвычайно продуктивный в тюркских языках (в том числе телеутском и чулымско-тюркском) аффикс проприетива *-liŋ с ядерной семой «обладающий предметом / признаком», выражающий широкий спектр значений, выходящий за рамки собственно посессивности, ср.:

(14) чул.	<i>korsak-tiŷ</i> живот-PROП		‘беременная’ (‘с животом; имеющая живот’),	
(15) чул.	<i>kaydiŷ</i> какой	<i>at-tiŷ-siŷ?</i> имя-PROП-2SG	‘как тебя зовут?’ (ты имеющий какое имя?),	
(16) тел.	<i>qıtaq-tu</i> песок-PROП	<i>suu</i> вода	‘вода с примесью песка’,	
(17) тел.	<i>qabırçaq-tu</i> ракушка-PROП <i>qaž-i-naŷ</i> берег-POSS.3SG-ABL	<i>qara</i> черный <i>keč-i</i> переправляться-PTCP	<i>Köl</i> Озеро <i>per-er</i> давать-FUT	<i>be</i> давать-FUT QUES
‘Черное озеро с ракушками , даст ли перейти с берега (на берег)?’ (Радлов, 1866: 293),				
(18) тел.	<i>ol</i> 3SG	<i>mašina-lu</i> машина-PROП	<i>kel-gen</i> приходить-PST	‘он приехал на машине ’.

Функция проприетива на **-liŷ* не ограничивается посессивностью (как можно наблюдать, в последнем примере проприетив уподобляется инструменталису), хотя, по-видимому, это отношение лежит в основе дополнительных значений данного форманта. В тюркологии нет четкого мнения о мотивирующем значении **-liŷ* – часть авторов (Н. К. Дмитриев, Н. З. Гаджиева) исходной считают семантику «объединяющий что-либо, изобилующий чем-либо», другие (А. М. Щербак, Б. О. Орузбаева) выводят дополнительные значения **-liŷ* из посессивности (СИГТЯМ: 139).

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» придерживаются первой точки зрения, реконструируя рассматриваемый аффикс в форме **-l^ok* (*q...*). Как отмечается, «аффикс (икс) *-lyq* относится к группе полисемантических аффиксов, хотя количество значений у производных с данным аффиксом не во всех языках одинаково», и варьируется от трёх (каракалпакский) до пяти-семи (турецкий, карачаево-балкарский, караимский) и даже двадцати (татарский) (СИГТЯМ: 138).

Три базовых значения, выделяемых Э. В. Севортьяном, включают: а) свойство-качество и состояние; б) назначение и функция; в) местность или место, где имеется множество предметов природы или добытых человеком (СИГТЯМ: 139). В современном чулымско-тюркском языке семантика обладания и концентрации выражается единым аффиксом *-lig*.

В телеутском языке отмечается морфофункциональное расслоение **-liŷ* на малопродуктивный аффикс существительного **-lik* (концентрация), напр.:

söz-lük ‘словарь’ < *sös* ‘слово’,

tuz-luk ‘рассол’ < *tus* ‘соль’,

töš-tök ‘узорный нагрудник, декор женского платья’ < *töš* ‘грудь’,

и утративший конечный /k/ высокопродуктивный аффикс прилагательного **-li* (обладание), ср.:

söz-lü ‘имеющий слова’ < *sös* ‘слово’,

tus-tu ‘соленый’ < *tus* ‘соль’,

töš-tü ‘с грудью, имеющий грудь’ < *töš* ‘грудь’.

Данное явление характерно для целого ряда тюркских языков, что породило дискуссии о гомологичности аффиксов в примерах, приведенных выше: «...отнесение аффикса *-liŷ* к числу морфем, образующих относительные прилагательные, и противопоставление его аффиксу *-lik*, выделяющему абстрактные имена существительные, послужило причиной продолжительных споров, которые и теперь еще нельзя считать окончательно разрешенными» (Щербак, 1977: 109).

Антонимичный ему аффикс приватива **-siz* в северо-восточных тюркских языках непродуктивен и встречается лишь в застывших производных типа *ösküs* < метатеза *öksüs* ‘сирота’, ср.: «Most Turkic languages have an abessive suffix such as Turkish *-siz*. Northeastern Turkic languages (Sakha, Tyvan, Hakas, etc.) lack such a suffix» (Fuyuki, 2014: 30). А. М. Щербак высказывает мнение, что приватив относится более к формо-, нежели словообразовательным аффиксам (Щербак, 1977: 99).

В телеутском и чулымско-тюркском привативные отношения выражаются при помощи предиката отсутствия *yoq/çok*, который образует (анти) посессивную конструкцию предложения наряду с предикатом обладания *par*, выражающим идею наличия/обладания, что относит тюркские языки к Esse-языкам

(«быть»-языкам), которые рассматривают обладание как свойство или местонахождение (что-то есть где-то / у кого-то).

Примеры:

(19) чул. *at- (t) ar-i* *čoyul* ‘имени у них не было’,
имя-PL-POSS.3SG нет

(20) чул. *tožeg-eŋ* *par* *častig-iŋ* ‘на твоей постели
постель-POSS.2SG есть подушка-POSS.2SG есть подушка’.

Кроме того, периферию категории посессивности образуют именные атрибутивные конструкции с прилагательными – дериватами на **-yŋi* (релятивный аффикс с семантикой «обладающий чем либо», «относящийся к временному отрезку»). Непосредственно аффикс **-yŋi*, как отмечает А. М. Щербак, находится на стыке слово- и формообразования и «передает значение принадлежности, а также пространственные и временные отношения (Щербак, 1977: 96).

Примеры:

(21) чул. *ärgä-dee-ke* ‘очень древний’,
старый-LOC-REL

(22) тел. *taŋda-yŋi* *qazi-bila* *qarta-dañ*
завтра-REL сало-INSTR кишка-ABL
pügün-gi *ökpö-bile* *puur* *jaqšŋi*
сегодня-REL легкое-INSTR печень хорошо

‘Чем завтрашние сало и сычуг, Лучше сегодняшние легкие и печень’ (Максимов, 1995: 69).

Посессивные отношения также имплицитно выражаются конструкциями, один из членов которых оформлен аффиксом **-tayŋi/-daki* с семантикой «находящийся в сфере чего либо», возникшим из сочетания аффикса локатива **-dac*-yŋi*, что расширяет спектр «узкопосессивных» грамматических средств – изафетных и лично-притяжательных сочетаний.

В близкородственных сибирских тюркских языках (шорском, алтайском) реконструируется еще один аффикс – *-niyi*, как результат контаминации аффикса генитива **-niŋ* с **-yŋi*, образующий абсолютные формы притяжательных местоимений и относительные прилагательные со значением принадлежности, которые выполняют предикативную функцию, ср. шор.: *по трактор колхозтыйы* ‘этот трактор – колхозный (колхозу принадлежащий, колхоза)’ (Дыренкова, 1941: 34); алт. *бу дьол аюныйы* ‘эта тропа медведя, медвежья’ (Дыренкова, 1940: 76). В чулымско-тюркском и телеутском языках на данном этапе этот аффикс установить не удалось – вместо него в подобных конструкциях используется генитив.

Выводы

Категория принадлежности в чулымско-тюркском и телеутском языках представляет собой функционально-семантическое поле, грамматическое ядро которого составляют изафетные конструкции третьего типа и сочетания притяжательных местоимений с существительными, маркированными аффиксами принадлежности.

Отмечается особый статус аффикса принадлежности 3-го л. **-(z) i*. Он отличается большей синтаксической регулярностью и меньшей семантической нагрузкой, что косвенно подтверждается синкретизмом его форм для ед. и мн. числа, в то время как аффиксы принадлежности 1-го и 2-го л. обусловлены грамматическим числом обладаемого, а также случаями вне-изафетного и вне-посессивного употребления аффикса 3-го л., где он, предположительно, выполняет артиклевую функцию.

Выражение неотчуждаемой принадлежности в большей степени требует маркирования обладаемого посессивным аффиксом безотносительного лица и числа посессора. Изафетные конструкции 1-го и 2-го типов можно назвать «условно-посессивными», поскольку они выражают отношения свойства и качества предмета, а также отношения части и целого.

Проприетивный аффикс **-liy* может быть отнесен к категории посессивности, поскольку выражает обладание предметом, качеством или признаком либо передает идею их концентрации, накопления. В телеутском языке отмечается его морфофункциональное расслоение на 2 фонетических варианта с разной степенью продуктивности, образующие разные лексико-грамматические разряды слов.

Адъективный аффикс *-yі также вовлекается в сферу посессивных отношений, поскольку образует прилагательные со значением обладания временным признаком.

Условные обозначения

Чул. – чувлымско-тюркский язык; тел. – телеутский язык; ИК – изафетная конструкция; POSS – посессивность; ABL – аблатив; GEN – генитив; INSTR – инструменталис; LOC – локатив; PST – прошедшее время; PTCP – причастная форма; FUT – будущее время; QUES – вопросительная частица; PROP – проприетив; REL – аффикс относительного прилагательного; <RUS – заимствование; * – архиморфема, реконструируемая для рассматриваемых тюркских языков.

СИГТЯМ – сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология; СИГТЯС – сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис; ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь.

Список литературы

- Anderson G. D. S., Harrison D. K. Middle Chulyum: theoretical aspects, recent fieldwork and current state // *Turkic Languages*. Vol. 7 (2). Wiesbaden, 2003. Pp. 245–256.
- Anderson G. D. S., Harrison D. K. Ös tili: towards a comprehensive documentation of Middle and Upper Chulyum dialects // *Turkic Languages*. Vol. 10 (1). Wiesbaden, 2006. Pp. 47–72.
- Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2004. 575 p.
- Fuyuki E. The Sakha proprietive suffix -LEEX // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2014. Вып. 1 (3). С. 23–34.
- Yohanson L., Csató É. Á. *The Turkic Languages*. London, 1998. 474 p.
- Lemskaya V. Middle Chulyum: the state of the art // *Turkic Languages*. Vol. 14. Wiesbaden, 2010. Pp. 113–126.
- Lemskaya V., Bacanlı E. Chulyum Turkic People and Dialects // *The Handbook of Endangered Turkic Languages* [forthcoming].
- Novgorodov I., Lemskaya V., Gainutdinova A., Ishkildina L. The Chulyum Turkic Language is of the Kipchak Turkic Language Origin According to the Leipzig-Yakarta List // *Türkbilgi Türkoloji Araştırmaları*. 2015 / 29. Ankara, 2015. Pp. 1–18.
- Pomorska M. Middle Chulyum noun formation // *Studia Turcologica Cracoviensia*. Vol. 9. Kraków, 2004. 256 p.
- Абдрахманов М. А. Тексты чувлымско-тюркского языка (средне-чувлымский диалект) // *Языки и топонимия Сибири*. Т. 2. Томск, 1970. С. 58–69.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // *Языки народов СССР*. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 7–42.
- Бирюкович Р. М. К семантическому обоснованию категории принадлежности в тюркских языках (на материале чувлымско-тюркского языка) // *Вопросы языкознания*. 1980. № 3. С. 95–106.
- Бирюкович Р. М. Материалы по языку чувлымских татар (полевые записи). Т. 3. Тегульдет, 1971. 658 с.
- Бирюкович Р. М. Строй чувлымско-тюркского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 404 с.
- Бирюкович Р. М. Звуковой строй среднечувлымского диалекта чувлымско-тюркского языка: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973. 229 с.
- Бони Р. А. Материалы по языку чувлымских татар (полевые записи) Т. 7. Тегульдет, 1973. 584 с.
- Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомаевский В. Я. Социолингвистическая типология. М., 2009. 136 с.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // *Языки мира*. Тюркские языки. М., 1997. С. 17–34.
- Гращенко П. В. Тюркская именная группа: тысяча и одна загадка (рукопись). М., 2002. <http://www.pandia.org/text/78/577/35930-3.php>
- Гращенко П. В. Типология посессивных конструкций // *Вопросы языкознания*. 2007. № 3. С. 25–54.
- Дульзон А. П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // *Советская тюркология*. Вып. 2. 1973. С. 16–29.
- Дульзон А. П. Чувлымские татары и их язык // *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. Т. 9. Томск, 1952. С. 76–211.
- Дульзон А. П. Чувлымско-тюркский язык // *Языки народов СССР*. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 446–466.
- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.–Л., 1941. 307 с.
- Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.–Л., 1940. 303 с.
- Лемская В. М. Материалы этнолингвистических экспедиций кафедры языков народов Сибири ТГПУ к чувлымским тюркам (полевые записи: электронный ресурс). Томск, 2007–2015.
- Лемская В. М. Чувлымские тюрки: сокращение численности населения как результат трансформации этноязыкового самосознания // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013. Вып. 2 (2). С. 50–55.

- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 685 с.
- Максимов К. И. Алтайский фольклор: телеутский диалект. Горно-Алтайск, 1995. 128 с.
- Меркурьев К. В. Бачатско-телеутский консонантизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 18 с.
- Мудрак О. А. Классификация тюркских языков и диалектов (с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике). М., 2009. 191 с. (Труды Института восточных культур и античности. Вып. 23).
- Насилов Д. М. Телеутов язык // Языки народов России: Красная книга. М., 2002. С. 177–180.
- Невская И. А. Бытийные элементарные простые предложения в шорском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. Новосибирск, 1999. С. 42–70.
- Перепись 2002 – Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство». Федеральная служба государственной статистики // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
- Перепись 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство». Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. 1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. 443 с.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. 2. Поднаречия Абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик). СПб., 1868. 420 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1988. 560 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / сост. Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. М., 1986. 284 с.
- Телеуты // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М., 2006. С. 171–235.
- Токмашев Д. М. Заметки по лексике бачатско-телеутского языка // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2008. С. 147–152.
- Токмашев Д. М., Федотова Н. Л. О социолингвистических особенностях телеутского языка по данным полевых исследований 2013–2014 годов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 4 (6). С. 35–42.
- Уртегешев Н. С. Телеутский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 248.
- Фисакова Г. Г. Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976. 133 с.
- Чулымцы // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М., 2006. С. 125–170.
- Шестера Е. А. Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 61–75.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977. 191 с.

Токмашев Д. М., кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: kogutei@yandex.ru

Лемская В. М., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2015.

Токмашев Д. М., Лемская В. М.

POSSESSIVE NOUN CONSTRUCTIONS IN TELEUT AND CHULYM-TURKIC

The paper gives an analysis of possession manifestations in Teleut and Chulym-Turkic by means of noun constructions. Possessive relations in the focus languages form a functional-semantic field, with a grammar core composed of the third-type *ezafe* constructions as well as combinations of possessive pronouns and nouns marked with possessive affixes. This marking is discourse-featured and optional in case of the 1st and 2nd person possessor, but inalienable possession is manifested by the regular head marking of the personal pronominal possessive constructions. Also non-*ezafe* and non-possessive usage of the 3rd person possessive affix is featured, which is presumably affected by its article-like function.

On the periphery of the possessiveness functional-semantic field there are adjectival affixes **-liŋ* and **-ŋi*, which imply the possession of an object, quality or a feature, or manifest the idea of their accumulation and concentration.

Key words: *Teleut, Chulym-Turkic, possessiveness, ezafe, personal pronominal possessive constructions, nominal word-formation.*

References

- Anderson G. D. S., Harrison D. K. Middle Chulym: theoretical aspects, recent fieldwork and current state. *Turkic Languages*. Vol. 7 (2). Wiesbaden, 2003. Pp. 245–256.
- Anderson G. D. S., Harrison D. K. L̥s tili: towards a comprehensive documentation of Middle and Upper Chulym dialects. *Turkic Languages*. Vol. 10 (1). Wiesbaden, 2006. Pp. 47–72.
- Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2004. 575 p.
- Fuyuki E. The Sakha proprietive suffix -LEEX. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 1 (3), pp. 23–34.
- Johanson L., Csató É. Á. *The Turkic Languages*. London, 1998. 474 p.
- Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. *Turkic Languages*. Vol. 14. Wiesbaden, 2010. Pp. 113–126.
- Lemskaya V., Bacanlı E. Chulym Turkic People and Dialects. *The Handbook of Endangered Turkic Languages [forthcoming]*.
- Novgorodov I., Lemskaya V., Gainutdinova A., Ishkildina L. The Chulym Turkic Language is of the Kipchak Turkic Language Origin According to the Leipzig-Jakarta List. *Türkbilig Türkoloji Araştırmaları*. 2015 / 29. Ankara, 2015. Pp. 1–18.
- Pomorska M. Middle Chulym noun formation. *Studia Turcologica Cracoviensia*. Vol. 9. Kraków, 2004. 256 p.
- Abdrahmanov M. A. Teksty chulymsko-tyurkskogo yazyka (sredne-chulymskiy dialekt) [Texts in Chulym-Turkic (middle-Chulym dialect)]. *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and Toponymy of Siberia]. Vol. 2. Tomsk, 1970. pp. 58–69.
- Baskakov N. A. Tyurkskiye yazyki (obshhiye svedeniya i tipologicheskaya harakteristika) [Turkic Languages (general information and typological characteristics)]. *Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki* [Languages of peoples of the USSR. Vol. 2. Turkic languages]. Moscow, 1966. Pp. 7–42.
- Biryukovich R. M. K semanticheskomu obosnovaniyu kategorii prinadlezhnosti v tyurkskikh yazykakh (na materiale chulymsko-tyurkskogo yazyka) [On the semantic grounds of possessiveness category in Turkic languages (on Chulym-Turkic material)]. *Voprosy yazykoznaneya – Problems of Linguistics*, 1980, no. 3, pp. 95–106.
- Biryukovich R. M. *Materialy po yazyku chulymskikh tatar (polevye zapisi)* [Materials on the language of the Chulym Tatars (field data)]. Vol. 3. Tegul'det, 1971. 658 p.
- Biryukovich R. M. *Stroy chulymsko-tyurkskogo yazyka: Dis. d-ra filol. nauk* [The system of Chulym-Turkic. Doctoral thesis]. Moscow, 1980. 404 p.
- Biryukovich R. M. *Zvukovoy stroy srednechulymskogo dialekta chulymsko-tyurkskogo yazyka: Dis. kand. filol. nauk* [The phonological system of the middle-Chulym dialect. Doctoral thesis]. Tomsk, 1973. 229 p.
- Boni R. A. *Materialy po yazyku chulymskikh tatar (polevye zapisi)* [Materials on the language of the Chulym Tatars (field data)] Vol. 7. Tegul'det, 1973. 584 p.
- Vinogradov V. A., Koval' A. I., Porhomovskiy V. Ya. *Sociolingvisticheskaya tipologiya* [Sociolinguistic typology]. Moscow, 2009. 136 p.
- Gadzhieva N. Z. Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. The Turkic languages]. Moscow, 1997. pp. 17–34.
- Grashhenkov P. V. *Tyurkskaya imennaya gruppya: tysyacha i odna zagadka (rukopis')* [Turkic nominal group: a thousand and one mystery (draft)]. Moscow, 2002. <http://www.pandia.org/text/78/577/35930-3.php>
- Grashhenkov P. V. Tipologiya possessivnykh konstruktsiy [Typology of possessive constructions]. *Voprosy yazykoznaneya – Problems of Linguistics*. 2007, no. 3. Pp. 25–54.
- Dul'zon A. P. Dialekty i govory tyurkov Chulyma [Dialects and sub-dialects of the Chulym Turks]. *Sovetskaya tyurkologiya – Soviet Turcology*, 1973, no. 2, pp. 16–29.
- Dul'zon A. P. Chulymskiy tatarskiy yazyk [The Chulym Tatars and their language]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of Tomsk State Pedagogical Institute]. Vol 9. Tomsk, 1952. Pp. 76–211.
- Dul'zon A. P. Chulymsko-tyurkskiy yazyk [The Chulym-Turkic language]. *Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki* [Languages of peoples of the USSR. Vol. 2. Turkic languages]. Moscow, 1966. Pp. 446–466.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika shorskogo yazyka* [A Grammar of Shor]. Moscow-Leningrad, 1941. 307 p.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [A Grammar of Oyrot]. Moscow-Leningrad, 1940. 303 p.
- Lemskaya V. M. *Materialy etnolingvisticheskikh ekspeditsiy kafedry yazykov narodov Sibiri TGPU k chulymskim tyurkam (polevye zapisi: yelektronnyy resurs)* [Materials of the ethno-linguistic fieldtrips done by the chair of Siberian indigenous peoples' languages of TSPU to Chulym Turks (field data: e-source)]. Tomsk, 2007–2015.
- Lemskaya V. M. Chulymskiy tyurki: sokrashcheniye chislennosti naseleniya kak rezul'tat transformatsii etnoyazykovogo samosoznaniya [Chulym Turks: population decrease as a result of ethno-linguistic self-identity transformation]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2, pp. 50–55.
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990. 685 p.
- Maksimov K. I. *Altayskiy fol'klor: teleutskiy dialekt* [Altay folklore: the Teleut dialect]. Gorno-Altaysk, 1995. 128 p.
- Merkur'ev K. V. *Bachatko-teleutskiy konsonantizm*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Bachat-Teleut consonant system. Doctoral thesis abstract]. Novosibirsk, 1975. 18 p.

- Mudrak O. A. Klassifikatsiya tyurkskikh yazykov i dialektov (s pomoshch'yu metodov glottohronologii na osnove voprosov po morfologii i istoricheskoy fonetike) [Turkic languages and dialects classification (with the aid of glottochronology on the basis of morphology and historical phonetics)]. Moscow, 2009. 191 p. *Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti* [Proceedings of the Oriental cultures and Antiquity Institute. N 23].
- Nasilov D. M. Teleutov yazyk [The Language of the Teleuts]. *Yazyki narodov Rossii: Krasnaya kniga* [Languages of the Peoples of Russia. The Red Book]. Moscow, 2002. Pp. 177–180.
- Nevskaya I. A. Bytynyye elementarnyye prostyye predlozheniya v shorskom yazyke [Elementary existential simple sentences in Shor]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. No. 5. Novosibirsk, 1999. Pp. 42–70.
- Perepis' 2002 – Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda. Tom 4 «Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo» [All-Russian census of 2002. Vol. 4 "Ethnic composition, language proficiency and citizenship"]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal service of the national statistics]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
- Perepis' 2010 – Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Tom 4 «Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo» [All-Russian census of 2010. Vol. 4 "Ethnic composition, language proficiency and citizenship"]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal service of the national statistics]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi. Ch. 1. Podnarechiya Altaya: altaytsev, teleutov, chernovykh i lebedinskikh tatar, shorcev i sayancev* [Folk literature specimens of the Turkic tribes of the South Siberia and the Dzhungar steppe. Part 1. Dialects of Altay: Altay, Teleut, Forest and Lebedinsky Tatars, Shor and Sayan]. St. Petersburg, 1866. 443 p.
- Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi. Ch. 2. Podnarechiya Abakanskoy (sagayskoy, koybal'skoy, kachinskoy), kyzyl'skoy i chulymskoy (kyuyerik)* [Folk literature specimens of the Turkic tribes of the South Siberia and the Dzhungar steppe. Part 2. Dialects of Abakan (Sagay, Qoybal, Qachin), Qyzyl and Chulyum (Kuerik)]. St. Petersburg, 1868. 420 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [A comparative and historical grammar of Turkic languages. Morphology]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, 1988. 560 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [A comparative and historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Composed by N. Z. Gadzhieva & B. A. Serebrennikov. Moscow, 1986. 284 p.
- Teleuty [The Teleuts]. *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Ed. by D. A. Funk & N. A. Tomilov. Moscow, 2006. Pp. 171–235.
- Tokmashev D. M. Zametki po leksike bachatsko-teleutskogo yazyka [Some notes on the lexicon of Bachat-Teleut]. *Istoriko-kul'turnoye vzaimodeystviye narodov Sibiri: mat-ly nauch.-prakt. konf.* [Historical and cultural interactions of Siberian peoples: conf. proceedings]. Novokuznetsk, 2008. Pp. 147–152.
- Tokmashev D. M., Fedotova N. L. O sociolingvisticheskikh osobennostyakh teleutskogo yazyka po dannym polevykh issledovaniy 2013–2014 godov [On sociolinguistic features of Teleut language (based on 2013–2014 field studies)]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 4 (6), pp. 35–42.
- Urtegeshev N. S. Teleutskiy yazyk [The Teleut language]. *Istoricheskaya enciklopediya Sibiri* [Historic Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk, 2009. P. 248.
- Fisakova G. G. *Yazyk bachatskih teleutov* [The language of the Bachat Teleuts]. Kemerovo, 1976. 133 p.
- Chulymcy [The Chulyum Turks]. *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Ed. by D. A. Funk & N. A. Tomilov. Moscow, 2006. Pp. 125–170.
- Shestera E. A. Teleutskiy yazyk: intonatsiya povestvovatel'nykh i voprositel'nykh vyskazyvaniy [The Teleut language: declarative and interrogative sentences intonation]. *Voprosy yazykoznaneya – Problems of Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 61–75.
- Shherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (imya)* [Drafts on the comparative morphology of Turkic languages (nominal)]. Leningrad, 1977. 191 p.

Tokmashev D. M.
National Research Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: kogutei@yandex.ru

Lemskaya V. M.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru

Ким-Малони А. А., Ковылин С. В.

ТАКСОНОМИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Рассматриваются возможности классификации конструкций с посессивными маркерами в селькупском языке в рамках таких оппозиций, как личная – безличная, приименная (местоименная и именная) – предикативная, отчуждаемая – неотчуждаемая, внутренняя – внешняя, прототипическая – не прототипическая. Из 46 примеров селькупских конструкций с посессивными маркерами некоторые демонстрируют не посессивное, а значение указательности, идентифицируемости или определенности. Употребление посессивных суффиксов с некоторыми группами существительных ведет к их грамматикализации.

Ключевые слова: *посессивные конструкции, категоризация, селькупский язык, языковые средства посессивности, грамматикализация.*

Проблема категориального содержания посессивности (притяжательности), рассматривавшаяся в типологическом, сравнительно-историческом, структуралистском и функциональном аспектах, сегодня не утрачивает своей актуальности и проецируется на принципы современной когнитивной научной парадигмы. В настоящее время многие лингвистические теории пересматриваются с позиций когнитивной лингвистики. В первой декаде XXI в. когнитивная лингвистика становится одним из самых популярных направлений для исследований комплексных отношений между языком и сознанием. Стремительное развитие когнитивной лингвистики привело к смене научной парадигмы в лингвистике в целом и к пересмотру традиционных подходов к исследованиям в частности, в грамматике, инкорпорируя исследовательский инструментарий философии, психологии, нейро- и компьютерной науки (Evans *at al.*, 2007). Лексикон, морфология и синтаксис формируют континуум символов, произвольно разделенных на отдельные компоненты, поэтому абсолютно бессмысленно анализировать грамматические единицы без упоминания их семантики, как и составлять словарь, опуская значение лексем (Langacker, 2002:1). В связи с этим многие грамматические категории, описанные в типологическом, сравнительно-историческом, структуралистском и функциональном аспектах, заново рассматриваются с позиций когнитивной парадигмы.

В последнее десятилетие в центре внимания лингвистов-когнитивистов находится посессивность, которая, являясь одной из универсальных понятийных категорий, определяет «названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету...» (ЛЭС, 1990: 388). Концептуально посессивность всегда подразумевает отношение между двумя предметами, называемыми обычно посессором или обладателем и обладаемым. Во многих языках посессор часто ассоциируется с одушевленным субъектом, а обладаемое – с потенциальным или реальным объектом, однако на когнитивном уровне статус посессора зависит от его отношений с обладаемым. Эти отношения могут иметь различные значения – традиционные (посессивность, принадлежность, обладание, владение, собственность), нетрадиционные (ассоциативность, аттрактивность, посессивное наличие, *appartance*) и даже нулевые (т. е. отказ от каких-либо обозначений посессивности) (Селиванова, 2012: 410). Такой широкий диапазон семантики посессивных отношений инициировал дискуссию о понятийном предшествовании посессивности ее языковой категории (Селиванова, 2012: 411). Сама природа посессивной конструкции гарантирует, что обладаемое имя ментально доступно (т. е. может быть определено) через свое отношение к определяемой сущности (Nikolaeva, 2003: 13).

Попытки лингвистов категоризировать посессивность привели к следующим оппозициям: личная – безличная; отторжимая – неотторжимая; именная – предикативная; прототипическая – непрототипическая (*prototypical – non prototypical*); внутренняя (*internal*) – внешняя (*external*) (Селиванова, 2012: 410; Милованова, 2007: 96; Chandra, Kumar, 2012; Payne, Barshi, 1999: 3; Фильченко, 2014; Вагнер-Надь, 2014; Deal, 2013; Hammarberg, Koptjevskaja-Tamm, 2003; Koptjevskaja-Tamm, 2001, 2002; Stassen, 2008).

В данной статье пересматривается отношение к категориальному содержанию посессивности в селькупском языке в свете условного понимания термина «посессивность» и определяется таксономия языковых средств репрезентации этой категории. Значение посессивности может быть выражено разноуровневыми языковыми средствами, набор которых для каждого языка индивидуален. Наиболее полную характеристику в селькуповедении получили лично-притяжательные суффиксы в качестве прототипичных маркеров посессивности (Ким, 1983).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала» (грант № 15-04-00406а).

Таксономия селькупских языковых средств посессивности проводится в первую очередь по структуре, включающую местоименные, именные и предикативные конструкции. Разнообразие селькупских моделей определяется варьированием в них маркеров посессивности: лично-притяжательные суффиксы, личные, возвратно-притяжательные, вопросительные местоимения, суффиксы родительного или местноличного падежей.

Группа I. Местоименные конструкции имеют в своем составе личные, возвратно-притяжательные и вопросительные местоимения в функции посессора и имя в безличной или лично-притяжательной форме в функции обладаемого.

1. Личное местоимение (им. п./р. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме. Личное местоимение 3-го л. в форме родительного падежа:

- 001 *man* *t'ol'd'i-la-m* *lakči-mb-at.*
1SG.GEN лыжи-PL-POSS.1SG сломаться-PSTN-3PL
'Мои лыжи–мои поломались'. (Степ.)
- 002 *tan* *era-l* *mēŋa* *t'ari-n.*
2SG.GEN муж-POSS.2SG 1SG.LAT сказать-3SG.sub
'Твой муж–твой мне сказал!'. (СтС)
- 003 *mat* *man-mi* *te-mb-a.*
1SG.GEN дом-POSS.1SG сгнить-PSTN-3SG.sub
'Мой дом–мой сгнил'. (Нап.)

2. Личное местоимение (им. п./р. п.) + имя существительное в безличной форме:

- 004 *me* *qi* (*me* *qi-βat*) *korr* *e-ŋ.*
1PL река (1PL река-POSS.1PL) глубокий быть-3SG.sub
'Наша река – наша глубокая'. (ЮО)

3. Личное местоимение (м.-л. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме:

- 005 *ti-nan* *ija-lđ* *māt-kij* *kalī-mb-atij.*
2PL-LOC2 ребенок-POSS.2PL дом-LOC1 остаться-PSTN-3PL
'Ваши дети–ваши–многих дома остались'. (ЮШ)

4. Личное местоимение (+ –nani) + имя существительное в лично-притяжательной форме.

Возможно, это также результат трансформации показателя (–nan) из локативного в посессивный с добавлением к нему показателя адъектива (–i<–*ij). Характерно, что местоименные формы на (–nani) встретились только в значении притяжательных. Имеет место использование этих местоимений в качестве самостоятельных притяжательных местоимений (вне притяжательной конструкции), например:

- 006 *kudī-t* *kanak?* *tan-nani?*
кто-GEN собака 2SG-LOC2.POSS
'Чья собака? – Твоя?' (Ив.)

- 007 *ta* *manani.*
вот 1SG-LOC2.POSS
'Вот мое'. (Ив.)

Местоименные формы на (–nani) следует рассматривать, вероятно, в качестве инновационных притяжательных местоимений для 1-го и 2-го л. ед. ч.

5. Возвратно-притяжательное местоимение + имя существительное в лично-притяжательной форме:

- 008 *mira-ŋ-n-at* *mēni* *ondat* *qβeli-lit.*
цена-VBLz-PRS-IMP.2PL 1PL.LAT свою рыба-POSS.1PL
'Продайте нам вашу собственную рыбу–вашу'. (Степ.)
- 009 *ma* *mē-z-ap* *onek* *neŋa-Rek.*
1SG сделать-PST-1SG.ob своя сестра-LAT.POSS.1SG
'Я сделал для своей сестры – моей'. (Нап.)

6. Возвратно-притяжательное местоимение + имя существительное в безличной форме:

- 010 *mi onut man-mute kwes-s-aut.*
 1PL свой дом-PROL.ABL пойти-PST-1PL
 ‘Мы из своего дома ушли’. (Вольджа; С 59)

7. Местоимение «чей?» + имя существительное:

- 011 *tau mat kudi-n-naj?*
 этот дом кто-GEN-NEG
 ‘Этот дом ничей?’ (Вольджа; С 61)

- 012 *wesⁱ v'arb-at, kodi-t nil'dzi qur.*
 все думать-3PL кто-GEN такой человек
 ‘Все думают, чей это мужик?’ (Ласкино; С 61)

Группа II. Именные конструкции имеют в качестве посессора имя в форме номинатива, генитива или локатива лично-притяжательного или безличного склонения.

8. Имя существительное (им. п.) в лично-притяжательной форме + имя существительное в лично-притяжательной форме:

- 013 *eldiga-m sai-da čüž-a.*
 жена-POSS.1SG глаз-POSS.3SG болеть-3SG.sub
 ‘Жена–моя глаз–ее болит’. (Нап.)

9. Имя существительное (им. п.) + имя существительное:

- 014 (*märyə orəp ~ märyən orəp*) «ветер–сила» ~ «ветра сила» (Нап.); (*qödo li ~ qödet li ~ qödił' li*) «ребро» (бок–кость ~ бока кость ~ боковая кость). (Ив.)

10. Имя существительное (им. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме:

- 015 *tebelgup opti-di čari-ŋ ede-mb-a.*
 человек волосы-POSS.3SG седой-ADVz стать-PSTN-3SG.sub
 ‘Человек волос–его седой стал’. (Вольджа)

11. Имя существительное (р. п.) в лично-притяжательной форме + имя существительное в лично-притяжательной форме:

016. *era-n-di ad'a-d mad'o-ndi kβen-b-a.*
 муж-GEN-POSS.3SG отец-POSS.3SG лес-LAT1 пойти-PSTN-3SG.sub
 ‘Мужа–твоего отец–его на охоту ушел’. (Вольджа)

12. Имя существительное (р. п.) в лично-притяжательной форме + имя существительное в безличной форме:

- 017 *ima-n-ty laŋkucčā.*
 жена-GEN-POSS.3SG крик
 ‘Жены–его крик’. (ТазО)

- 018 *tab qβili-č-a aze-n-d roq-lā-ze.*
 3SG рыба-VBLz-3SG.sub отец-GEN.POSS.3SG сеть-PL-COM.INSTR
 ‘Он рыбачит сетью отца–своего’. (Ив.)

13. Имя существительное (р. п.) в безличной форме + имя существительное в безличной форме:

- 019 *qana-t qob.*
 собака-GEN шкура
 ‘Собаки шкура’. (Нап.)

- 020 *mādi-t pō tē-mb-a.*
 дом-GEN дерево сгнуть-PSTN-3SG.sub
 ‘Дома дерево сгнило’. (Ив.)

14. Имя существительное (м.-л. п.) в лично-притяжательной форме + имя существительное в лично-притяжательной форме:

- 021 *i-n-d-nan* *tob-la-t* *karokan* *e-j-at.*
сын-GEN-POSS.3SG-LOC2 нога-PL-POSS.3SG кривой быть-EP-3PL
'У сына-твоего ноги-его кривые'. (Ив.)

15. Имя существительное (р. п.) в лично-притяжательной форме + имя существительное в безличной форме:

- 022 *u'ndzi:-r-gu* *l'a'ga'baba-n* *ne:-n-nan.*
вошь-VBLz-INF Баба-Яга-GEN дочь-GEN.POSS.3SG-LOC2
'(Давай-ка она) вшей искать у дочери Бабы-Яги'. (Кёнга; С 42).

16. Имя существительное (м.-л. п.) в безличной форме + имя существительное в безличной форме:

- 023 *amdəlqu-n* *i:-nan* *qwe:* *ho'dzi-εspə-nd-a.*
царь-GEN сын-LOC2 береза вырасти-IPFV-EVID.PRS-3SG.sub
'У царского сына (такая) береза растет, такая береза растет'. (Кёнга; С 42)

Группа III. Предикативные конструкции в селькупском языке включают глагол *ēqo* «есть, иметься» или глагол *čänkiqo* «нет, отсутствовать». Селькупский язык, как и многие уральские языки, не является *habere*-языком. Отсутствие *habere*-глаголов компенсируется за счет глаголов бытия, отсутствия и глагола «держать», который в некоторых ситуациях приобретает посессивную семантику (Хонти, 2008: 173). Ранее предикативные конструкции в селькупском рассматривались как «*habere*-конструкции», имеющие личного или предметного посессора (Ким, 1981).

17. Имя существительное (им. п.) в лично-притяжательной форме + глагол (*ēqo*):

- 024 *tul'se-φ* *je-w-a.*
ружье-POSS.1SG есть-PRS-3SG.sub
'Ружье у меня есть'. (УО)

18. Имя существительное (м.-л. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме + глагол (*čänkiqo*):

- 025 *kana-n-nan* *nüžə-di* *čangβa.*
собака-GEN-LOC2 хозяин-POSS.3SG нет
'У собаки хозяина-ее нет'. (Нап.)

19. Имя существительное (им. п.) в лично-притяжательной форме + глагол (*čänkiqo*):

- 026 *mat* *aza* *ud'a-k,* *ped'e-m* *t'angβa.*
1SG NEG работать-1SG.sub топор-POSS.1SG нет
'Я не работаю, (так как) у меня топора нет'. (Ив.)

- 027 *βəite-t* *na* *t'änggu.*
след-POSS.3SG даже нет
'Следа ее даже нет'. (УО)

- 028 *man* *teerb-an,* *a* *teie-φ* *t'akku.*
1SG думать-1SG.sub а ум-POSS.1SG нет
'Я думаю, а ума у меня нет'. (СтС)

20. Личное местоимение (им. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме + глагол (*čänkiqo*):

- 029 *man* *oro-m* *t'angu.*
1SG.GEN сила-POSS.1SG нет
'У меня силы-моей нет'. (ЮШ)

21. Личное местоимение (м.-л. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме + глагол (čänkiqo):

030 *meŋ-nan*   *βremä-β*   *t'ängu.*
1SG-LOC2   время-POSS.1SG   нет
'У меня времени–моего нет'. (УО)

22. Личное местоимение (м.-л. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме + глагол (čänkiqo):

031 *ma-nan*   *oro-m*   *t'angβa.*
1SG-LOC2   сила-POSS.1SG   нет
'У меня силы–моей нет'. (Ив.)

23. Личное местоимение (м.-л. п.) + имя существительное в безличной форме + глагол (čänkiqo):

032 *man-nan*   *ka-t-ko*   *čobir*   *t'aŋa.*
1SG-LOC2   зима-GEN-DEST.TRNSL   ягода   нет
'У меня зимовать ягоды нет'. (Нап.)

24. Имя существительное (им. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме + глагол čänkiqo:

033 *tap*   *qip*   *ortə*   *čenka.*
3SG   человек   сила-POSS.3SG   нет
'У этого человека силы–его нет'. (Фарк.)

25. Личное местоимение (м.-л. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме + глагол ёqо (быть):

034 *tab*   *ud'-a,*   *kušak*   *tabi-nan*   *or-t*   *e-j-a.*
3SG   работать-3SG.sub   сколько   3SG-LOC2   сила-POSS.3SG   быть-EP-3SG.sub.
'Он работает, сколько у него силы–его есть'. (Ив.)

26. Личное местоимение (м.-л. п.) + имя существительное в лично-притяжательной форме + глагол ёqо:

035 *ma-nan*   *man-ma*   *e-j-a.*
1SG-LOC2   дом-POSS.1SG   быть-EP-3SG.sub
'У меня дом–мой есть'. (Нап.)

27. Личное местоимение (м.-л. п.) + имя существительное в безличной форме + глагол ёqо:

036 *mi-nan*   *tūkātšk-la*   *e-j-a.*
1PL-LOC2   дымокур-PL   быть-EP-3SG.sub
'У нас дымокуры есть'. (Ив.)

28. Имя существительное (им. п.) + имя существительное (им. п.) + глагол «держать»:

037 *loyo-t*   *heldi*   *kwatče*   *war-adit.*
черт-PL   семь   город   держать-3PL
'Черты семь городов имеют'. (Вольджа; С 60).

038 *čumə-l*   *qip*   *niwa-t*   *poruə*   *wari-nd-at.*
чумьлькуп-ADJz   человек   заяц-GEN   шуба   держать-EVID.PRS-3SG.ob
'У остяка есть заячья шуба'. (Нарым; С 38)

Семантически приведенные модели закрепляются за определенным значением посессивности:

- а) выражают отношения родства, свойства или функциональной общности, например: 002, 005, 009, 013;
б) часть к целому, например: 003, 019, 020, 021;
в) владение или собственность, например: 001, 003, 006, 008, 027;
г) обладание/необладание качеством, свойством или понятием, например: 004, 021, 029, 030, 031;
д) наличие/отсутствие действия, например: 017.

Все модели можно распределить между выражением личной и безличной посессивности. Так, модели конструкций, имеющие в своем составе лично-притяжательные суффиксы, личные и возвратно-личные местоимения обозначают личную посессивность. Лично-притяжательные суффиксы выполняют две задачи: во-первых, они обозначают лицо, поскольку по своей сущности являются маркерами лица; во-вторых, они указывают еще и на то, что обозначенное лицо находится в притяжательных отношениях с каким-либо предметом. Безличная посессивность связана с посессором, выраженным именем существительным, например все конструкции п. 13.

Более всего функция обозначения личной посессивности характерна для посессивных суффиксов в составе имен существительных. Анализ посессивных форм имен существительных показал, что в селькупском языке оказываются противопоставленными две группы слов: в одну из них входят имена, обозначающие отношения родства или свойства, анатомическая лексика, названия предметов личного обихода; в другую – все прочие имена существительные. Существительные первой группы преимущественно маркируются лично-притяжательными суффиксами, которые используются в функции обозначения личной посессивности. Существительные второй группы получают посессивное оформление лишь в определенной ситуации, к тому же посессивные суффиксы в их составе довольно часто приобретают другую функциональную направленность. Преимущественное оформление посессивными суффиксами таких именных групп, как термины родства и свойства, частей тела, предметов личного обихода, говорит о наличии значения неотторжимости, например: 001, 002, 003, 013, 021, 022.

В семантической группе обозначения людей можно выделить ряд существительных, имеющих не одно, а несколько различных значений в зависимости от того, оформлены ли они посессивным суффиксом. Данные имена могут приобретать более узкое значение – родства, свойства, например: муж, жена, друг, сосед, бабушка и т. д. Употребляясь без посессивного маркера, данные существительные передают относительно общие понятия, такие как женщина, мужчина, человек и др., например:

039 *ima-l* *kun* *e-ŋa?*
 женщина-POSS.2SG где быть-3SG.sub
 ‘Жена–твоя где?’ (ТазЕ)

040 *tantaltintil* *ima.*
 обучающий женщина
 ‘Учительница (букв.: обучающая женщина)’. (ТазЕ)

Другим типом примеров с непосессивной функцией является маркирование посессивным суффиксом 3-го л. ед. ч. таких имен, как небо, день, солнце, например:

041 *t'el-t* *qarət* *t'elə-ŋ.*
 солнце-POSS.3SG утром взойти-3SG.sub
 ‘Солнце–его утром взошло’. (Ив.)

042 *tam* *ire-yan-də* *ese-nd-it.*
 этот месяц-LOC-POSS.3SG быть-ЕVID-3PL
 ‘В этом месяце–его будет (есть)’. (Кел.)

Такие ситуации рассматривались в различных языках и дискутировалась их семантика. Как отмечает Б. Коллиндер, во всех уральских языках, за исключением финского, саамского (Lappish), мордвинского и венгерского посессивный суффикс 3-го л. ед. ч. (‘его’) может использоваться в качестве эквивалента английского определенного артикля (Collinder, 1960: 203). В селькупском языке непосессивное значение лично-притяжательных суффиксов 2-го и особенно 3-го л. ассоциировалось с определенностью или указательностью (Ким, 1980). В свою очередь И. Николаева, рассматривая посессивные суффиксы на примере уральских языков, отмечает, что суффиксы 3-го и реже 2-го л. ед. ч. могут использоваться в непосессивных значениях, не обязательно выражая определенность. И. Николаева предлагает выделить три непосессивные функции, передаваемые посессивными суффиксами: выражение идентификации (identifiability), ассоциативные связи с другим объектом (an associative relationship with another entity), эмфазу/контраст (Nikolaeva, 2003). Ниже представлены примеры с использованием посессивного суффикса в непосессивном значении:

043 *kili-p* *pakkil-b-ad,* *kanak-ti* *i tabi-p*
 яма-ACC вырыть-PSTN-3SG.ob собака-POSS.3SG и 3SG-ACC

	<i>elle</i> вниз 'Яму вырыл, собаку и ее сверху землей закидал'. (Вольджа; С 61)	<i>ču-he</i> земля-COM.INSTR	<i>kai-mb-at.</i> накрыть-PSTN-3SG.ob		
044	<i>natie-Rit</i> там-LOC1 <i>n'ade-t</i> девочка-POSS.3SG 'Там были снежные люди, снегурочка в белом'. (Вольджа; С 61).	<i>eppi-mb-adit</i> быть-PSTN-3PL <i>čar:</i> белый	<i>hiril</i> снег-ADJz	<i>qu-t,</i> человек-PL	<i>hiri-l</i> снег-ADJz

Итак, категория посессивности в селькупском языке не является единым понятием, а включает в себя ряд субкатегорий, содержательное многообразие которых проявляется в различной семантике и структуре посессивных конструкций. Как показало наше исследование, категоризация посессивности в селькупском языке может охватывать следующие оппозиции: личная – безличная; отторжимая-неотторжимая; приименная – предикативная; прототипическая – непрототипическая; внутренняя – внешняя. Материал позволяет выделить широкий спектр значений, входящих в понятие «посессивность»: а) владение, обладание каким-либо предметом или лицом; б) отношение части и целого; в) отношение предмета и его свойства; г) пространственная взаимосвязь; д) социальная взаимосвязь и др.

Архивные данные и сокращения

Архив ЯНС ТГПУ. Тома: 15, 32, 42, 46, 56–62.

Нап. – Напас (Тымский диалект); Вольджа (Васюганский диалект); Ласкино, Кенга (Нарымский диалект); Ив. – Иванкино (Среднеобской диалект); СтС–Старосондрово (Сондровские говоры); Степ. – Степановка, УО – Усть Озерное, ЮШ – Юрты Широковы (Кетский диалект); Фарк. – Фарково, Кел. – Келлог (Тазовско-Туруханский диалект); ТазО – Тазовский диалект по материалам «Очерков по селькупскому языку»: Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. 1993. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект (Учебное пособие). Москва, МГУ; ТазЕ – Тазовский диалект по материалам словаря Эрдели: Erdély I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. 1969. Akadémiai Kiadó Budapest. Hungary.

Список литературы

- Вагнер-Надь Б. Посессивные конструкции в нганасанском // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 1 (3). С. 76–82.
- Ким А. А. Набео-конструкции в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 90–94.
- Ким А. А. Категория притяжательности в селькупском языке // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М.: Наука, 1983. С. 53–55.
- Ким А. А. О связи категории притяжательности с категорией определенности в селькупском языке. Языки и топонимия. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 100–106.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Милованова М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 6. С. 95–101.
- Селиванова Е. А. Категоризация посессивности в русском сознании и языке // Уч. зап. Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Т. 25 (64). № 1. Ч. 1. С. 410–416.
- Фильченко А. Ю. Посессивные конструкции в восточных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 1 (3). С. 83–95.
- Хонти Л. 'HABERE' «по-уральски» // Linguistica Uralica. 2008. XLIV. 3. С. 161–177.
- Chandra P., Kumar R. Alienable – Inalienable Possession Distinctions: From Syntax to Semantics // Indian Linguistics, 2012, 73 (1–4). Pp. 35–45.
- Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 425 p.
- Deal A. R. External possession and possessor raising // The Companion to Syntax / eds. M. Everaert and H. van Riemsdijk. Wiley-Blackwell, 2nd edition. URL: <http://linguistics.berkeley.edu/~ardeal/papers/Deal-syncom.pdf> (in print) (Accessed: 18 December 2015).
- Evans V., Bergen B., Zinken J. (Editors). Preface. The Cognitive Linguistics Reader. EQUINOX, London, 2007. XIII–XIV.
- Hammarberg B., Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal possession: combining typological and second language perspective // In Giacalone Ramat (ed.), Typology and Second Language Acquisition. Berlin, 2003. Pp. 125–180.
- Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal possession // Language Typology and Language Universals. An International Handbook / Ed. by Haspelmath Martin. 2001. Vol. 2. Pp. 960–970.
- Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal Possession in the European Languages // In: Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF), Vol. 55, no 2, 2002. Pp. 141–172.

Langacker R. W. *The Cognitive Basis of Grammar*. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2002. 393 p.

Nikolaeva I. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // In: Bernard Comrie and Pirkko Suihkonen (eds.), *International Symposium on Deictic Systems and Quantification*. Izhevsk, 2003. URL: <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/papers/izhevsk.pdf> (Accessed: 18 December 2015).

Stassen L. Predicative Possession // In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available online at <http://wals.info/chapter/117> (Accessed: 18 December 2015).

Ким-Малони А. А., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Ковылин С. В., магистрант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2015.

Kim-Maloney A. A., Kovylin S. V.

TAXONOMY OF POSSESSIVE LANGUAGE MEANS IN SELKUP

The article observes classification of constructions with possessive markers in Selkup in the frame of such oppositions, as personal – impersonal, adnominal (pronominal and nominal) – predicative, alienable – inalienable, prototypical – non prototypical. 44 examples of Selkup constructions with possessive markers reveal that some of them do not have possessive meaning but rather reflect determination, identifiability, or definiteness. The usage of possessive suffixes with certain noun groups leads to their grammaticalization.

Key words: *possessive constructions, categorization, Selkup, possessive language means, grammaticalization.*

References

Chandra P., Kumar R. Alienable – Inalienable Possession Distinctions: From Syntax to Semantics. *Indian Linguistics*, 2012, 73 (1–4), pp. 35–45.

Collinder B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 1960. 425 p.

Deal, A. R. External possession and possessor raising. *The companion to syntax*, eds. M. Everaert and H. van Riemsdijk. Wiley-Blackwell, 2nd edition. URL: <http://linguistics.berkeley.edu/~ardeal/papers/Deal-syncom.pdf> (in print) (Accessed: 18 December 2015).

Evans V., Bergen B., Zinken J. (Editors). *Preface. The Cognitive Linguistics Reader*. EQUINOX, London, XIII–XIV. 2007.

Filchenko A. Ju. Possessivnye konstrukcii v vostochnyh dialektah hantyjskogo jazyka [Possessive constructions in eastern Khanty]. *Tomskiy zhurnal antropologicheskikh i lingvisticheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, vol. 1 (3), pp. 83–95.

Hammarberg B., Koptjevskaya-Tamm M. *Adnominal possession: combining typological and second language perspective*. In Giacalone Ramat (ed.), *Typology and Second Language Acquisition*. Berlin, 2003. pp. 125–180.

Honti, L. 'HABERE' "po-ural'ski" ['HABERE' "in Uralic"]. *Linguistica Uralica* XLIV. 3., 2008, pp. 161–177.

Kim A. A. Habeo-konstrukcii v sel'kupskom jazyke [Habeo-constructions in Selkup]. *Jazyki i toponimija – Languages and toponimy*, Tomsk, TSU, 1981, pp. 90–94.

Kim A. A. Kategorija prityazhatel'nosti v sel'kupskom jazyke [Category of possessivity in Selkup]. *Kategoriya prityazhatel'nosti v slavyanskikh i balkanskih jazykah: Tezisy soveshchaniya – Category of possessivity in Slavic and Balkan languages: Conference theses*, Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 53–55.

Kim A. A. O svyazi kategorii prityazhatel'nosti s kategoriej opredelenosti v sel'kupskom jazyke [On connection of the category of possessivity with definiteness in Selkup]. *Jazyki i toponimija – Languages and toponimy*, Tomsk, TSU Publ., 1980. Pp. 100–106.

Koptjevskaja-Tamm M. *Adnominal possession. Language typology and language universals. An international handbook*. Ed. by Haspelmath Martin. Volume 2, 2001. pp. 960–970.

Koptjevskaja-Tamm M. *Adnominal Possession in the European Languages*. In: Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF), Vol. 55, no. 2, 2002. pp. 141–172.

Langacker R. W. *The Cognitive Basis of Grammar*. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2002. 393 p.

Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Adit. Jartseva V. N. Moscow, Sovetskaja intsiclopedia. 1990.

Milovanova, M. V. Ponjatje possessivnosti: problemy opredelenija i struktury [The concept of possessivity: problems of identification and structure]. *Vestnik VolGU – Vestnik VolSU*, 2. Issue. 6, 2007, pp. 95–101.

Nikolaeva I. *Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic*. In: Bernard Comrie and Pirkko Suihkonen (eds.) International Symposium on Deictic Systems and Quantification. Izhevsk. 2003. URL: <http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/papers/izhevsk.pdf> (Accessed 18 December 2015).

Stassen L. *Predicative Possession*. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2013. Available online at <http://wals.info/chapter/117> (Accessed 18 December 2015).

Payne Doris L., Barshi, Immanuel (editors). *External Possession. Typological Studies in Language (TSL)*, Volume 39. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/ Philadelphia, 1999.

Selivanova, E. A. *Kategorizaciya posessivnosti v russkom soznanii i yazyke* [Categorization of possessivity in Russian consciousness and language]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija "Filologija. Social'nye kommunikacii" – Scientific notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University/ "Philology. Social communications"*, vol. 25 (64), no. 1. Part 1. 2012. Pp. 410–416.

Wagner-Nagy B. *Posessivnye konstrukcii v nganasanskom* [Possessive constructions in Nganasan]. *Tomskiy zhurnal antropologicheskikh i lingvisticheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 1 (3), pp. 76–82.

Kim-Maloney A. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Kovylin S. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Budzisch J.

POSSESSIVE CONSTRUCTIONS IN SOUTHERN SELKUP DIALECTS

The use of possession in Southern Selkup can be divided in adnominal and predicative possession. In adnominal possession the possessor can be either a noun or a pronoun, the construction is usually head final. If the possessor is encoded pronominally, it can be marked with pronouns, possessive suffixes or a combination of the two. As in other Samoyedic languages possessive suffixes in Southern Selkup are also used to express non-possessive meaning. Predicative possession is essentially based on existential constructions as no habeo-verb exists in Southern Selkup; mostly nominative and locative constructions are in use.

Key words: *Southern Selkup, possession, possessive constructions.*

1. Introduction

Investigating possessive constructions one has to deal with the concept of possession which is not strictly linguistic but rather epistemological. Nevertheless, Hansjakob Seiler defines linguistic possession as follows: “It is the relationship between a human being and his kinsmen, his body parts, his material belongings, his cultural and intellectual products“ (Seiler 1983: 4). In this definition, the possessor has to be a human being, but for the analysis made here, the possessor just had to be alive, i.e. animals also could take the position of possessor as they often act as protagonists in the texts and adopt human characteristics.

There is the possibility to define subgroups due to semantic categorization, i.e. due to the relation between the possessor and the possessed. The most common categories are inalienable and alienable; even though those terms are not unproblematic (see e.g. Seiler 1983: 28, Heine 1997: 10) they are a good starting point. Inalienable possession’s core meanings cover body parts and kinship terms while alienable possession is used for possession one can separate from its owner (see Dahl – Koptjevskaja-Tamm 2001: 210). Obviously there are situations and languages where the separation between those two terms is not as strict as presented here.

Besides the semantic categorization, there is formal categorization. Usually possessive constructions are divided into adnominal and predicative possession, the first one being a noun phrase and the latter one a construction including a predicate. In addition, in adnominal constructions the possession is not in focus while in predicative construction the bare expression of possession is central (see Heine 1997: 27).

Southern Selkup is used here to describe both Central and South Selkup, i.e. all non-Northern Selkup dialects. The dialectal classification of Gluškov is taken as background for the study; according to him Vah, Tym, Vasjugan and Narym are Central Selkup and Middle Ob (Šeškup), Upper Ob, Čaja, Čulym and Ket Southern Selkup (see Gluškov – Bajdak – Maksimova 2013: 53).

The analysis is based on 103 texts which consist of 3,478 sentences. Five Southern and Central Selkup dialects are covered: 47 Narym texts, 22 Vasjugan texts, 19 Ket texts, 12 Tym texts and 3 Šeškup texts.¹ The transcription remains untouched, the glossing and translation of the examples shown here were done by myself.²

2. Adnominal Possession

A possessive noun phrase in Southern Selkup consists of a modifier (the possessor) and the head of the phrase (the possessed), the relationship between these two elements is encoded by a variety of linguistic strategies. The possessor can be a (proper) noun or a pronoun.

In case of the possessor being a noun, the following structure can be found:

(proper) noun_{GEN} + head noun

- (1) *‘amdə-l*   *Gu-n*   *i*   *‘tö:-mba.*
 sit-ADJZ   human.being-GEN   son   come-PST.NAR.3SG

‘The tsar’s son came.’ (Fairytale about a girl and Baba-Yaga (Fairytale № 5) /30, Narym)

Southern Selkup marks the possessor with a genitive case suffix, the possessed is usually unmarked – if possessive suffixes are used, they are mainly used to mark a non-possessive (e.g. determinative) meaning (see example (2)). Therefore, the structure is dependent-marked (see Nichols 1986: 59) as only the possessor is

¹ I would like to offer my gratitude to the archive of the pedagogical university of Tomsk and the ELDP MDP0259 project (<http://elar.soas.ac.uk/deposit/0164>) for letting me use their data. Some of the texts are also published in the series *Annotated Folklore Prose Texts of Ob-Yenissey Language Area*, details can be found in the reference section.

² The glossing standard used is the one developed for the DFG-project *Syntaktische Beschreibung der süd- und zentralselkupischen Dialekte: Eine korpusbasierte Untersuchung* (W3153/3-1) in which I’m currently involved.

marked. Overall the structure is head final, the possessor precedes the possessed. Analysis of data shows very few exceptions to this, which might be due to information structure.

- (2) *üčedie-li-ka-n*   *amba-d*   *ur-u-k*   *čur-e-li-mba.*
 child-DIM-DIM-GEN   mother-PX.3SG   force-EP-ADVZ   cry-EP-INCH-PST.NAR.3SG
 ‘The child’s mother began to cry strongly.’ (The mistress of the fire/79, Vasjugan)

Another way to encode possessive relations is the use of an adjectivization, but these occurrences seem to be restricted to animals which are meant to be used as source of food or material.

- (3) [...] *pärⁱ-e-spi-yi-t*   *hibinⁱ/dzⁱ-a-t*   *ali*   *hirə-l*   *wadzⁱ-p.*
 [...] fry-EP-IPFV-PST-3SG.OB   pig-GEN   or   cow-ADJZ   meat-ACC
 ‘She fried pork or beef.’ (A story of Korobejnikova I. A. about herself/52, Narym)

Bekker (1995: 78) states in her grammar that it is also possible to use a locative case suffix to mark possessive structures. And indeed, some examples can be found for this concept:

- (4) *loya-nan*   *mat-ti*   *vü-mba.*
 fox-LOC   house-PX.3SG   melt-PST.NAR.3SG
 ‘The house of the fox melted.’ (The hare’s house/12, Ket)

But the occurrences are very limited, therefore one may say that the genitive case is by far the most prominent and usual marker for adnominal possession involving a noun as the possessor.

If the possessor is present in the form of a pronoun the case is not as distinct. Three scenarios are possible: the possessor is indeed encoded by only a pronoun, by a possessive suffix or by a combination of those two. Therefore, the following structures can be found:

(pronoun) + head noun _(PX)

Pronouns used to mark possession occur in two variants: the genitive version of the personal pronoun and a locative variation of the pronoun which has lost its locative meaning. Constructions with only the pronoun are head final again, the pronoun is put before the possessed noun.

- (5) *man*   *nimbi-kka*   *mⁱizut*   *a:*   *na:d-i-ri.*
 1SG(POSS)   grandmother-DIM   1PL.ACC   NEG   love-EP-FRQ.3SG
 ‘My grandmother doesn’t love us.’ (The old legend/78, Narym)

There are significantly fewer examples for the locative-marked variation; one of them is shown in example (6).

- (6) *minan*   *warg*   *əⁱmad-la*   *nad-ə-r-kwa-t*
 1PL.POSS   big   child-PL   love-EP-FRQ-ITER-3SG.OB

- handzər-gu*   *üčəga*   *kiba*   *mar-la-n-d-ə.*
 play- INF   little   little   child-PL-GEN-PX.3SG-COM
 ‘Our big children love to play with the little children.’ (A story of Korobejnikova I. A. about herself/63, Narym)

Both types of pronouns are used for every semantic category of possession; there is no indication in the data that different pronouns are used for specific purposes.

It is also the case that both pronoun paradigms are also applied in combination with possessive suffixes:

- (7) *man*   *adzu-ka-m*   *ugot*
 1SG(POSS)   grandmother-DIM-PX.1SG   earlier
- tabe-tč-le*   *kwaja-kku-mba.*
 squirrel-TR-CONV   go-DUR-PST.NAR.3SG
 ‘Earlier my grandmother used to go squirrel hunting.’ (My Grandmother/2, Narym)

In those cases, the data shows again that the genitive version of the personal pronoun is used more frequently and that these double markings are mainly eligible for kinship terms and body parts – the core meanings of inalienable possession. But for a definite statement about this more texts from different genres would be required.

The data also shows that it is not solely the speaker’s preference as one speaker can mix the different options. In example (8) the first possessed, the father, is only marked with a possessive suffix while the mother is marked with a pronoun as well as a suffix.

- (8) *adza-m*   *kette-špa-t*   *tidi-p*   *čwečo-t*
 father-PX.1SG   strike-IPFV-3SG.OB   cedar-ACC   ground-GEN
- il-git,*   *mat*   *amba-m*   *takl-e-špa-t.*
 down-LOC   1SG(POSS)   mother-PX.1SG   collect-EP-IPFV-3SG.OB
 ‘My father strikes a cedar, on the ground below, my mother picks (it) up.’ (My mother and father struck cedar cones with a stick/2, Narym)

Encoding possessive relations between a pronominal person and the possessed with just a possessive suffix is by far the most frequent alternative in the corpus.

- (9) *tabinnan*   *haj-di-n*   *kwedi-l*   *eppi-mba*
 3SG.POSS   eye-PX.3SG-PL   be.beautiful   become-PST.NAR.3SG
- kak*   *nüššund,*   *opt-i-de*   *nidi-n*   *eppi-mba*
 so   sky   hair-EP-PX.3SG   such-ADVZ   become-PST.NAR.3SG
- kwedi-l-le*   *are-n-de*   *kadaf.*
 be.beautiful-CONV   moon-GEN-PX.3SG   light
 ‘Her eyes were as beautiful as the sky, her hair was as beautiful as the moon light.’ (Tale about a hero/16, Vasjugan)

But as example (9) already shows, the use of possessive suffixes is not limited to pure possessive marking, Southern Selkup – as well as many other Uralic languages – features a “double use” of those suffixes. Other Uralic and more specifically some other Samoyedic languages feature the use of different persons of the possessive suffix, while it seems that in Southern Selkup only the 3SG- suffix is used in that regard. Mostly the second use of the suffixes is for marking something “inherently unique”, time frames or for anaphoric use, i.e. reference to persons already mentioned in the ongoing conversation (see Nikolaeva 2003: 132 ff.). Inherently unique are usually heavenly or divine bodies, as the moon in example (9) or the sun in example (10).

- (10) *vele-di*   *kwed-i-mba.*
 sun-PX.3SG   shine-EP-HAB.3SG
 ‘The sun is shining.’ (A tale about Idja and his grandmother/10, Vasjugan)

Still the suffixes are optional as they can just be left out in any context; in example (11) the sun is not marked, even though it appears also marked in the very same text.

- (11) *ve:lə*   *ve:ləy-ni.*
 sun   wake.up- PRS . 3SG
 ‘The sun wakes up.’ (A tale about how the beasts searched the sun/11, Ket)

Also involved in the marking of possessive relations are reflexive pronouns (*on-*) – the data indicates that they cannot be seen as a sole solution but rather understood as an intensifying element, even though Bekker (1995: 78) lists them as an adequate variant. Example (12) shows the intensifying use of the pronoun:

- (12) *tau*   *mat*   *on-ek*   *man-m.*
 this   house   REFL-GEN.1SG   house-PX.1SG
 ‘This house is my own house.’ (I came to my own native village/9, Narym)

If one compares all three options, one does get the following picture (the number indicated for possessive suffixes is restricted to the use of these suffixes in a possessive meaning):

Table 1

Distribution of possessive pronouns and suffixes

	Overall	inalienable	alienable
Pronoun	78	55	23
Pronoun + Possessive suffix	108	91	17
Possessive suffix	571	453	118

As already mentioned, possessive suffixes are the option most used, whereas pronouns on their own occur seldom. Inalienable and alienable possession do not seem to be marked differently, only the combination of

pronoun and suffix might have a tendency to be used for inalienable possession, but more data would be required to support this hypothesis. The data also shows that the dialects do not make a difference, since the distribution per dialect and option is largely the same.

3. Predicative Possession

The corpus contains several sentences with predicative possession, Table 2 compiles the different options which appear in the data. As expected there is no habeo-verb, therefore all constructions are basically existential constructions using an existential verb. For Southern Selkup that is the ‘to be’ verb, there is no distinction between an existential verb and a ‘to be’ verb.

Table 2

Distribution of the case suffixes used in predicative possession

Nominative	affirmative	22
	Negative	11
Locative	affirmative	57
	Negative	9
Genitive	Negative	2
comitative.instrumental	affirmative	4

The table shows evidently that the two latter options are only rarely used, both genitive examples are taken from the same text, and also the so-called with-possession (Stassen 2009: 54) cannot be seen as fully functional as all four examples are in principle the same sentence repeated in the same text. Therefore Southern Selkup presents two variants for expressing predicative possession – two variants one might be familiar with from other Samoyedic languages.

3.1. Nominative Possessive

The structure of the nominative construction is as follows:

(proper) noun/ (pronoun) + head noun_(PX) + (not) to be

If the possessor is present in the form of a pronoun, that pronoun can be dropped if a possessive suffix is used. The possessive suffix is optional if the possessor is overt, whether it is in the form of a noun or pronoun.

In example (13) the possessor is only marked with the possessive suffix, in example (14) the possessor is overt and no suffix is used.

- (13) *nagur ne:-di e-ku-nda.*
 three daughter-PX.3DU be-DUR-INFER.3SG
 ‘They had three daughters.’ (Three sisters (Fairytale № 3) /2, Narym)

- (14) *p'ua-l'dzi-ka wargi haj e-ja.*
 eagle-DIM-DIM big eye be-PRS.3SG
 ‘The eagle has a big eye.’ (Fairytale about Blizzard/32, Vasjugan)

Nominative possessive structures can be negated by the use of the Selkup NEG . EX -verb *čangu-* or the Russian loan *n'etu* which can be used as a particle or be conjugated like a standard Selkup verb.

3.2. Locative Possession

The locative version is present in the following structure:

(proper) noun_{LOC} pronoun_{LOC} + head noun_(PX) + ((not) to be)

The possessor receives the locative case marking (the case suffix is directly attached to the possessor, not to a post position like in Northern Selkup and other Samoyedic languages). It is also possible to add the possessive suffix to the possessed, but once again the possessive suffix is not obligatory. Example (15) shows an affirmative sentence with a noun as the possessor, example (16) presents a pronominal possessor and is negated with the verb *čangu-*; as with the nominative possession, the Russian loan *n'etu* can be used as well.

- (15) *n'ab-i-nnan naj sidi haj e-ja.*
 duck-EP-LOC EMPH two eye be-PRS.3SG
 ‘The duck has two eyes.’ (Tale about Nikita/12, Vasjugan)

- (16) *man-nan fa kaborg čangu-ya.*
 1SG-LOC good cloth be.absent-PRS.3SG
 ‘I have no good dress.’ (Tale about her own life/42, Vasjugan)

The word order for these structures is quite variable (as it might overall be the case in Southern Selkup), SOV is in fact the most used order but almost every other variety can be found. Mostly that might be due to information structure, hence a shift in the focus point, as in example (17) in which the dogs are stressed.

- (17) *tol'ko kana-la-m ma-nan e-ja.*
 only dog-PL-PX.1SG 1SG-LOC be-PRS.3SG
 'I have only dogs.' (I came to my own native village/11, Narym)

Another feature, already visible in the structure presented above, is the dropping of the verb, in the present tense zero copula is possible. In fact, the analysis of the corpus shows that this is the second most frequent choice.

- (18) *tabi-nan okkir ne-d.*
 3SG-LOC one daughter-PX.3SG
 'He has only one daughter.' (Tale about her own life/73, Vasjugan)

As shown for the distribution of the different strategies to mark adnominal possession, dialects are also not decisive in choosing a certain pattern to mark predicative possession. Nominative and locative possession seem to be coexisting.

Abbreviations

ACC	accusative	FRQ	frequentative	NEG	negative
ADJZ	adjektivizer	GEN	genitive	OB	objective
ADVZ	adverbializer	HAB	habituaive	PL	plural
COM	comitative	INCH	inchoative	POSS	possessive pronoun
CONV	converb	INF	infinitive	PRS	present
DIM	diminutive	INFER	inferential	PST	past
DU	dual	IPFV	imperfective	PX	possessivesuffix
DUR	durative	ITER	iterative	REFL	reflexive
EMPH	emphatic	LOC	locative	SG	singular
EP	epentheticvowel	NAR	narrative	TR	transformative

References

- Bajdak A., Fedotova N., Maksimova N. 2010. Селькупские тексты [The Selkup Texts]. In: Fil'čenko, Andrey (ed.). Annotated Folklore Prose Texts of Ob-Yenissey Language Area. Tomsk, Veter Publ., 133–184.
- Bajdak A., Maksimova N. 2012. Селькупские тексты [The Selkup Texts]. In: The Department of Siberian Indigenous Languages (ed.). Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area. Tomsk, 72–100.
- Bajdak A., Maksimova N. 2013. Селькупские тексты [The Selkup Texts]. In: The Department of Siberian Indigenous Languages (ed.). Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area. Tomsk, 153–201.
- Беккер Е. [Беккер, Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В. Ильяшенко И. А.]. 1995. Морфология селькупского языка. южные диалекты. Часть 1. Томск.
- Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. 2001. Kinship in grammar. In: Baron, Irène – Michael Herslund – Finn Sørensen (eds.). Dimensions of Possession. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 201–225.
- Gluškov S., Bajdak A., Maksimova N. [Глушков С., Байдак А., Максимова Н.] 2013. Диалекты селькупского языка [The Dialects of Selkup]. In: Н. Тучкова, С. Глушков, Е. Кошелева, А. Головнёв, А. Байдак, Н. Максимова (eds.). Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка [The Selkups. The Sketches of Traditional Culture and the Selkup Language]. Томск, 49–63.
- Heine B. 1997. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization (Cambridge Studies in Linguistics 83). Cambridge: University Press.
- Nichols J. 1986. Head-Marking and Dependent-Marking Grammar. Language 62, 56–119.
- Nikolaeva I. 2003. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. In: Suihkonen, Pirkko – Bernd Comrie (eds.). International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia. Iževsk; Leipzig: Udmurt State University; Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology, 130–145.
- Seiler H. 1983. Possession as an operational dimension of language (Language universals series 2). Tübingen: Narr.
- Stassen L. 2009. Predicative Possession. Oxford: University Press.

Budzisch J. M.A.
University of Hamburg.
Hamburg, Germany.
E-mail: josefina.budzisch@uni-hamburg.de

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2015.

Будциш Й.

ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЮЖНО-СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Посессивные конструкции в южно-селькупских диалектах могут быть категоризованы на именные и предикативные. В именных посессивных конструкциях посессор может быть выражен как именем, так и местоимением, в обоих случаях конструкции характеризуются постпозицией вершины (обладаемого) по отношению к посессору. В местоименных конструкциях посессоры могут быть выражены как полным местоимением, лично-притяжательными аффиксами, так и комбинированным местоименно-аффиксальным способом. Как и в других самодийских языках лично-притяжательные аффиксы в южно-селькупских диалектах используются в других – непосессивных функциях. Предикативные посессивные конструкции по сути являются бытийными конструкциями. Так как в южно-селькупских диалектах отсутствует habeo-глагол, для выражения предикативной посессивности используются номинативные или локативные конструкции.

Ключевые слова: *селькупский язык, посессивность.*

Будциш Й.
Университет Гамбурга.
Гамбург, Германия.
E-mail: josefina.budzisch@uni-hamburg.de

Полякова Н. В.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА¹

Представлен краткий обзор семасиологического и ономазиологического подходов к исследованию посессивности в отечественной и зарубежной лингвистике. Описаны морфологический, синтаксический и морфолого-синтаксический способы выражения категории посессивности в диалектах селькупского языка, а также личная и предметная принадлежность. Рассмотрено явление отторжимой/неотторжимой принадлежности в селькупском языке.

Ключевые слова: *посессивность, селькупский язык, притяжательные конструкции, лично-притяжательные суффиксы, отторжимая/неотторжимая принадлежность.*

Категория посессивности относится к универсальным понятийным категориям языка. Существуют два определения данной категории: «широкое» и «узкое». В рамках широкой трактовки посессивность рассматривается как связующее значение, реализующееся в сочетаниях самой различной семантики, в то время как в рамках узкой трактовки посессивность сводится к значениям обладания, владения.

В различных языках посессивность выражается при помощи разноуровневых языковых средств. При этом универсального набора языковых средств выражения посессивности не существует, для каждого языка данный набор является уникальным.

Посессивность является комплексным и неоднозначным понятием. Для исследования и описания данной категории необходимо обратиться к различным языковым структурам. Вопрос о семантической области посессивности в целом до сих пор остается слабо изученным, см.: (Милованова, 2007).

Посессивность может быть исследована как с позиций семасиологического, так и ономазиологического подходов.

В зарубежной лингвистике посессивность рассматривается в первую очередь с позиций ономазиологического подхода. Взяв за основу интуитивное понимание концепта посессивности, ученые уточняют его, описывая различные типы отношений, включаемые в общее понятие посессивности (Heine, 1997).

«Семантически посессивность можно отнести к биокультурным концептам. Это отношение человека с его родственниками, частями тела, материальной собственностью, культурными и интеллектуальными продуктами его деятельности. В более широком смысле – это отношение между организмом в целом и его частями» (Seiler, 1983: 4; цит по: Милованова, 2007: 96). Данное определение посессивности трансформируется в работах Б. Хайне в разные типы предикативной посессивности: физическая, временная, постоянная (перманентная), абстрактная и т. д.

В отечественной лингвистике наиболее полное исследование посессивности проведено А. В. Бондарко и его учениками, которые рассматривают посессивность как функционально-семантическое поле. В данном поле выделяется два центра в зависимости от атрибутивных и предикативных функций различных типов посессивных конструкций (Бондаренко, 1996).

Категория посессивности входит в число важнейших категорий селькупского языка. Данная категория является семантически сложной, поскольку в ней находит отражение множество разных отношений: принадлежность части целому, обладание, неотчуждаемая и отчуждаемая принадлежность.

Посессивность как лингвистическая категория в селькупском языке может быть определена как отношение двух предметов, именуемых посессор и обладаемое, выражающих семантическое понятие «притяжательности» и связанных между собой особым образом.

Нельзя не согласиться с И. Николаевой, подчеркивающей, что «в уральских языках посессивность выражает намного больше возможных отношений, нежели в индоевропейских языках» (Nikolaeva, 2004: 142).

В уральских языках посессивность может рассматриваться в рамках ассоциативных отношений, которые должны быть установлены в дискурсе или речевой ситуации к моменту высказывания, таким образом, «посессор» концептуализируется первым и служит когнитивной точкой референции для установления ментального контакта с «обладаемым». Необходимым условием при этом является идентифицируемость компонентов: посессор идентифицируем в силу того, что он является точкой референции, и слушатель должен иметь о нем представление, а обладаемое – в силу прагматической ассоциации с другим определенным референтом (Nikolaeva, 2004: 142–143).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-04-00406 «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

Несмотря на то, что категория посессивности в различных диалектах селькупского языка уже становилась объектом лингвистического анализа, см.: (Кузнецова и др., 1980; Ким, 1987; Беккер и др., 1995), многие аспекты нуждаются в дальнейшем изучении и верификации.

Посессивные отношения в диалектах селькупского языка могут выражаться морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим способами. Морфологический способ выражения посессивных отношений заключается в присоединении лично-притяжательных суффиксов к именам существительным или другим частям речи.

Существуют два порядка следования лично-притяжательных суффиксов в фоморфологической структуре лично-притяжательных форм склонения. Безличное склонение имен существительных распадается в селькупском языке на две группы: группу основного падежа – падежи, происходящие от основы имени, внешне совпадающей с формой основного падежа, – основной падеж и косвенные падежи, образованные таким способом и группу других косвенных падежей, исторически берущих начало от основы, осложненной суффиксом -n, связываемым с генитивом. Первая группа падежей безличного склонения, переходя в разряд лично-притяжательного склонения, присоединяет лично-притяжательный суффикс к падежному показателю. У второй группы падежей лично-притяжательный суффикс наслаивается на генитивный -n и оказывается в позиции перед падежным показателем (Беккер, 1983: 11).

Т. М. Филиппова, описывая особенности верхнеобского говора южных селькупов, указывает на наличие в данном говоре двух посессивных форм первого лица единственного числа. Первая форма образуется по модели, присущей и другим диалектам селькупского языка: путем добавления к основе посессивного показателя винительного падежа. Данная форма винительного падежа идентична форме именительного падежа лично-притяжательного склонения: Тайз. *udo-β čayud'ibba* ‘рука моя распухла’. Вторая форма образуется по модели: первая форма + показатель винительного падежа безличного склонения: Тайз. *man ālīnnaβ ad'a-u-m* ‘я обманула отца своего’ (Филиппова, 2011: 84).

При морфолого-синтаксическом и синтаксическом способах посессивные отношения выражаются различными посессивными конструкциями, состоящими, как правило, из двух слов. Первый член посессивной конструкции (имя существительное или местоимение) служит определением и является обладателем, а второй член посессивной конструкции (имя существительное) выступает в роли определяемого и является обладаемым.

Синтаксически притяжательные отношения выражаются при помощи порядка слов: первое место занимает посессор, второе – обладаемое (Беккер и др., 1995: 77).

В зависимости от выражения обладателя посессивные конструкции селькупского языка подразделяют на конструкции личной принадлежности, конструкции предметной принадлежности и *habeo*-конструкции, которые передают как личную, так и предметную принадлежность.

Структурно конструкции личной принадлежности подразделяются на четыре типа:

– Личные местоимения первого и второго лица в функции притяжательных местоимений + имя существительное в лично-притяжательной форме: Нап. *mat ašte-m* ‘мой олень-мой’.

– Личное местоимение третьего лица в форме родительного падежа + имя существительное в безличной либо лично-притяжательной форме: Ив. *Tabin au-t tömba* ‘Его мать-его пришла’.

Следует отметить, что в тазовском диалекте селькупского языка посессивные формы третьего лица в притяжательных конструкциях с названием обладателя в генитиве не употребляются: *təpu-n alako* ‘его лодка’.

– Личное местоимение в форме местно-личного падежа + имя существительное в лично-притяжательной форме: УО *mennan utla-β i topla-β qandīnat* ‘Мои руки-мои и ноги-мои застыли’.

– Возвратно-притяжательное местоимение с основой *on-* + имя существительное в лично-притяжательной форме: УО *me onnat utla-nat-se m'essot* ‘Мы своими руками-нашими делаем’ (Беккер и др., 1995: 78–82).

Ряд лексем, в число которых входят, например, таз. *qum* ‘человек’, *ima* ‘женщина’, *ira* ‘мужчина, старик’, *īja* ‘мальчик, ребенок’ в сочетании с посессивными показателями несколько меняют свое значение: *qum-my* ‘мой товарищ (спутник, напарник)’, *ima-my* ‘моя жена’, *ira-my* ‘мой муж’, *īja-my* ‘мой сын’ (Кузнецова и др., 1980: 188).

Предметная принадлежность передается в диалектах селькупского языка при помощи двух типов конструкций:

– имя существительное в форме родительного падежа безличного или лично-притяжательного склонения + имя существительное в форме одного из падежей безличного или лично-притяжательного склонения;

– имя существительное в форме местно-личного падежа безличного или лично-притяжательного склонения + имя существительное в форме одного из падежей безличного или лично-притяжательного склонения (Беккер и др., 1995: 82–83).

Посессивные отношения могут быть представлены в языках атрибутивными и предикативными конструкциями, выражающими различные типы посессии: это и собственно владение материальными объектами, и отношения «часть/целое», которые тесно связаны с понятием отчуждаемости/неотчуждаемости (отторжимости/неотторжимости). Ученые не пришли также к единому мнению по поводу того, какой тип посессивности – отчуждаемый или неотчуждаемый – возник раньше. Однако большинство ученых рассматривают «неотчуждаемость» как более древний конструкт, а «отчуждаемость» – производное, вторичное явление.

Неотчуждаемая посессивность понимается как «выражение принадлежности такого предмета, который естественным образом не может быть отчужден от другого предмета или посессора (Heine, 1997: 10).

Лексико-семантическая классификация имен неотчуждаемых объектов со ссылками на работы Х. Зайлера, Дж. Николс представлена С. Едыгаровой:

1. Отношения части и целого.

1.1. Человек или живое существо и части его тела:

– части тела и внутренние органы;

– психические свойства и состояния человека.

2.1. Термины родства.

3.1. Непредметные понятия с высокой степенью посессивности (Едыгарова).

Неотчуждаемость (неотторжимость) концептуализируется как отношение абсолютной врожденной или естественной части, без которой нормальное функционирование организма невозможно, а свойства предмета или человека не существуют без их обладателя.

Самую большую группу имен объектов неотчуждаемой семантики составляют названия частей тела, отчуждение которых невозможно без серьезных последствий для обладателя.

Анализ селькупских фольклорных и бытовых текстов свидетельствует о том, что термины родства, анатомическая лексика маркируются лично-притяжательными суффиксами, ср.: Ив. *amba-ut m'iyenyt čenča* 'мать-наша нам говорит', *tab man hajo-m üsse qamžeyt* 'она мои глаза-мои водой заливала', *mannāni ī-m nadugu kyga* 'мой сын-мой жениться хочет', *mināni n'en 'n'am swāk warka* 'наша сестра-наша хорошо живет'; Вольд. *man t'ēka nē-m mellage* 'я тебе дочь-мою отдам', *man mīdo-m tū to blekand onenže piveγand pendə* 'мою печень-мою на той стороне костра напротив положи'.

Данные суффиксы выражают отношение нерасторжимой принадлежности (предмет обладания представлен именем, относящимся к классу слов, обозначающих неотделимую от владельца принадлежность), например, человека – частью его тела.

В связи с многогранностью категории посессивности представляется целесообразным провести дальнейшее исследование предикативной посессивности, внешней посессивности, диахронического развития данной категории с позиций семасиологического и ономасиологического подходов, а также сопоставительное изучение категории посессивности в языках обско-енисейского ареала.

Список сокращений

Вольд. – Вольджа, Ив. – Иванкино, Нап. – Напас, Тайз. – Тайзаково, УО – Усть-Озерное, таз. – тазовский диалект селькупского языка.

Список литературы

- Беккер Э. Г. К вопросу о морфологическом аспекте выражения притяжательных отношений в диалектах селькупского языка // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М.: Наука, 1983. С. 10–13.
- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильясенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. I. Томск, 1995. 292 с.
- Бондарко А. В. Посессивность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Санкт-Петербург, 1996. С. 99–100.
- Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. Режим доступа: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf
- Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987. 16 с.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.

- Милованова М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 6. С. 95–102.
- Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic // Материалы Международного симпозиума по действительным системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 2004. С. 130–145.
- Филиппова Т. М. Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондровская группа) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 2: Филология. С. 81–87.
- Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 292 p.

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 20 ноября 2015.

Poljakova N.

THE EXPRESSION OF POSSESSION IN THE DIALECTS OF SELKUP

The paper presents a brief overview of the semasiological and onomasiological approaches to the study of possession in Russian and Western linguistic tradition. The paper discusses morphological, syntactic and morphosyntactic ways of expressing possession in the dialects of Selkup and covers various semantic types of possessive constructions. The Selkup dialects mark the distinction between alienable and inalienable possession.

Key words: *possession, Selkup, possessive constructions, possessive suffixes, alienable/inalienable possession.*

References

- Milovanova M. V. Ponjatje posessivnosti: problemy opredelenija i struktury [Possession: the problem of definition and structure]. *Vestnik VolGU*. Serija 2. Vyp. 6. 2007. Pp. 95–102 (in Russian).
- Heine B. Possession. *Cognitive sources, forces and grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 292 p.
- Bondarko A. V. Posessivnost'. Vstupitel'nye zamechanija. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [Possession. The introduction. In: The theory of Functional Grammar. Location. Existentiality. Possession]. St. Peterburg, 1996. Pp. 99–100 (in Russian).
- Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic. *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma po dejstičeskim sistemam i kvantifikacii v jazykah Evropy i Severnoj i Central'noj Azii*. Izhevsk, 2004. S. 130–145.
- Kuznetsova A. I., Helimskij E. A., Grushkina E. V. *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt* [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. Moscow, MGU Publ., 1980, vol. 1. 408 p. (in Russian).
- Kim A. A. *Vyraženie kategorii pritižatel'nosti v dialektah sel'kupskogo jazyka: Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The Expression of Possession in the Selkup Dialects]. Tartu, 1987. 16 p. (in Russian).
- Bekker Je.G., Alitkina L. A., Bykonja V. V., Il'jashenko I. A. *Morfologija sel'kupskogo jazyka. Južnye dialekty. Čast' I* [Morphology of Selkup Language. Southern dialects. Part 1.]. Tomsk, TGU Publ., 1995. 292 p. (in Russian).
- Bekker Je.G. K voprosu o morfologičeskom aspekte vyraženiija pritižatel'nyh otnošenij v dialektah sel'kupskogo jazyka. *Kategorija pritižatel'nosti v slavjanskij i balkanskij jazykah. Tezisy soveshhanija* [On the Morphological Aspect of Expressing Possession in the Dialects of Selkup]. Moscow, Nauka Publ., 1983. Pp. 10–13 (in Russian).
- Filippova T. M. Osobennosti verhneobskogo govora južnyh sel'kupov (tajzakovsko-starosondrovskaja grupa) [The Specific Features of the Verhneobskij Idiom of Southern Selkup (tajzakovsko-starosondrovskaja group)] *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. 2011. Vol. 10, vyp. 2: Filologija. Pp. 81–87 (in Russian).
- Edygarova S. *Kategorija posessivnosti v udmurtskom jazyke* [Possession in Udmurt]. URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf (in Russian).

Polyakova N. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Крюкова Е. А.

ИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Представлен обзор трудов по кетскому языку, которые затрагивают проблемы категории посессивности. Основной целью данного исследования является апробация методологии для описания именных посессивных конструкций в кетском языке. Исследование проводится с использованием эмпирического метода, который позволяет описать язык в его реальном функционировании, метода количественного подсчета, который должен усилить доказательную базу и достоверность полученных результатов.

Ключевые слова: кетский язык, именные посессивные конструкции, притяжательные местоимения, посессивные клитики, зависимостное маркирование, вершинное маркирование.

При описании грамматики кетского языка исследователь сталкивается с целым рядом языковых явлений, которые нельзя интерпретировать однозначно. Это касается и посессивных конструкций, как именных, так и предикативных. Вот вопросы, которые обсуждались и обсуждаются в кетологии: как определить статус показателя *da/d(i)* в именной парадигме, следует ли его считать суффиксом родительного падежа или маркером посессивности, рассматривать ли показатель *da/d(i)* как единую форму для выражения посессивности или как две омонимичные формы (падежный суффикс родительного падежа и притяжательный префикс), является ли показатель *da/d(i)* морфологическим элементом или служебным словом?

Исследованию именных и атрибутивных посессивных конструкций в кетском языке посвящено достаточное количество работ, в которых в той или иной мере затрагиваются вопросы категории посессивности. В основном это грамматики и очерки по кетскому языку отечественных (Валл, Канакин, 1985: 44–46; Валл, Канакин, 1990: 70–73, 75) и зарубежных ученых (Georg, 2007: 107–108, 119–120, 165–166; Vajda, 2004: 21–23; Werner, 1997: 104–119, 134–136). Есть работа типологического характера, где достаточно подробно рассмотрена проблема посессивности в кетском языке (Которова, Нефедов, 2006) и работа в сравнительно-сопоставительном аспекте, целиком посвященная проблемам посессивности в енисейских и атабаскских языках (Vajda, 2013), в которой также дается описание предикативной посессивности.

Основной целью данного исследования является апробация методологии для описания именных посессивных конструкций в кетском языке. В качестве отправной точки в статье используется традиционная классификация именных посессивных конструкций (посессивные конструкции с родительным падежом, притяжательные местоимения, посессивные клитики), описанные в вышеупомянутых трудах (Werner, 1997; Vajda, 2004; Georg, 2007). При выявлении дистрибуции в именных посессивных конструкциях будут затронуты вопросы вершинного и зависимостного маркирования.

Исследование проводится с использованием эмпирического метода, который позволяет описать язык в его реальном функционировании, и метода количественного подсчета, который должен усилить доказательную базу и достоверность полученных результатов.

В качестве материала исследования в данной статье для апробации используется текст «Бальна» на северо-кетском диалекте, записанном в 1959 г. В дальнейшем мы планируем применить разработанную методологию, основываясь на данных корпуса фольклорных и бытовых текстов на северо-кетском диалекте, записанных в середине XX в. и состоящих из 30 текстов (около 1100 предложений, зафиксированных и аннотированных с помощью лингвистической компьютерной программы FLEx).

Традиционно в кетском языке выделяют следующие именные посессивные конструкции:

1) посессивные конструкции с родительным падежом:

-da/-ra – суффикс родительного падежа мужского рода единственного числа

(1) *s'utn*   *bi'siep-de*   *ī*   'среднего брата имя' (Б2)²
 средний   брат-POSS.M   имя

-d (i) /-r (i) /-t – суффикс родительного падежа женского и среднего рода единственного числа

(2) *b-ogde-t*   *kūp*   'конец (моего) уха' (Б45)
 POSS.1SG-ухо-POSS.F   конец

-na – суффикс родительного падежа во множественном числе

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта РФНФ «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала», проект 15-04-00406а.

² Буква – сокращенное название текста, цифра – номер предложения в тексте.

- (3) *īs-na* *kəjke-n* ‘рыбы головы’ (ГР14)
 рыба-POSS.PL.ANIM голова-PL

2) притяжательные местоимения:

ap/ab ‘мой’, *uk* ‘твой’, *buda* ‘его’, *bud (i)* ‘ее’, *ətnna* ‘наш’, *əknna* ‘ваш’, *buŋna* ‘их’

- (4) *bu reqām* ‘его стрела’ (Б34)

3) посессивные клитики:

	ед. ч.	мн. ч.
1	b-	na-
2	k-	na-
3 м. р.	da-	na-
3 ж. р.	d-	na-
3 ср. р.	d-	d-

- (5) *n-asl-n* ‘свои лыжи’ (Б51)
 POSS.PL.ANIM-лыжа-PL

Рамки данной статьи не позволяют описать все именные посессивные конструкции, поэтому ограничимся формантами *da*, *d*, *na*. Практически все ученые-кетологи сходятся во мнении, что данные языковые единицы имеют более самостоятельный статус, чем связанные морфемы, такие как префиксы и суффиксы, их называют свободными частицами (Валл, Канакин, 1990: 70), проклитиками (Vajda, 2004: 20; Georg, 2007: 119), энклитиками (Vajda, 2004: 23). В данном исследовании для наименования этих единиц будет использоваться термин клитика.

Клитики *da*, *d*, *na* маркируют третье лицо единственного и множественного числа посессора и обнаруживают омонимичные формы, встречающиеся во всех трех вышеназванных посессивных конструкциях:

Таблица 1

Родительный падеж	Притяжательные местоимения	Притяжательные клитики
<i>-da</i> м. р. ед. ч.	<i>buda</i> ‘его’	<i>da-</i> 3 м. р., ед. ч.
<i>-d</i> ж. р. / с. р. ед. ч.	<i>budi</i> ‘ее’	<i>d-</i> ж. р. / с. р. ед. ч.
<i>-na</i> мн.ч.	<i>buŋna</i> ‘их’	<i>na-</i> 3 л. мн. ч.

При проведении исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) найти все возможные конструкции с клитиками *da*, *d*, *na* в посессивных конструкциях со всеми их алломорфами;
- 2) классифицировать конструкции по группам на основе их состава;
- 3) выявить дистрибуцию формантов *da*, *d*, *na*;
- 4) отметить наиболее частотные конструкции с клитиками *da*, *d*, *na*.

В результате анализа текста «Бальна» (объем 66 предложений, 520 слов) были выявлено 56 именных посессивных конструкций с исследуемыми клитиками и местоимениями (полный список конструкций см.: табл. 2). В тексте они представлены следующими алломорфами: *buda* ‘его’: *bu're*, *bu'rə*; *budi* ‘ее’: *bu're*; *buŋna* ‘их’: *buŋna*, *buŋ'na*; *da* м. р. ед. ч.: *da*, *ra*, *de*, *re*, *də*, *rə*, *d*, *r*; *d* ж. р. / с. р. ед. ч.: *d*, *t*; *na* мн. ч.: *na*, *ne*, *nə*, *n*.

Именные possessивные конструкции в тексте «Бальна»

buda, budī, buṅna (его, ее, их)	
<i>bu'reqām</i> 'его стрела' (Б34) <i>bu'rəoŋ'nas'ihitiŋa</i> 'под его постелью' (Б16) <i>bu're bis'nimin</i> 'ее братья' (Б22)	<i>buṅna bis'ep</i> 'их брата' (Б9) <i>buṅ'nahū</i> 'своего сердца' (Б25)
Da (мужской род 3-е лицо)	
da	ra
<i>daqīm</i> 'его жена' (Б18) <i>da kentibul'diŋa</i> 'к своему плечу' (букв. лопатке) (Б37) <i>da qī't</i> 'свой лук' (Б39) <i>dabisep</i> 'его брат' (Б49) <i>da ajeŋ</i> 'его рану' (букв. его болезнь / болящее) (Б50) <i>da qibbat</i> 'его тестя' (Б53) <i>da en'e</i> 'своего зятя' (Б54) <i>da qīm</i> 'его жена' (Б60)	<i>raqibbatdaŋa</i> 'своему тестю' (Б52) <i>ra bis'niminnaja</i> 'своим братьям' (Б4) <i>raholt'esias'i</i> 'своим животом' (Б34) <i>raqām</i> 'его стрелу' (Б36) <i>ra qām</i> 'его стрелу' (Б38) <i>ra quska</i> 'в своем чуме' (Б59) <i>ra qimdiŋa</i> 'его жене' (Б59) <i>bindera qoŋŋ</i> 'он-сам свой панцирь' (Б59) <i>ra bis'nimin</i> 'его братья' (Б6) <i>ra qoŋŋ</i> 'его панцирь' (Б61) <i>binda ra qoŋŋ</i> 'он-сам свой панцирь' (Б62) <i>rabisninin</i> 'своих братьев' (Б17) <i>aqta kera battat</i> 'хорошего человека лоб' (Б39)
de	rə
<i>deqi'bba:taŋnaŋa</i> – 'к его тестям' (Б3) <i>deogdederil'i</i> 'из его уха' (Б36) <i>debulaŋdiŋa</i> 'на свои ноги' (Б42) <i>debis'ep</i> 'своего брата' (Б42) <i>debisninin</i> 'его братья' (Б17) <i>deh'nebi's'ep</i> 'его младший брат' (Б3) <i>deajeŋ holtisdi'jal'i</i> 'из своего большого живота' (Б50) <i>s'utn bi's'epde i</i> 'среднего брата имя' (Б2) <i>hane bi's'epde i</i> 'младшего брата имя' (Б2)	<i>rə qām</i> 'его стрелу' (Б35) <i>Bal'narəbattatbes'i-</i> 'в Бальнин лоб' (Б39)
də	d
<i>də qām</i> 'свою стрелу' (Б34)	<i>dbis'niminas'i</i> 'со своими братьями' (Б1) <i>d qām</i> 'его стрелу' (Б34) <i>d ogdas'i</i> 'своим ухом' (Б37)
	r
	<i>r hijbes'i</i> 'его живота вдоль' (Б29)
	re
	<i>rebisepdaŋa</i> 'своему брату' (Б48) <i>re bi's'epda'ŋa</i> 'своему брату' (Б55)
D женский/средний род 3-е л.	
<i>qamt kub'diŋa</i> 'на конец стрелы' (Б50) <i>bogde tkūp</i> 'конец уха' (Б45)	<i>qaməŋdul'i'destaŋdi'ŋel'i</i> 'от ушковых стрел' (Б59)
Na (множественное число 3-е л. для одушевленных)	
na	ne
<i>nabis'ep</i> 'их брат' (Б17) <i>naqoŋ</i> 'их облик' (Б17) <i>na bis'ep</i> 'их брата' (Б64) <i>na qimen</i> 'их жен' (Б65) <i>na kadasi</i> 'с их детьми' (Б65) <i>nabis'epda'a:t</i> 'за своим братом' (Б63)	<i>nesie'n</i> 'их оленей' (Б65) nə <i>nəne'e</i> 'своего (их) зятя' (Б41) n <i>nasln</i> 'свои лыжи' (Б51)

Именные possessивные конструкции образуются в кетском языке по следующим моделям:

POSS.PRON + N (притяжательное местоимение + существительное),

N-POSS.GL + N (существительное-клитика + существительное),

POSS.CL + N (клитика + существительное).

Самая маленькая по численности группа, пять конструкций, – с притяжательными местоимениями (модель **POSS.PRON + N**):

(6) *bu're qām*
'его стрела' (Б34)

(7) *bu're bis'nimin*
'ее братья' (Б22)

- (8) *buŋna* *bis'ep*
 'их' брата' (Б9)

В качестве притяжательных местоимений в кетском языке используются формы родительного падежа личных местоимений: *bu-da* (он/она-POSS.CL.M) 'его', *bu-di* (он/она-POSS.CL.F) 'ее', *bu-ŋ-na* (он/она-PL-POSS.CL.PL.ANIM) 'их'. Как видно из структурного анализа, притяжательные местоимения маркируются посессивными клитиками таким образом, что противопоставляются друг другу по числу и роду. Однако в примерах (6, 7) используемые алломорфы нейтрализуют данную оппозицию, и вне контекста невозможно определить род посессора. Конструкции данной модели (6–8) относятся к зависимостному типу маркирования (**POSS.PRON** +N = посессор в притяжательной форме + неоформленное обладаемое).

Конструкции с родительным падежом (модель **N-POSS.GL** + N) тоже нечасто встречаются в тексте «Бальна», их насчитывается всего 7, причем с маркером множественного числа *na* конструкций в тексте не встретилось.

- (9) *qam-t* *kub-'diŋa*
 стрела-**POSS.INAN** конец-DAT
 'на конец стрелы' (Б50)
- (10) *Bal'na* *rə* *battat-bes'*
 Бальна **POSS.M** лицо-PROLAT
 'в Бальнин лоб' (Б39)
- (11) *qam-əŋ* *d-uli'des-taŋ-di'ŋel'*
 стрела-PL **POSS.PL.INAN**-капля-PL-ABL.INAN
 'от ушков стрел' (Б59)

В конструкциях данной модели встречается вершинное маркирование в одном случае (11), зависимостное маркирование в четырех примерах, как в (9), и в двух случаях, как в примере (10), определить тип маркирования только по фонетической записи из-за отсутствия аудиофайла не представляется возможным.

Самое большое число посессивных конструкций (44 из 56) образуются по модели **POSS.CL** + N. В данное число не попали конструкции с посессором женского рода, такую ситуацию можно объяснить тем, что героями в тексте «Бальна» являются лица мужского пола.

- (12) *na* *kad-as'*
POSS.PL.ANIM дети-COM
 'с их детьми' (Б65)
- (13) *da* *qim*
POSS.M жена
 'его жена' (Б18)
- (14) *n-asl-n*
POSS.PL.ANIM-лыжа-PL
 'свои лыжи' (Б51)

Как уже было отмечено выше, форманты *da*, *d*, *na* имеют более самостоятельный статус, чем суффиксы или префиксы. Они могут присоединяться к следующему за ними обладаемому (14), примыкать к предшествующему посессору (9), в атрибутивной конструкции стоять перед определением (15, 16).

- (15) *de* *hane* *bi'siep*
POSS.M маленький брат
 'его младший брат' (Б3)
- (16) *de* *ajeŋ* *hol'tis* *di'ŋal'*
POSS.M болезнь живот ABL.INAN
 'из своего больного живота' (Б50)

Определить тип маркирования в конструкциях из текста «Бальна», образующихся по модели **POSS.CL + N**, представляется проблематичным, поскольку отсутствует аудиозапись данного текста, и мы можем ориентироваться только на фонетическую запись, сделанную А. П. Дульзоном. Однозначно в пользу вершинного маркирования решается вопрос для примера (13), где слитное написание указывает на примыкание клитики к обладаемому. В остальных случаях (табл. 2) интерпретировать исследуемые посессивные конструкции можно двумя способами. Первое – предположить, что клитики примыкают к обладаемому и, следовательно, относятся к конструкциям с вершинным типом маркирования. Второе – считать *da*, *d*, *na* в данной модели (**POSS.CL + N**) сокращенными формами от личных местоимений *buda* ‘его’, *bud (i)* ‘ее’, *buŋna* ‘их’ и определить тип маркирования как зависимостный, как в конструкциях с притяжательными местоимениями (6–8).

Прояснить ситуацию с определением типа маркирования в именных посессивных конструкциях, возможно, получится при обработке большего объема материала, что и планируется сделать в дальнейшем исследовании. Однако отсутствие аудиозаписей к текстам может помешать сделать окончательные выводы.

Все же на данном этапе исследования мы возьмем на себя смелость выдвинуть следующую гипотезу (поскольку мы не сомневаемся в достоверности фонетической записи текстов, которая была сделана А. П. Дульзоном) о том, что, предположительно, на данном срезе мы имеем дело с процессом незавершенной грамматикализации, когда притяжательные местоимения от самостоятельного служебного слова переходят в клитику и в дальнейшем развиваются в префикс. То обстоятельство, что префиксация в кетском языке свойственна глагольной, но не именной парадигме, как нам представляется, свидетельствует в пользу нашей гипотезы.

В конце статьи хотелось бы отметить функции клитик *da*, *d*, *na*, которые выходят за пределы категории посессивности, а именно маркирование послеложных конструкций.

Всего в тексте встречается четыре таких конструкции, они образуются по моделям:

PRON-CL + PSTP (местоимение-клитика + послелог),

N+ CL-PSTP (существительное + клитика-послелог).

Одна конструкция образуется по модели **PRON-POSS.CL + PSTP**:

- (17) *buŋ-na* *ku 'bbes'*
они-**POSS.CL.PL.ANIM** *вперед*
‘вперед них’ (Б10).

В кетском языке послеложная группа часто маркируется посредством посессивных клитик, в данной конструкции с местоимением (17) наблюдается зависимостное маркирование (послелог является вершинной группы).

Три конструкции представляют модель **N+CL-PSTP**:

- (18) *na* *bis'ep* *da-ʔa:t*
их брат/сестра **POSS.M-за**
‘за своим братом’ (Б63)
- (19) *bu 'rə* *oŋ 'nas'* *t-hittiya*
его постель **POSS.INAN-под**
‘под его постелью’ (Б16)
- (20) *oŋ 'nas'* *d-λ: tka*
постель **POSS.INAN-на**
‘на постели’ (Б13)

В послеложной группе с зависимым существительным (18–20) маркирование – вершинное, так как клитики присоединяются к вершине группы, к послелогу³.

³ В статье (Которова, Нефедов, 2006: 48–49) подобные послеложные группы описываются как конструкции с зависимостным маркированием.

Выводы

В кетском языке широко распространены именные посессивные конструкции с клитиками *da, d, na* в тексте объемом в 66 предложений такие конструкции встречаются 56 раз. Данные клитики представлены в тексте следующими алломорфами: **buda** 'его': *bu're, bu'rə*; **budi** 'ее': *bu're*; **буҥна** 'их': *буҥна, буҥ'на*; **da** м. р. ед. ч.: *da, ra, de, re, də, rə, d, r*; **d** ж. р. / с. р. ед. ч.: *d, t*; **na** мн. ч.: *na, ne, nə, n*.

Структуру именных посессивных конструкций можно представить моделями:

POSS.PRON + N (притяжательное местоимение + существительное),

N-POSS.GL + N (существительное-клитика + существительное),

POSS.CL + N (клитика + существительное).

Самая распространенная модель – **POSS.CL + N** (44 посессивных конструкции из 56).

Однозначно решается вопрос о типе маркирования только в посессивных конструкциях, которые образуются по модели **POSS.PRON + N**, оно является зависимостным – посессор (местоимение) стоит в притяжательной форме, обладаемое (имя существительное) остается неоформленным.

Проблемы с выявлением типа маркирования в посессивных конструкциях, образующихся по моделям **N-POSS.GL + N**, **POSS.CL + N**, планируется решить в дальнейших исследованиях. Возможно, затруднения связаны с недостаточным объемом материала и/или незавершенным процессом грамматикализации на данном срезе языка.

Список литературы

Валл М. Н., Канакин И. А. Категории имени в кетском языке. Новосибирск: Наука, 1985. 56 с.

Валл М. Н., Канакин И. А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск: Наука, 1990. 101 с.

Которова Е. Г., Нефедов А. В. Типологические характеристики кетского языка: вершинное или зависимостное маркирование? // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 43–56.

Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. 328 p.

Vajda E. J. Ket. INCOM EUROPA, 2004. 99 p.

Vajda E. J. Vestigial possessive morphology in Na-Dene and Yeniseian // Working Papers in Athabaskan (Dene) Languages 2012. Alaska Native Language Center Working Papers, eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks. AK: ANLC. 2013. No. 11. Pp. 9–91.

Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 405 S.

Список условных сокращений и обозначений

Б – текст «Бальна»; ГР – текст «Головы рыб человеку прочь бросать не следует»; ABL – ablative, исходный падеж; ANIM – animate, одушевленный; CL – clitic, клитика; COM – comitative, совместный падеж; DAT – dative, дательный падеж; INAN – inanimate, неодушевленный; M – masculine, мужской род; N – noun, существительное; PL – plural, множественное число; POSS – possessive, посессив; POSS.PRON – possessive pronoun, притяжательное местоимение; PSTP – postposition, послелог; PRON – pronoun, местоимение; PROLAT – prolativ, продольный падеж.

Крюкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2015.

Kryukova E. A.

POSSESSIVE NOUN CONSTRUCTIONS IN KET

When describing Ket grammar, a scientist faces a range of controversial linguistic phenomena. It refers to possessive constructions: both noun and predicative possessive constructions. Here are some questions that are being discussed in Ket language studies: how to define the status of the indicator *da/d(i)* in a noun paradigm, is it a Genitive case suffix or a marker of possession, is *da/d(i)* a single form for expressing possession or two homonymous forms (Genitive case suffix and possessive suffix), is the indicator *da/d(i)* a morphological element or a syntactic word?

Noun and attributive possessive constructions in Ket have been a topic of a number of studies that open the subject of a possessive category to a certain extent. These are Ket grammar books and articles of Russian (Vall, Kanakin, 1985: 44–46; Vall, Kanakin, 1990: 70–73, 75) and foreign scientists (Georg, 2007: 107–108, 119–120, 165–166;

Vajda, 2004: 21–23; Werner, 1997: 104–119, 134–136). Also there is a typological work that discusses possessive constructions in detail (Kotorova, Nefedov, 2006) and a comparative work that considers predicative possessive constructions in Yenisei and Athabaskan languages (Vajda, 2013).

This research aims at methodology approbation for describing noun possessive constructions in Ket. The research is based on an empirical method that allows to describe the current language functioning and a quantitative method that strengthens the evidence base and validity of obtained results.

Key words: *Ket, possessive noun constructions, possessive pronouns, possessive clitics, dependent marking, head marking.*

References

- Vall M. N., Kanakin I. A. *Kategorii imeni v ketskom yazyke* [Noun Categories in Ket]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 56 p. (in Russian).
- Vall M. N., Kanakin I. A. *Ocherk po fonologii i grammatike ketskogo yazyka* [Sketches of Ket phonology and grammar]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 101 p. (in Russian).
- Kotorova E. G., Nefedov A. V. Tipologicheskiye kharakteristiki ketskogo jazyka: vershinnoe ili zavisimostnoe markirovanie? [Typological characteristics of Ket: head-or dependent-marking?]. *Voprosy yazykoznaviya – Problems of Linguistics*, 2006, no. 5, pp. 43–56 (in Russian).
- Georg S. *A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak)*. GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. 328 p.
- Vajda E. J. *Ket*. LINCOM EUROPA, 2004. 99 p.
- Vajda E. J. Vestigial possessive morphology in Na-Dene and Yeniseian. *Working papers in Athabaskan (Dene) Languages*. 2012. Alaska Native Language Center Working Papers, eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks. AK: ANLC, 2013. No. 11. Pp. 9–91.
- Werner H. *Die ketische Sprache*. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3). Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997. 405 S.

Kryukova E. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

Чудова Т. И.

ЛОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ПИТАНИЯ ВЫМСКИХ КОМИ

Представлено этнографическое описание народной пищи вымских коми, отражающее особенности субэтнического и религиозного характера. Экологическая среда и хозяйственная деятельность предопределили зерново-мясомолочный тип питания с сохранением доли промысловой продукции. Основу питания составляли крупяные похлебки и каши, что отразилось в собирательном названии еды «суп-каша». Богатством и разнообразием отличались хлебобулочные изделия. Мясомолочные и рыбные блюда не часто появлялись на столе, что было связано с практикой соблюдения христианских постов, число которых насчитывалось свыше 200 дней в году. Дикоросы обеспечивали витаминами, вносили разнообразие в рацион питания.

Ключевые слова: коми (зыряне), вымские коми, продуктивное сырье, традиционные блюда.

В ходе исторического развития у каждого этноса складывалась определенная модель питания, отражающая способ адаптации к среде обитания, и формировался адаптивный тип людей, обладающих специфическими морфологическими и физиологическими особенностями организма. Локальная традиция культуры питания, экологически обусловленная и культурно адаптированная, представляет собой закреплённые в коллективной памяти стереотипы кулинарных практик, вектор традиций которых направлен из прошлого в будущее.

Этнографы выделяют восемь этнографических групп коми (зырян), которые характеризуются региональными отличиями отдельных элементов традиционной культуры и языка. Причиной формирования отличий была известная обособленность, вызванная как замкнутостью территориальных общин, так и бездорожьем (Конаков, 2004: 57). Вымская этнографическая группа коми (зырян) сложилась в течение XV–XVI вв., а ее специфика складывалась в результате взаимодействия двух факторов: наличия устойчивого постоянного ядра и прилива смешанных (русско-пермских, вепско-пермских) и мононациональных (русских) мигрантов (Жеребцов, 1982: 89–90).

Актуальность темы обусловлена проблемой сохранения здоровья нации, которое в немалой степени зависит и от знаний о локальной пищевой модели, так как массовое потребление несовместимых с местной диетальной традицией продуктов нарушает законы гигиены питания, в том числе и закона ферментативной адекватности, что приводит к ослаблению иммунитета человека (Колчина, Куликова, 2010).

Специальная литература, посвященная изучению локальной традиции питания вымских коми, отсутствует. В фундаментальной работе, посвященной народной культуре коми, В. Н. Белицер посвятила отдельный очерк характеристике продуктового сырья, традиционных блюд, технологии их приготовления и потребления двух народов коми (зырян и пермяков) (Белицер, 1958: 224–240). Культура питания коми (зырян) в целом дана в монографии автора данной статьи (Чудова, 2009). Сбор полевого материала среди вымских коми и его последующий анализ позволили студентам-историкам расширить библиографический список литературы по теме питания вымских коми (Колегов, 2009; Селькова, 2003). Обращение к теме традиционной системы питания зырян в целом и характеристика отдельных сюжетов о пище вымских коми в частности не позволяют представить целостную картину особенностей питания субэтнического и религиозного характера.

Цель работы – охарактеризовать продуктовый набор и традиционные блюда вымской кухни.

Хронологические рамки исследования определены первой половиной XX в. как время устойчивого сохранения традиционной системы питания. Изучение этого хронологического периода надежно обеспечено источниками. Основу источниковой базы составляют полевые материалы, собранные в 2003 г. студентами-историками в ходе этнографической практики в Княжпогостском районе Республики Коми, территории компактного проживания вымских коми, под руководством автора статьи. Этнографические материалы вошли составной частью в фонд «Традиционная система питания коми (зырян)» научного архива музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Научный архив...).

Для вымичей, как и для других этнографических групп коми, характерно трехразовое питание. Первый прием пищи происходил рано утром, в 5–6 часов утра, назывался «обед». Обед (паужин) был в 12–13 часов дня, третий прием пищи (ужин) приурочивался к 16–17 часам. Подача горячей пищи была обя-

зательной при каждом приеме. Пища готовилась в русской печи рано утром и оставалась там до вечера, что позволяло подавать пищу горячей при каждом приеме. Наличие русской печи предопределило технологические приемы приготовления пищи: выпекание, варка, тушение, пряжение. Жарение трудно выполнимо в русской духовой печи, хотя в лексическом составе языка коми имеются два слова, определяющие этот технологический тип – «пражитны» и «жаритны». Первое наиболее адекватно передает технологический процесс. Слово «пражитны» заимствовано из русского языка, где «пряжение» означало древний вид жарения в русской кухне, возникший в XV – начале XVI в., а жарение в современном виде стало применяться на столетие позже (Похлебкин, 2003: 57).

Для вымичей были характерны общие правила застольного этикета: «кӧзяиныс ен пельӧс улын пукаліс, челядьыс круӧм, кӧзьяйкаыс пач дорӧ матӧджык, мамыс вӧлі вайӧ [сӕян], кӧзьяиныс шӧралӧ [нянь]» (хозяин в красном углу сидит, дети кругом, хозяйка ближе к печи, мама приносила [еду], хозяин нарезал [хлеб]) (Научный архив..., Д. 213 (а)); «гӧстясӧд кӧ вӧліны, челядьыд эз пуквны, найӧ асьныс сӕйӧны бӧрас» (когда приходят гости, то дети не садятся за стол, они отдельно едят); «шыдсӧ первойӧн вайӧны» (суп первым подавали); «яйсӧ шырӧ кӧзьяин кык пуртӧн» (мясо нарезал хозяин двумя ножами) (Научный архив..., Д. 215 (а)); «бать ли дед ли первойӧ лӧжкӧс паньыштас, мӧдасны сӕйны» (отец ли, дед ли первую ложку брал, после кушать станут) (Научный архив..., Д. 208 (а)). Ежедневное меню составляли супы, каши, выпечка и напитки: «шыд ваясны, а бӧрти рок да чериньян да кисель» (суп принесут, потом кашу да рыбник да кисель) (Научный архив..., Д. 215 (а)). Вымские коми долго сохраняли практику соблюдения христианских постов, когда в меню не включали мясомолочные и рыбные блюда, среда и пятница рассматривались как постные дни: «важӧн пост дырйи йӧлтӧ эз сӕйны, но дзӧлястӧ вердӧсны, яйтӧ эз жӧ сӕйны» (раньше в пост молочное не ели, но маленьких кормили, мясо тоже не ели) (Научный архив..., Д. 212 (а)); «кос лун соблюдайтӧны» (пост соблюдали) (Научный архив..., Д. 215 (а)); «серед, пекнич – эн готовит мясной блюдо» (среда, пятница – не готовь мясные блюда) (Научный архив..., Д. 200 (а)).

Основу питания вымских коми составляли зерновые культуры, что отразилось в собирательном названии еды «шыд-рок» (букв. суп-каша). Готовили различные каши, разнообразие вносилось за счет разных способов приготовления и использования дополнительных ингредиентов. По мнению известного знатока истории кулинарного искусства В. В. Похлебкина, потребление каш на севере Европы у всех народов вызвано своеобразием климатических условий и естественно (Похлебкин, 2002: 129–130). Для кухни коми в целом характерны два способа приготовления каш – заварно-распаренный и распаренный. Заварно-распаренные каши готовят из муки. Вначале заваривают ячменную муку, интенсивно помешивая, затем ставят в печь, чтобы каша распарилась. Фактически здесь наблюдается смешение двух способов приготовления каши, первый из которых (заваривание) первоначально был связан с открытым огнем, а второй (распаривание) – с русской духовой печью. К такой жидкой кашнице, называемой «ляти», подают сусло (чужва), квас (ырош), молоко (йӧл), сметану (нӧк), масло сливочное (вый). К заварно-распаренным кашам относится и каша из толокна (тӕська ляти, мутш), ее готовят преимущественно в дни поста. Для вымской кухни была характерна кашница из поджаренной муки (дзижа рок), которую готовили в полевых условиях на сенокосе. Для ее приготовления ячменную муку обжаривали в большом количестве сливочного масла до красноватого цвета, затем добавляли воду. По составным ингредиентам и месту приготовления эта каша аналогична русскому саламату. В меню входили и сладкие каши (ляз), которые готовили из сложенного теста (юм, букв. сладкое) с добавлением ягод: «юмас пувсӧ гудраланы, ляз лоо» (бруснику смешают с солодяным тестом, ляз получается) (Научный архив..., Д. 200 (а)), «кос льӧм изасны да юмнас гудраласны да зӕв чӧскид лоо» (сушеную черемуху размелют, смешают с сложенным тестом да очень вкусно получается) (Научный архив..., Д. 214 (а)). Каши из крупы готовили распаренным способом в русской печи, технологически это оптимальный способ приготовления крупяных каш (рок), так как в глиняном горшке в духовой печи крупа хорошо распаривается и получается рассыпчатой. К каше в скоромные дни подают молоко (йӧла рок), добавляют масло (выя рок), сметану (нӧкья рок) или сало (тшӧга рок). К распаренным кашам относится и кутья (куття), каша ритуально-поминального стола. Из покупных круп особой популярностью пользовалось пшено: «пшена панол век вӧлі вузалӧны» (пшено всегда продавали) (Научный архив..., Д. 215 (а)). В полевых условиях готовили кашу (кӧдӕя рок) из сдобных лепешек (нӧкья кӧдӕй), которые крошили и заваривали в котелке, получая сытную кашницу.

Известны также крупяные (шыдӧса шыд) и мучные (нурья шыд) похлебки. По технологии приготовления они аналогичны распаренным кашам, отличие наблюдается лишь в консистенции блюда, они не очень густые. В данном контексте интерес представляет то, что слово «шыд» в общепермской основе означает 'кашица, каша, мучной суп' (Лыткин, Гуляев, 1999: 325). Очень часто в крупяную похлебку добавляли рассол борщевика сибирского, что придавало блюду приятную кислинку. Это нашло отражение

в ее названиях «шома шыд» (букв. кислый суп) или «азя шыд» (азь – борщевик сибирский). В скоромные дни этот суп заправляли сметаной.

Для вымичей характерны мучные кисели, которые готовили из зерен ячменя с добавлением овса: «сэтчö пуктöны ид и зөр, сэсь вöчöны шома кисель» (туда кладут ячмень и овес, из этого кислый кисель делают) (Научный архив..., Д. 200 (а)). Мучной кисель густой, его ели ложками, к нему подавали молоко, конопляное масло или сусло.

Выпекали ржаной хлеб круглой формы (рудзög нянь) из опарного теста, которое сбраживалось на основе закваски (рокöс, шоммöччан): «кор нянтö пöжалан, кольö тестосö, лöжка-мöд, мöд луннас сэтчö и тестосö вöчан» (когда хлеб выпекаешь, остается тесто, ложка-другая, на следующий день туда и тесто замесишь) (Научный архив..., Д. 210 (а)). Закваску время от времени обновляли, для этого «картупельсö пуасны да нырасны, сэтчö пызь пуктöны, шоммö, сийöн и пöжасьöны» (картофель сварят да помнут, туда муку положат, сквасится, на этом и выпекают) (Научный архив..., Д. 208 (а)). Хлеб выпекали на два-три дня на поду печи: «тупöся нянтö 2–3 лун вылö тырмö» (хлеб на 2–3 дня хватало) (Научный архив..., Д. 210 (а)), «куш кирпич вылан пöжалан» (на кирпичках выпекаешь) (Научный архив..., Д. 211 (а)). Ковригу хлеба определяли как «нянь кöрыш», а хлеб небольших размеров – «тупöсь». Из ржаной муки выпекали хлебец с картофельной начинкой или смазанной сверху сметаной (рудзöга налэвушка). Из ячневой муки выпекали пресный (игнянь) или сдобный (нöкья кöдэй) хлебцы. Иногда их выпекали на капустном листе, что придавало особый привкус и отразилось в названии «корвыы» (букв. на листе). Основу двухслойного пирога овально-удлиненной формы составлял сочень из ржаного теста, а сверху клали тесто из ячменной муки: «ку вöли каран да ку вылö лöдан, ид пызьысь лöдан» (корку сделаешь да на корку кладешь, из ячменной муки [тесто] кладешь) (Научный архив..., Д. 211 (а)). Интерес представляет способ потребления хлебобулочных изделий: «рудзög нянь чинталасны, пирогсö чеглялöмön сеян» (ржаной хлеб разрезали, пирог ели, отламывая) (Научный архив..., Д. 210 (а)). Такая практика диктуется технологическими особенностями приготовления теста, хлеб из дрожжевого теста при разламывании крошится, а из безопарного нет. Сочни для шанег готовили из ржаного безопарного теста: «шаньга вылад оз ков шома теста» (на шанги не нужно кислое тесто) (Научный архив..., Д. 214 (а)); «рудзög пызьысь вöсньöдалан, дорсö лэптыштан, сэтчö и лöдалан, шаньга шусьö» (из ржаной муки тонкий сочень сделаешь, край чуть приподнимешь, туда и положишь [начинку], шаньгами называются) (Научный архив..., Д. 210 (а)). Использовали различную начинку, что отразилось в названии шанег: крупа мелкого помола (панола шаньга), мука (лятия шаньга), картофельное пюре (картопэля шаньга), творог (рыся шаньга), конопляное семе (контуся шаньга), брусника (пувья шаньга), черники (чöдья шаньга), сложеное тесто (юмья шаньга). Любимыми шаньгами были шанги с крупяной: «поналсö гудралан выльлö да лöдан» (крупу замешаешь на простокваше и сверху положишь) (Научный архив..., Д. 212 (а)) или мучной начинкой. Иногда в качестве начинки для шанег использовали мелкую рыбку: «ёс кö шедö и сысь вöчöны еска шаньга» (если мелкую рыбку поймают, из нее шанги делают) (Научный архив..., Д. 214 (а)). Сочни отдельно выпекали из остатков теста, приготовленного для шанег, когда заканчивалась начинка: «куыс кольö, шаньга-тö ли мыйли пöжалан» (корка остается, когда шанги или другое выпекаешь) (Научный архив..., Д. 213 (а)). Их быстро выпекали у устья печи, они были хрустящими. В дни поста выпекали картофельные сочни (картопеля кöдэй) из картофельного пюре, смешанного с ячменной мукой: «картупель нырасны, пызьöн гударасны, сэсья и пöдалöны, зэв чöскыд» (картофель разомнут, смешают с мукой, потом и выпекают на поду, очень вкусно) (Научный архив..., Д. 218 (а)). Из ячменной муки, позднее из пшеничной, в жестяных формочках (рач) выпекали колобки (рачвыв), а блины выпекались по особым случаям или праздникам: «водзынсö ид пызьысь блин вöчöны праздник дырйи» (Научный архив..., Д. 200 (а)). Отсутствие постоянной практики приготовления блинов объясняется тем, что в русской печи технологический тип жарение трудно выполним. Для рыбников готовили безопарное тесто из ржаной муки с добавлением масла или простокваши, чтобы корочка мягкой была. Рыбу брали крупных размеров: хариус, щука, семга, нельма, свежую или соленую, предварительно вымочив в воде. У рыбы убирали жабры и чешую, хотя раньше ее не убирали, а голову оставляли (Научный архив..., Д. 200 (а)). Интересна практика подачи рыбника на стол: «чериняньсö пызан шöрас пуктылим, юрыс мед Ен пельöс мунö» (рыбник в центре стола клали, голова обращена в сторону красного угла) (Научный архив..., Д. 198 (а)). В дальнюю дорогу готовили из ячменной муки пироги с солью (сола пирог, згибник), так как соль не давала промерзнуть хлебцу. Всю выпечку, за исключением ржаного хлеба, смазывали сливочным маслом, а в пост, как правило, ничего, кроме хлеба, не пекли. Параллельное использование зерновых культур (рожь и ячмень), точно так же как сосуществование безопарного и дрожжевого теста, в хлебопечении фактически является показателем сбалансированного культурного полиморфизма, т. е. способности социума использовать ряд заложенных в общем фонде традиций существующих средств адаптации (Арутюнов, 1989: 227).

В обрядовой практике использовалось домашнее пиво (сур). В общих чертах процесс приготовления домашнего пива состоял из трех стадий: приготовление солода и сусла, получение готового продукта. Для солода (чуж) зерна ржи вымачивали, а затем проращивали, что повышало содержание ферментов, необходимых для сбраживания пива. Приготовление сусли (чужва) имело четыре этапа: помол солода, его затирование в воде, варка сусли и его фильтрация. Варка сусли имела две цели. С одной стороны, при варке сусли сгущалось, что придавало большую крепость, с другой стороны, кипячением удалялось значительное количество азотистых веществ, ухудшающих качество продукта. При фильтрации использовали солому, которая дополнительно снабжала сусли бродильными ферментами. Процесс получения готового пива проходил два этапа: брожение сусли (в традиционном пивоварении использовалось верховое брожение) и доводка пива до готовности. Когда процесс главного брожения успокаивался, тогда кадки с пивом плотно закрывали и ставили в прохладное место, чтобы сообщить пиву игру через накопление углекислого газа. Пиво без углекислого газа не имеет игры и быстро портится. Молодое пиво доходило в бочонках, спускаемых в погреб. Пиво использовалось как ритуальный напиток: «праздник дырйи юоны, сур зэв чёскыд, сйён он коддзы» (во время праздника пили, сур очень вкусный, с него не опьянеешь), а квас (ырош) готовили из остатков сусли: «мый кольё, сэсь бара ырош вёчоны» (Научный архив..., Д. 200 (а)). Он хорошо утоляет жажду, его используют для приготовления холодных похлебок.

Овощная составляющая рациона питания представлена капустой, брюквой (галанка), репой (сёркни), редькой (родка). Капусту солили, предварительно разрезав и отварив, для вкуса и аромата добавляли ветки черной смородины: «сёд сэтёр пукталан да нинём» ([ветки] черной смородины положишь и ничего больше) (Научный архив..., Д. 215 (а)). Подавали капусту в начале трапезы, из нее готовили салаты с отварным картофелем. Репу и брюкву ели в сыром виде, запекали в печи, получая сладкое блюдо (пареньча, галанка рок, пэчэнь), которое ели с молоком, маслом или сметаной, из них готовили начинку для пирогов. Пареную репу и брюкву сушили, а затем готовили прохладительный напиток (пареньча ва) или квас (пареньча ырош). Редьку ели с супом, натертую подавали с молоком.

Блюда из картофеля (картопель) долгое время не могли соперничать с блюдами из зерновых культур, но все же постепенно картофель стал занимать свою нишу: начинку для шанег стали готовить из картофельного пюре, крупяную и мучную заправку супов заменил картофель. Из картофеля делали крахмал (трахмал). Из технических культур в рацион питания включали толченое конопляное семя с сахаром (выйдём), похожее на халву: «гырйён тойоны, зэв чёскыд лоё» (в ступе толкут [конопляное семя], очень вкусно будет) (Научный архив..., Д. 202 (а)).

В рационе питания представлена мясная продукция. В мясном рационе зырян преобладала баранина, которая по химическому составу существенно не отличается от говядины, но менее жирная по сравнению со свиной. Основным мясным блюдом был бульон (шыд). Густой бульон заправляли ячневой крупой или мукой, заправка супов овощами и картофелем – явление позднего происхождения. Народное объяснение практики замены заправки бульона связывается с отсутствием в достаточном количестве мяса для приготовления насыщенного бульона. Мясо из бульона, нарезая, подавали как отдельное блюдо, а бульон ели с хлебом, репой, редькой. Реже фиксируется практика тушения мяса, что характерно для праздничных дней. Субпродукты тушили (пёжоны) в печи. Зимой мясо замораживали, а на лето его солили и сушили.

В рационе питания из молочных продуктов широко представлены творог (рысь), сметана (нёк), масло (вый), простокваша (выльлё), общее название молочной еды определяется как «йёла сёйёд» (букв. молочная еда). Молоко (ульлё, йё) использовали в пищу свежим или топленным (пёжём йё), пили чай с молоком. Творог имел разную номинацию: только что вынутый из печи назывался «пым рысь» (букв. горячий творог), свежий – «рыся йё», хранимый в леднике – «шома рысь» (букв. кислый творог). В скоромные дни творог ели, добавляя свежее молоко (ульлё рысь) или сметану (нёкья рысь). На Пасху готовили творожные шарики, похожие на яйца «кос рысь»: «рысьсё чукёртасны уна, сэтчэ пуктёны уна нёк..., вёчоны колькысь ыджыдджык, гёррөс..., пачас суйёны и пёжасьё» (творог соберут много, туда кладут много сметаны..., делают [шарики] больше яйца, круглые..., в печь кладут и выпекают) (Научный архив..., Д. 200 (а)). Сыровотку из-под творога (йёова) использовали при замесе теста, пили как прохладительный напиток. «Молоко закваситься – простокваша будет, с нее сметану соберешь» (Научный архив..., Д. 215 (а)). Из молозива (выль мёска йё) готовили творожную запеканку (выль мёска рысь). В пищу главным образом использовали топленное масло (сөдз вай), оно дольше хранится. Вытопки масла (вай нир) использовали при замесе теста.

В меню представлен богатый рыбный ассортимент: семга (лель, вай чери), сиг (кэбёс), хариус (ком), щука (сир), окунь (ёкыш), елец (мык), карась (гыч), плотва (кельчи), лещ (ёди) и др. Из рыбы готовили уху (черива), ее тушили, солили и сушили. Уху (черива, букв. рыба вода) готовили из свежей рыбы, зна-

чительно реже фиксируется варка ухи из соленой рыбы. Особый привкус ухе придавали головы, плавники, хвосты, кости и кожа, поэтому их не убирала. Рыбную икру, если ее было немного, варили вместе с рыбой. Сваренную рыбу подавали как самостоятельное блюдо, а рыбный бульон заправляли мукой или крупой, и то в небольшом количестве. Кроме соли в уху ничего не добавляли, полагая, что приправы только ухудшают вкус и рыбы, и рыбного бульона. Рыбу тушили в печи в глиняных лотках, залив сметаной или молоком: «йёлон жаритлім» (Научный архив..., Д. 209 (а)). Такой способ приготовления позволял любую рыбу сделать нежной на вкус. При засолке рыбы жабры убирала, а чешую нет, поскольку рыба так лучше сохранялась. Красную и белую рыбу солили отдельно, а серую – всю вместе. На промысле рыбу запекали на костре (пёжас чери).

В рацион питания входила и дичь. Особь дичи различалась по полу и возрасту и имела разную номинацию. Так, молодого глухаря называют «вийёр», старого – «чукчи», самку глухаря – «дозмёр», молодого тетерева – «тар», а старого – «сьод тар», тетерку – «контар» и др. Фиксируемый у других этнографических групп коми запрет на потребление зайчатины у вымских коми не отмечается. Отношение к медвежатины двойственное: одни не включали ее в рацион питания: «ошяйтё оз кыйны» (медведей не ловили) (Научный архив..., Д. 215 (а)), другие рассматривали мясо медведя деликатесом: «оштё вёлі тушитёны пачас» (медвежатину тушили в печи) (Научный архив..., Д. 200 (а)). Из лосятины (лола яй) готовили супы, а филе пряжили/тушили в печи. Из лесной птицы готовили суп, раньше большую птицу варили целиком: «пёткасё вёлі дзоньнас ваясны, сёйигас шырё кёзяин» (птицу целиком подавали, когда ели, хозяин резал на части) (Научный архив..., Д. 194 (а)), сейчас разделяют на части. При варке боровую птицу клали целиком с когтистыми лапами, которые с удовольствием обглаживали, так как они имеют специфический вкус. В бульон раньше можно было класть только крупу, картофель не клали, иначе бульон и дичь потеряют вкус, а при варке супа из баранины или телятины можно было класть капусту и картошку (Научный архив..., Д. 214 (а)). При опаливании лесной птицы говорили следующую фразу: «Чишки-парышки, пёльтчы да ыджыд ло» (Опались-парышки (непереводимое), раздуйся да большой стань). Дичь не засаливали, а хранили в перьях на леднике.

Дикоросы охотно включали в рацион питания. Собирали в большом количестве ягоды: черника (чёд), брусника (пув), морошка (мырпом), клюква (турипув) и др. Чернику и бруснику подавали с молоком, сметаной. На длительное хранение клюкву замораживали, морошку и бруснику заливали холодной кипяченой водой, бруснику дополнительно пряжили в печи, так она могла долго храниться без сахара. Для детей готовили кашицы с брусникой, когда ягоды смешивали с толокном, реже ржаной мукой, подавали такое блюдо без термической обработки. Из клюквы с добавлением крахмала готовили кисель, он был густым, ели его ложкой. Из дикорастущих трав собирали щавель, его клали в суп, на зиму его не заготавливали. Борщевик сибирский (азь гум) на зиму засаливали как капусту (Научный архив..., Д. 215 (а)). Дикую морковь (гёнюш) дети весной ели как лакомство, из нее готовили начинку для пирогов (гёнюша пирёг).

Грибы: белый (гоб), красноголик (ёшка), сыроежка (урка), груздь (ельдёг), масленок (масьта), путник (ньыыка), волнушки (гёнадор) солили и сушили. Грибной суп (тшак шыд) готовили из сухих грибов, добавляли картофель или крупу, готовый суп в скоромные дни обильно сдабривали сметаной. Соленые грибы подавали с отварным картофелем, сдабривали сметаной: «нёк кисьган вылысас» (сметану сверху нальешь), редко маслом: «тёкётё кёнтусь выйён, выяс колё вёлі деньга» (немножко конопляным маслом, на масло нужны были деньги) (Научный архив..., Д. 200 (а)). Сухие грибы шли на начинку пирогов, их, предварительно вымочив в молоке, тушили со сметаной в печи, но это поздняя практика.

Таким образом, комплексная хозяйственная стратегия вымских коми, сочетающая производящие и присваивающие формы, позволяла подавать на стол блюда из зерна, мяса, дичи, рыбы, овощей и дикоросов. Значительный сегмент рациона питания занимали зерновые культуры, из которых готовили различные хлебобулочные изделия, каши, похлебки, кисели и напитки. Православные каноны предписывали соблюдение постов, которых в году насчитывалось более 200 дней, поэтому ассортимент мясомолочных и рыбных блюд не отличался разнообразием, однако собирательное название еды, означающее сытую жизнь, определялось как «чериён-йён овны» (букв. с рыбой-мясом жить). Дикоросы обеспечивали витаминную составляющую питания и вносили разнообразие в ежедневное меню. В целом для вымских коми характерно горячее питание, а меню было сбалансированным.

Список литературы

- Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 392 с.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. М.: Наука, 1982. 223 с.
- Колегов А. А. Технология приготовления домашнего пива (сур) у вымьчей // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Т. VI. Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 157–158.
- Колчина Е. В., Куликова Е. А. Традиционная пищевая модель и современные предпочтения // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: материалы IX Санкт-Петербургских этнограф. чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. С. 93–97.
- Конаков Н. Д. Этнографические группы народа // Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре народа / под ред. Н. Д. Конакова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 57–64.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
- Научный архив музея археологии и этнографии Сыктывкарского университета имени Питирима Сорокина. Ф. 14 (Э). «Традиционная система питания коми (зырян)».
- Похлебкин В. В. Из истории русской кулинарной культуры: классики кулинарного искусства. М.: Центрполиграф, 2002. 540 с.
- Похлебкин В. В. Большая энциклопедия кулинарного искусства. Все рецепты В. В. Похлебкина. М.: Центрполиграф, 2003. 975 с.
- Селькова М. М. К теще на блины // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Т. VI. Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 161–162.
- Чудова Т. И. Культура питания коми (зырян). Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. ун-та, 2009. 204 с.

Чудова Т. И., кандидат исторических наук, доцент.

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина.

Пр. Октябрьский, 55, Сыктывкар, Россия, 167001.

E-mail: ChudovX@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19 октября 2015.

Chudova T. I.

LOCAL TRADITION OF FOOD VYMSKIKH KOMI

The ethnographic description of national food the Komi's vymskikh reflecting features of subethnic and religious character is presented in article. Ecological habit and economic activity predetermined grain and meat and dairy type of food with preservation of a share of trade production. In a grocery set three layers determined by time of inclusion in a food allowance are emitted. The main layer is presented by grain and vegetable crops, meat and a game, dairy and fish products. The basis of food was made by groat soups and porridges that were reflected in the collective name of food "soup porridge". Bakery products differed in wealth and a variety. The everyday menu, except grain crops, included meat and dairy, fish dishes and a game, with small inclusions of vegetables and wild plants that testifies to the balanced food. Though meat and dairy and fish dishes not often appeared on a table that was connected with practice of observance of Christian posts which number reached over 200 days in a year. However the collective name of food meaning full life was defined how "with fish meat to live". Substratny layer reflects earlier existing system of economy and is presented by wild plants which provided a vitamin component of a food allowance and brought a variety the menu. Last in time layer is connected with trade development, purchased products compensated for the deficiency of grocery raw materials. For the vymskikh of the Komi the thrice hot meals that were provided with existence by the Russian wind furnace were characteristic. The food was cooked in the Russian furnace early in the morning and remained there till the evening that allowed giving food hot at each reception. The balanced menu, is hotter than food and observance of the mode of meal acted as pledge of preservation of health.

Key words: *Komi (Zyrians), vymsky Komi, grocery raw materials, traditional dishes.*

Reference

- Konakov N. D. Etnograficheskie gruppy naroda [The Ethnographic Groups of the People]. *Zyryanskij mir. Oчерki o tradicionnoj kulture naroda*. Pod red. N. D. Konakova. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2004. Pp. 57–64.
- Zherebcov L. N. *Istoriko-kulturnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami. X – nachalo XX v.* [The Historical and Cultural Connections of Komi with the Neighboring Peoples. 10th century – the beginning of the 20th century] Moscow, Nauka Publ., 1982. 223 p.
- Kolchina E. V., Kulikova E. A. Tradicionnaya pishhevaya model i sovremennye predpochteniya [The Traditional Eating Model and Modern Eating Habits]. *Tradicionnoe hozyajstvo v sisteme kultury etnosa: materialy devyatyx Sankt-peterburgskix etnograficheskix chtenij*. St. Petersburg, IPC SPGUTD, 2010. s. 93–97.

- Belicer V. N. *Ocherki po etnografii narodov komi* [The Ethnographical Sketches of Komi]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1958. 392 p.
- Chudova T. I. *Kultura pitaniya komi (zyryan)* [The Komi Culture of Earing (Zyryan)]. Syktyvkar, Izd-vo Syktyvkarского университета Publ., 2009. 204 p.
- Kolegov A. A. *Texnologiya prigotovleniya domashnego piva (sur) u vymychej. Geologo-arxeologicheskie issledovaniya v timano-severouralskom regione* [The Technology of Making Home-made Beer (Sur) of Vymychi]. T. VI. Syktyvkar, Geoprint Publ., 2003. Pp. 157–158.
- Selkova M. M. *K teshhe na bliny* [Visiting the Mother-in-law to eat pancakes]. *Geologo-arxeologicheskie issledovaniya v timano-severouralskom regione*. T. VI. Syktyvkar, Geoprint Publ, 2003. Pp. 161–162.
- Nauchnyj arxiv muzeya arxeologii i etnografii Syktyvkarского университета imeni Pitirima Sorokina* [The Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of the Syktyvkar University of Sorokin]. F. 14 (e). «*Tradicionnaya sistema pitaniya komi (zyryan)*».
- Poxlebkina V. V. *Bolshaya enciklopediya kulinarnogo iskusstva. Vse recepty V. V. Poxlebkina* [A Large Encyclopedia of Culinary Art. All Recipes by Poxlebkina]. Moscow, Centropoligraf Publ., 2003. 975 p.
- Poxlebkina V. V. *Iz istorii russkoj kulinarnoj kultury: Klassiki kulinarnogo iskusstva* [On the History of the Russian Culinary Culture: Masters of Culinary Art]. Moscow, Centropoligraf Publ., 2002. 540 p.
- Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkij etimologicheskij slovar komi yazyka* [A Brief Etymological Dictionary of Komi]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1999. 430 p.
- Arutyunov S. A. *Narody i kultury. Razvitie i vzaimodejstvie* [Peoples and Cultures. Development and Interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 243 p.

Chudova T. I.

Syktyvkar State University of Pitirim Sorokin.

Pr. Oktyabrskiy, 55, Syktyvkar, Russia, 167001.

E-mail: ChudovX@mail.ru

Есипова В. А., Яковлев Я. А.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ И СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ РУКОПИСИ КОНЦА XX ВЕКА: ИЗ НЕДАВНИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В НАУЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рассмотрена история старообрядческой семьи, проживавшей на территории Алтая, а в 1930-х гг. сосланной в Томскую область. В 1980-х гг. одной из представительниц этой семьи – Е. А. Яковлевой – был написан ряд рукописей, в настоящее время хранящихся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского университета. Рукописи проанализированы с точки зрения их палеографической характеристики и содержания, приведено сравнение содержания рукописей Е. А. Яковлевой и других рукописей, хранящихся в ОРКП НБ ТГУ, в частности, в составе Скитской библиотеки и «раскольничьей» библиотеки Томской духовной семинарии. Сделан вывод о позднем (не ранее нач. XIX в.) формировании корпуса изучаемых текстов.

Ключевые слова: старообрядчество, спецпереселение, история книги, палеография, кодикология, Канонник, Томская область, Алтай.

Поздние старообрядческие рукописи лишь относительно недавно начали привлекать внимание исследователей. Сохранение и воспроизводство традиции кириллического письма в новейшее время еще слабо исследовано; их механизмы и история пока не изучены до конца. Именно поэтому представляет интерес любой случай бытования поздних кириллических рукописей, особенно имеющий точную хронологическую и географическую локализацию. В этой связи большой интерес представляет коллекция рукописей, недавно поступившая в отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Она включает 9 рукописей, написанных в 1980-х гг. Екатериной Архиповной Яковлевой. Коллекция была передана в дар НБ ТГУ ее детьми, Яковом Александровичем Яковлевым и Натальей Александровной Грозиной, в мае 2015 г.

Яковлева Екатерина Архиповна (08.12.1935–10.12.1987) происходила из семьи алтайских старообрядцев. Ее мать, Яковлева (в девичестве Стрельцова) Евдинья Фотеевна (06.01.1894–1.07.1972), родилась в с. Петропавловском Бийского округа Томской губернии (ныне – районный центр с. Петропавловское Алтайского края) в старообрядческой семье. Район исхода рода Стрельцовых в Сибирь неизвестен. Можно лишь предполагать что это был Север России, поскольку, по словам Марии (старшей дочери Евдиньи Фотеевны), в разговоре они сохраняли характерное для северорусских наречий безударное «о» (óкали).

На родине Е. Ф. Стрельцова первый раз вышла замуж, успела родить дочь Марию. Почему брак распался, что в старообрядческой среде считалось делом недопустимым, неизвестно. Хотя потеря мужчины в кровавых событиях Гражданской войны на Алтае вовсе не удивительна. Но факт, что в сер. 1920-х гг. состоялся ее второй брак (с Яковлевым Архипом Софроновичем) и переезд к новому мужу.

Всю жизнь Евдинья Фотеевна соблюдала нормы старообрядческой этики: носила строгую одежду, покрывала голову платком с шамшурой (кикой), соблюдала посты и ежедневные моления, разделяла посуду на «свою» и «никонианскую» и т. д. Вопреки патриархальным старорусским и кержацким традициям, именно она являлась главой семьи и обладала правом решающего голоса (рис. 1).

Отец, Яковлев Архип Софронович (25.02.1896 или 04.03.1896– 01.04.1986), родился в д. Верх-Озёрной (в народе – Завьяловой) Нижнечарышской волости Бийского уезда Томской губернии (ныне – с. Верхнеозёрное Быстроистокского р-на Алтайского края) в старообрядческой семье. Из какой части Европейской России Яковлевы прибыли, тоже неизвестно, однако вышеуказанный информатор сообщал, что они выделяли звук «а» (áкали). Такое неразличение гласных «о» и «а» в безударных слогах относят к диалектному фонетическому явлению, характерному южнорусским и среднерусским диалектам.

По воспоминаниям детей, А. С. Яковлев рано осиротел, рос у дяди или деда в рабочих, буквально жил в хлеву. Его первый брак продлился недолго. Детей в нем либо не было, либо они умерли младенцами. Почему семья распалась, неизвестно, но для старообрядческой среды того времени это было большой редкостью. Тем не менее состоялся его второй брак – с Евдиньей Фотеевной Стрельцовой (у которой уже была дочь Мария от первого брака).

В отличие от супруги Архип Софронович не был ортодоксальным старообрядцем – не утруждал себя обильными молитвами, в праздники не отказывал себе в чарочке, в зрелом возрасте курил, в эмоциональном состоянии мог матерно ругнуться. Но посты соблюдал, бороду не брил. До конца жизни в выходной день любил пофорсить по моде своей юности – в начищенных хромовых сапогах, подпоясанной рубашке навыпуск, в фетровой шляпе. В 1970–80-х гг. такой «этнографический» выход на люди был сродни костюмированному представлению, но сам герой был совершенно искренен и любопытных взоров ничуть не смущался.

Интересен такой эпизод его биографии. Поскольку второй брак единоверцы-старообрядцы осуждали, после смерти второй жены Евдиньи Фотеевны уже в старческом возрасте он ездил из Колпашевского

Рис. 1. Старообрядческий род Яковлевых. Верхний ряд – Екатерина Архиповна и Мария Архиповна. Средний ряд – Архип Софронович и Евдинья Фотеевна. Нижний ряд – Яков Александрович и Наталья Александровна (дети Екатерины Архиповны). Р.п. Тогур Колпашевского р-на Томской обл. Ок. 1961 года

района на алтайскую родину к своей первой жене с намерением восстановить прежнюю семью, но безуспешно – что-то там не получилось.

А тогда, в сер. 1920-х гг., новая семья поселилась на родине мужа – в д. Верх-Озёрной. Построили дом, завели хозяйство, родили первую общую дочь (Христинью). Но грянули лихие времена, которые позже историки назовут «периодом раскрестьянивания». На плодородном Алтае, где бедным мог быть только ленивый, репрессии против земледельцев были наиболее массовыми. В список «социально чуждых элементов» попали и Яковлевы. Поводом стало то, что единственному мужчине в семье было невозможно работать в одиночку на пахоте – ежели сам за сохой или плугом, то кто будет вести лошадь под уздцы? Вот для этой несложной работы и пришлось нанять подростка, что было расценено как эксплуатация батрака. Существовало еще семейное предание, что трагическую роль сыграл тот самый дядя или дед Архипа Софроновича, который вырастил сироту. Почувствовав начало коммунистических репрессий, тот дальновидно «подарил» приемышу мельницу, а владелец столь значимой недвижимости однозначно подпадал под категорию кулаков.

Как бы там ни было, но весной 1930 г. первая волна комбедовских зачисток коснулась Яковлевых только наполовину – их не «раскулачили», а только «подкулачили»: отобрали дом со всем хозяйством и переселили на противоположный правый берег р. Оби за д. Акутиху. Случилось это, когда новорожденному сыну Артёму было всего несколько недель. Год ушел на то, чтобы раскорчевать лес, выкопать землянку, засеять целину. Но встать на ноги не дали – следующая волна репрессий в мае 1931 г. накрыла семью с головой. Ее окончательно раскулачили: в соответствии с принятым тогда механизмом репрессий Архипа Софроновича мобилизовали на «принудработы», а Евдинью Фотеевну с тремя детьми в это время сослали в д. Пиковку Нарымского края Новосибирской области (ныне – Колпашевский р-н Томской обл., деревня заброшена). Мужики потом приехали к своим семьям сами.

Три следующих года в спецпереселенческой д. Пиковке, что стояла недалеко от тогурского устья р. Кети, были наполнены борьбой за выживание. Мария и Христинья позже вспоминали: «Голод был

страшный. За пайком ходили в д. Зайкино за 40 км. Если летом в муку можно было подмешивать траву, в первую очередь лебеду, то зимой было совсем худо. Пробовали пилить березу, и эти опилки смешивать с мукой, но начали мучиться животами. Потом придумали подмешивать в муку березовые гнилушки: находили в лесу гнилой пень, крошили его, сушили, провеивали и сыпали в муку». В отличие от многих других нарымских спецпереселенцев этой семье повезло – от голода никто не умер.

Возможно, определенную роль в этом сыграла высокая культурная адаптивность Архипа Софроновича. Исконный земледелец со степного Алтая, он как-то очень быстро перенял навыки кетских старожилов – местных селькупов и чалдонов. Освоил приемы рыболовства. Научился вязать сети, плести из прутьев ловушки (мордушки), ладить из бересты заплечные короба, выдалбливать легкие лодки (обласки). Вызнал грибные и ягодные места. Через несколько лет в мужчине в чулках из конского волоса и в кожаных сапогах без каблука (чарках), который одной рукой с веслом ловко управлял обласком, а другой вытаскивал рыбу из сети, уже никто не признал бы «спеца» или «кержака» – и по обличью, и по повадкам это был чистый чалдон.

С одной стороны, резко возросшие потребности индустриализирующейся советской экономики в пиломатериалах (в том числе и экспортных), а с другой – обилие дармовой рабсилы в спецпереселенческих коммундатурах Нарымского края (включая и Прикетье) дали толчок развитию лесной промышленности. Для иллюстрации этого достаточно сказать, что в результате выполнения первого пятилетнего плана в СССР было заложено 67 заводов с 212 лесопильными рамами. Разумеется, бассейн р. Кети, где, согласно генеральной схеме освоения лесов, было сосредоточено свыше 400 млн м³ древесины, рассматривался как один из главных сырьевых источников лесной отрасли. Организовать леспромхозы на базе спецпереселенческих поселков было еще полдела. Требовался лесозавод по переработке круглого леса. Понятно, что ставить его надо было в низовьях Кети, куда плоты могли поступать самосплавом со всех делян вдоль реки. Специалисты Запсибдревтреста, специально созданного в начале 1930-х гг. для развития лесной отрасли, сначала выбрали для строительства лесозавода п. Копыловку, что располагался не так уж далеко от Пиковки вниз по Кети. Но выбор по каким-то причинам оказался неудачным, и в 1931 г. изыскатели приехали в п. Тогур, расположенный в среднем устье р. Кети. На этот раз заключение было положительным. Весной 1932 г. был поставлен первый барак для рабочих, а уже 20 марта 1934 г. первая очередь Кетского лесозавода им. Я. М. Свердлова была принята в эксплуатацию (Яковлев, 1993: 128).

Разумеется, основным контингентом рабочих могли быть только спецпереселенцы – наиболее многочисленная, голодная и бесправная часть местного населения. В качестве едва ли не самого действенного экономического стимула стало послабление совершенно невыносимых тогда налогов для тех, кто изъявлял желание работать на лесозаводе. Так, если выразиться излюбленным шаблоном советского агитпропа, «задачи партии и советского правительства» определили судьбу Яковлевых – в 1934 г. по оргнабору на лесозавод семья переехала из д. Пиковки в д. Анисимовку, больше известную в народе под названием Замаревки. Эта небольшая старожильская (чалдонская) деревенька в кетских низовьях испокон веку стояла в 2–3 верстах от Тогура (теперь они слились). Именно здесь – сейчас это с. Тогур Колпашевского района Томской области – и прошла их жизнь; здесь родились их дети и внуки; здесь многие Яковлевы нашли свое упокоение.

Сначала, как и другие приехавшие «спецы», жили в землянке, выкопанной на кетском косогоре. Но достаточно быстро мастеровитый Архип Софронович срубил свой дом – по тем меркам самый большой в деревне. Здесь родилась дочь Екатерина (1935 г.), а затем и последний ребенок – сын Николай (1939 г.) (рис. 2).

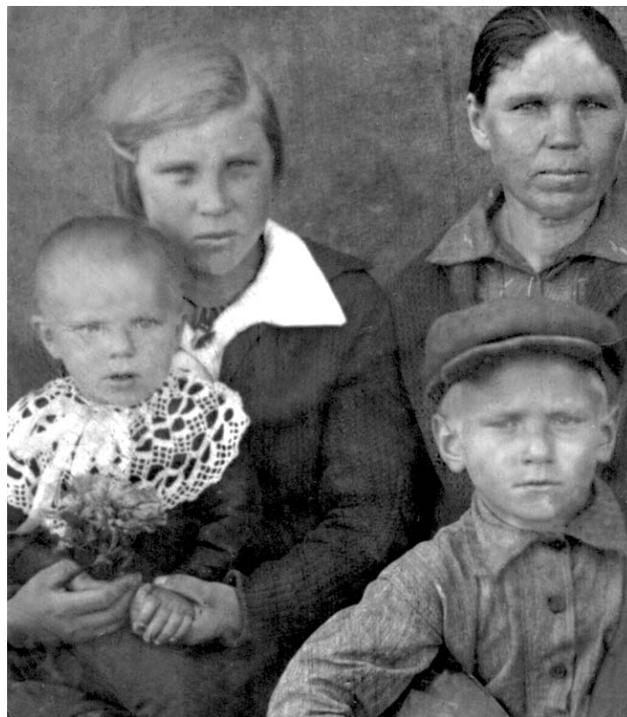

Рис. 2. Яковлевы в первые годы после переселения в Тогур. Верхний ряд – Мария Архиповна и Евдинья Фотеевна (единственная фотография без шамшуры), нижний ряд – Екатерина Архиповна и Артём Архипович. Р.п. Тогур Колпашевского р-на Томской обл. Ок. 1938 года

Рис. 3. Е. А. Яковлева. Р.п. Тогур Колпашевского р-на Томской обл.
23.03.1952

Рис. 4. Е. А. Яковлева. Р.п. Тогур Колпашевского р-на Томской обл.
27.01.1955

Екатерина Архиповна закончила Тогурскую начальную, а затем семилетнюю школу (рис. 3). Пробовала учиться в Колпашевском педагогическом училище, но учеба не пошла (рис. 4). Поэтому уже в 20-летнем возрасте она оказалась все на том же Кетском лесозаводе, где трудился ее отец и еще две трети тогурчан.

Там она и познакомилась со своим будущим мужем – Александром Яковлевичем, тоже носящим фамилию Яковлев, тоже из спецпереселенцев, тоже с Алтая. Разница была лишь в том, что тот кроме спецпереленческих мытарств пережил еще тюрьмы и лагеря (амнистирован после смерти Сталина). И крещен он был в купели официальной православной церкви, а не в реке, как того требует старообрядческая традиция.

14 октября 1955 г. они поженились (рис. 5).

И здесь хочется привести цитату из прозы В. В. Липатова. Это потом он стал известным советским писателем и москвичом, а его детские и отроческие годы пришлось на Тогур. И именно такие, как Катя Яковлева и ее подружки, с которыми он учился в одной школе и гулял вечерами по одним и тем же улицам, сформировали у писателя такой вот образ нарымской женщины: *«Броско красивых женщин в Нарыме почти нет. Красота нарымской женщины видна не сразу, но тот, кто сумеет разглядеть ее, запомнит на всю жизнь. Красота нарымских женщин похожа на красоту нарымских мест. Нет ярких красок, резких переходов, ошеломляющих взор пейзажей, но зато много мягкости, задумчивости, суровой сдержанности в нарымских родных местах. Красота их открывается не сразу, а исподволь, и только думающему, внимательному наблюдателю... Красота нарымских женщин похожа на запах нарымских цветов. Аромат их слаб, чуть слышен, но нигде, ни в каких краях так не пахнут цветы...»* (Липатов, 1970: 357).

Дальнейшая жизнь Екатерины Яковлевны – это жизнь, как часто выражаются, «простой женщины» (рис. 6). Трудно удержаться и не привести еще одну цитату – больно уж соответствует образу нашей героини описание сибирской женщины, сделанное два века назад: *«...Добры, ласковы и, что редкость в женском поле, весьма скромны, застенчивы и молчаливы. Впрочем, в родных и дружественных кругах своих веселы и шутливы. Совершенно покорные супруги мужей своих и нежные попечительные матери... Добродетельны и сострадательны к несчастным...»* (Спасский Г., 1818: 126). Эти качества, состав-

Рис. 5. Молодожены Яковлевы. Р.п. Тогур Колпашевского р-на Томской обл. Декабрь 1955 года

Рис. 6. Е. А. Яковлева. Р.п. Тогур Колпашевского р-на Томской обл. Июнь 1972 года

лявшие основу этического кодекса старообрядки, были восприняты ею на каком-то подсознательном уровне, без заучивания и осознанного самовнушения.

Работолюбие. Весь положенный законом трудовой стаж она добросовестно отработала на одном предприятии – Кетском лесозаводе / Тогурском лесопромышленном комбинате. А дом и огород, всегда содержавшиеся в изумительном порядке и чистоте, поддерживали стародавнее мнение об особой опрятности и чистоплотности женщин-старообрядок.

Верность роду. Когда жизнь брата Артёма висела на волоске, именно она уехала в другой город и умолила врачей поместить ее в реанимационную палату. В условиях тотального дефицита младшего медперсонала ей разрешили жить в этой палате с условием, что она будет ухаживать за четырьмя тяжелыми больными. Она спала на полу в этом же помещении, питалась чем бог пошлет, но брата, вопреки врачебным прогнозам, выходила! В результате он пережил ее на 19 лет. Старшая сестра Мария и отец доживали свой век в доме Екатерины Архиповны.

Верность мужу и семье. Муж признавался безоговорочным главой семьи. А когда после автомобильной аварии он заболел саркомой, она самоотверженно ухаживала и за ним. Только ее постоянная забота и бережный уход продлили ему жизнь еще на 4 года.

С материнской любовью и бесконечной лаской вырастила двух детей – сына и дочь.

Однако такая богоугодная жизнь не избавила ее от тяжелых испытаний. В 1983 г. у 48-летней Екатерины Архиповны было диагностировано онкологическое заболевание. С этого времени и начинается ее возвращение к вере и старообрядческим традициям. Именно возвращение, поскольку в раннем детстве все это было ей хорошо знакомо.

У старших членов семьи Яковлевых имелась четкая религиозная самоидентификация. Старшая сестра Христинья, родившаяся еще на Алтае, рассказывала, что они дразнили всех прочих ребяташек «Сибиряк – с печки бряк!», а те их в ответ – «Поляк – с печки бряк!».

«Поляками» на Алтае называли потомков тех сторонников древлеправославной традиции из центральных русских губерний, которые после раскола сначала бежали в Речь Посполитую (районы Ветки, Стародубья, Гомеля, Дорогобужа). Однако в 1762 и 1764 гг. состоялись две их «выгонки» с Ветки, уже ставшей к тому времени широко известным центром старообрядчества на юго-западе России. Согласно указам Екатерины II старообрядцев насильственно, с помощью армейских частей переселили в Сибирь: отправленных в Забайкалье стали называть «семейскими», а переселенных на Алтай – «поляками» (Болонев, 1985: 30–31; Покровский, Зольникова, 2011: 175–176). В ходе этих принудительных водворений в 1760-х гг. в районе Колывано-Кузнецкой военной линии поселились около полутора тысяч старообрядцев, пригнанных из Польши (Старухин, 2001: 50).

Среди первых деревень «поляков» на Алтае можно назвать Лосиху (Старо-Алейскую), Шеманаевскую (Ново-Алейскую), Екатерининскую, Секисовскую, Бобровскую и др. Из д. Старо-Алейской часть старообрядцев позже была переселена к р. Ануй, где была основана д. Петропавловская – родина матери (Евдиньи Фотеевны) и старшей сестры (Марии Архиповны) Е. Я. Яковлевой (Швецова, 1899: 4; Липинская, 1996: 20; Казанцева, Мурашова, Светлова, 2002; Щербакова, 2005: 17). Старообрядцев переселяли на Алтай на правах государственных крестьян и с обязанностью выплачивать «раскольничий» двойной податной налог. Среди «поляков» сохранялось деление на принимающих и не принимающих священство, но последних было меньше. Ряд исследователей считает, что существенную часть «поляков» составляли часовенные.

Специалисты отмечают, что этнографическая группа «поляков» была неоднородна: среди них были выходцы из Московской, Белгородской, Новгородской, Смоленской, Воронежской, Нижегородской губерний. Это породило особый тип народной культуры, сочетавший в себе черты русского севера и юга (Щербакова, 2005: 17, 9; Фурсова, 1997: 17). Вместе с тем «основу „поляцких“ поселений составляли члены одной общины, многие из которых состояли в родстве. Поскольку „поляки“ переселялись правительством в целях приписки их к новым заводам, то для жительства выбирались удобные, расположенные вблизи от дорог и трактов места, имеющие пригодные для земледелия почвы. Это дало возможность „поляцким“ семьям из поколения в поколение жить в своих деревнях, соблюдая исконные обычаи и порядки. Поэтому „поляцкая“ ветвь староверов являет собой стабильный, консервативный тип культуры. Обычаи „поляков“ представляют интерес, прежде всего, с позиции сохранения древних устоев» (Фурсова, 1997: 17–18).

Все члены семьи, включая Екатерину Архиповну, были крещены.

Общение с единоверцами – и на бытовом, и на ритуально-обрядовом уровнях – продолжалось и после высылки Яковлевых с Алтая, в период их тогурской жизни. Почти четверть века – в 1930–50-х гг. – их дом был самым просторным в деревне. К тому же он стоял на отшибе – д. Анисимовка (Замараевка), хоть административно и вошла в состав р.п. Тогура, но была отделена от него парой-тройкой километров колхозных полей, болотцем и кедровыми околками по-над берегом. Так что молиться алтайские «поляки» не только из Тогура и райцентра Колпашева, но и из разбросанных окрест деревень (Волково, Новосёлово, Маракса и др.) собирались в укомной Замараевке у Яковлевых. В доме всегда были иконы, лестовки

Рис. 7. Яковлевы Мария Архиповна и Екатерина Архиповна в одежаниях для богослужебных обрядов. 22.01.1987

Рис. 8. Канонник. Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.587

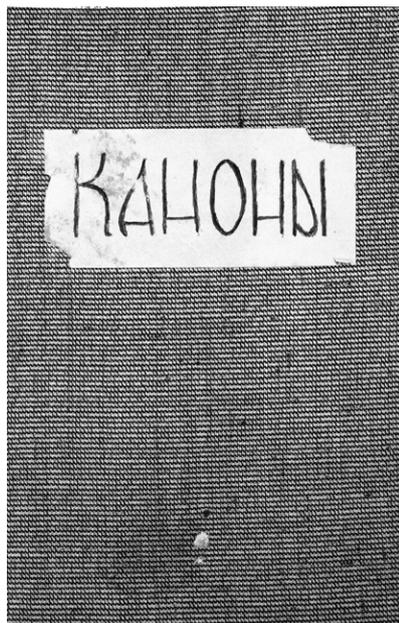

Рис. 9. Канонник. Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.588

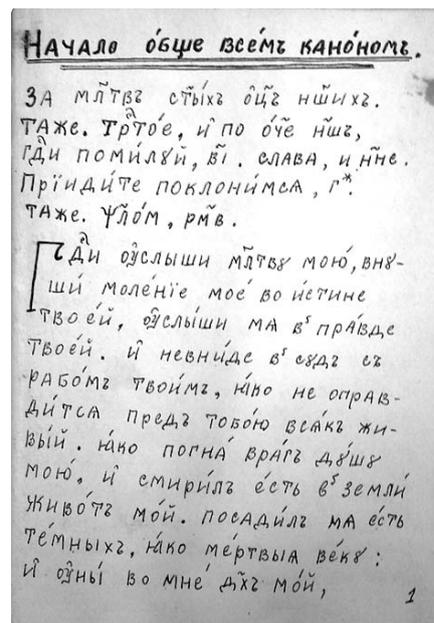

Рис. 10. Канонник. Лист 1. ОРКП НБ ТГУ. В-27.588

и специальные подушечки для опоры рук при молении на коленях; действовало деление посуды на свою «чистую» и мирскую «грязную»; обязательно читались долгие молитвы на ночь... И молитвы в детстве она учила.

Помнила ли она их потом, в своей замужней жизни с «никонианином», теперь неизвестно. Но крест не носила, постов не блюла, на моления к единоверцам не ходила и дома не молилась, «чистой» посуды для себя не держала. Правда, полной атеисткой, как многие ее сверстницы, выросшие в лоне пионерских и комсомольских организаций, она все же не стала. Крестила своих детей, и икона в красном углу присутствовала всегда.

И вот в тяжелый и, как она понимала, последний период жизни параллельно с химиотерапией и поисками самых разнообразных народных средств от рака в ее жизнь стала возвращаться и вера. Были восстановлены контакты со старообрядческой общиной, извлечены из памяти и выучены заново молитвы и песнопения, возобновлено участие в коллективных и индивидуальных богослужебных обрядах, для чего пошито специальное одеяние (рис. 7).

Тогда же – видимо, по оброку – она начала переписывать богослужебные книги. Надо сказать, что подборка из одного-полутора десятков старопечатных и рукописных книг XVIII–XIX вв. сформировалась у Екатерины Архиповны на удивление быстро. С них и с приносимых единоверцами книг и делались списки – быть может, последние в традиции старообрядческого книжного рукописания в Сибири.

Рассмотрим подробнее палеографические характеристики рукописей Е. А. Яковлевой. При их написании в качестве материала для письма использовалась плотная альбомная бумага. Переплеты четырех рукописей (В-27.587–В-27.589, В-27.594) изготовлены из картона и ткани, для остальных использованы стандартные обложки школьных общих тетрадей, обрезанные по формату блока. На верхней крышке переплета обычно обозначено заглавие: оно написано тем же почерком, что и все рукописи, либо непосредственно на верхней крышке переплета, либо на специально наклеенном на нее бумажном ярлыке.

Все рукописи коллекции написаны одним и тем же почерком, полууставом с элементами скорописи XX в., синей шариковой ручкой. Украшений в рукописях немного: это заставки и концовки в виде параллельных линий, прочерченных красной и зеленой шариковой ручкой, иногда украшенных кругами; кое-где встречаются страницы в линейных рамках, игра текстом. Узоры подбирались произвольно. Для декорирования даже использовались те предметы, которые просто оказывались под рукой: бумага нарезалась лезвием для бритвы – и на одной из страниц появился контур прорези в этом лезвии. В двух рукописях имеются миниатюры с изображением двоеперстия, нарисованные также синей шариковой ручкой (В-27.589: 1; В-27.595: I – рис. 17). Таким образом, внешний вид рукописей и использованные для их изготовления материалы свидетельствуют об активном использовании современных писцу материалов для письма и средств письма, хотя почерк выдает знакомство с древнерусской письменной традицией и стремление писца ей следовать.

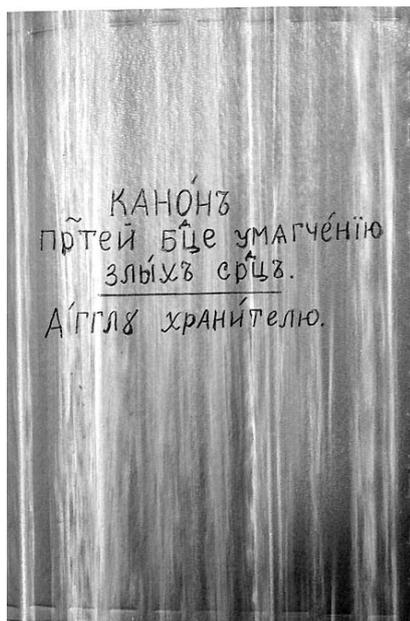

Рис. 11. Канон Богородице Умягчению злых сердец и ангелу-хранителю. Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.590

Рис. 12. Требник. Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.589

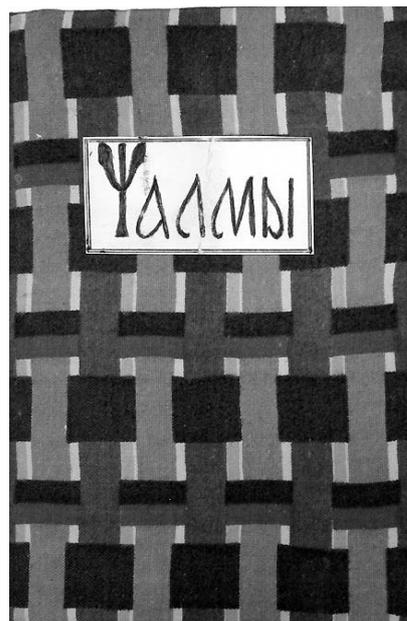

Рис. 13. Чин, како подобает пяти дванадцать псалмов особь. Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.594

Рукописи коллекции содержат исключительно певческие и уставные тексты, относящиеся к кругу келейного богослужения; нотированных текстов среди них нет. Среди рукописей два довольно объемистых Канонника (В-27.587, 102 л.; В-27.588, 82 л.) (рис. 8, 9). Оба они начинаются с текста «Начала общего всем канонам» (В-27.587: 1–2об; В-27.588: 1–2) (рис. 10). Далее в рукописи В-27.587 следуют каноны архангелам и ангелам, апостолам, апостолам Петру и Павлу, Богородице Троеручице, мученику Внифатию, ангелу-хранителю, трем святителям, Богородице Неопалимой Купине и Софии, премудрости Божии. Завершает рукопись молитва Богородице. Рукопись В-27.588 содержит канон всемиростивому Спасу, всем святым, Иоанну Предтече, канон за болящего, канон мученику Уару, Паисию, канон воскресный и канон Фёкле. Как видно, содержательно тексты двух Канонников не пересекаются, за исключением начальной статьи, присутствие которой в обеих рукописях позволяло использовать их независимо друг от друга.

Помимо Канонников в составе коллекции имеются несколько рукописей, включающих тексты отдельных канонов и некоторые другие песнопения. Среди них имеются, например, каноны Богородице Умягчению злых сердец и ангелу-хранителю (В-27.590) (рис. 11), Успению Богородицы и Иоанну Богослову. Здесь же читаются богородичные тропари (В-27.591). В отдельной рукописи переписан канон Богородице Троеручице (В-27.593). Наконец, канон «Всем святым по вся дни» соседствует под одним переплетом с текстом молитвы Иисусовой и выписками о малых грехах (В-27.595). Отметим, что тексты канонов ангелу-хранителю и Богородице Троеручице повторяются дважды: один раз – в составе Канонника, второй – в составе отдельной рукописи.

Еще одна рукопись, озаглавленная писцом «Требник» (В-27.589) (рис. 12), фактически включает в себя различные чины исповедания: общий, для болящих, для немых и глухих, для женщин и для инокинь, с некоторыми «поновлениями». Завершается рукопись «*Вопросами поморских отец. Не бывшему у тебе прежде во исповедании и сие подобает вопросити, а бывшему – не спрашивать*» (В-27.589: 68об–76). Как следует из текста, таинство исповеди совершалось мирянами, что характерно для представителей поморского согласия и других беспоповских согласий. О беспоповской практике свидетельствует еще один текст: в рукописи В-27.592 переписано два текста: «Покаяние Святаго апостола Павла» (л. 1–7) и «Богородичны к тропарям» (л. 8–10об). Первый текст начинается словами «*Егда кто хочет сице исповедатися Господу Богу своему, то особь наедине...*» – это характерно именно для беспоповских согласий. Еще одна рукопись, содержащая уставной текст – «чин, како подобает пяти дванадцать псалмов особь» (В-27.594), очень широко распространенный во всех старообрядческих согласиях (рис. 13).

Подавляющее большинство текстов в рукописях Е. А. Яковлевой – каноны. Канон в православном богослужении – один из жанров церковной гимнографии. Это композиционно сложное произведение,

обычно посвященное определенному празднику или прославлению конкретного события или святого. Каноны читаются в ходе ряда служб (утрени, павечерницы, полунощницы, панихиды и др.), а также во время келейной молитвы. Канон как жанр зародился в VII в.; известны такие составители канонов, как Иоанн Дамаскин, Андрей Критский и др.

Полный текст канона структурно состоит из 9 песней. Каждая песнь канона имеет в своей основе символически трактуемый ветхозаветный сюжет и состоит из ирмоса и нескольких тропарей. Именно содержание ирмоса обычно посвящено событиям ветхозаветной истории, а тропари приурочены к прославляемому празднику или святому. Обычно при богослужении ирмос поется по одному из восьми гласов, а тропари читаются.

Рассмотрим подробнее историю бытования в старообрядческой среде отдельных текстов из коллекции Е. А. Яковлевой. Некоторое представление о степени распространенности тех или иных текстов дает сопоставление рукописей Е. А. Яковлевой с рукописями ОРКП НБ ТГУ. Особый интерес представляют в этом смысле рукописи, поступившие в НБ ТГУ в составе так называемой раскольничьей библиотеки Томской духовной семинарии (Есипова, 1998), а также рукописи Скитской библиотеки, приобретенные у наследницы одной из представителей старообрядцев-странников с территории Кривошеинского района Томской области (Дутчак, 2007; Дутчак, 2012).

Очень широко был распространен канон ангелу-хранителю; как указано выше, он читался, в частности, в ходе домашней молитвы при приготовлении к причастию. Текст канона был составлен в XI в. Иоанном Мавроподом, епископом Евхаитским (Канон, 1995). Наиболее ранний его список в коллекции НБ ТГУ относится ко втор. пол. XVII в. Он включен в рукопись (Канонник. XVII в. (втор. пол.): 59–69об, 292об–307) из Скитской библиотеки, а также в составе ряда рукописей XVIII в. (Часовник. XVIII в. (нач.): 196–209об; Канонник. XVIII в. (конволют 30–70-е гг.): 138–159об; Старообрядческий сборник выписок из Устава и Требника. XVIII в. (60–70-е гг.): 218об–221об; Канонник. XVIII в.: 4–13об; Часовник. XVIII в. (70-е гг.): 194–201). Отметим, что две из этих рукописей поступили в НБ ТГУ в составе «раскольничьей» библиотеки (Часовник. XVIII в. (нач.); Старообрядческий сборник выписок из Устава и Требника. XVIII в. (60–70-е гг.)). Еще одна (Часовник. XVIII в. (70-е гг.)) была приобретена в 2007 г. у наследников старообрядцев, проживавших в Верхнекетском районе Томской области. Представлен канон ангелу-хранителю и в рукописях XIX в. (Чин погребения с дополнительными статьями. XIX в. (нач.): 47–54; Канонник. XIX в. (сборная рукопись, 20–50-е гг.): 18–28; Часовник. XIX в. (сер.): 103–110; Канонник. XIX в. (перв. пол.): 39об–50об, 118–118об; Канон ангелу-хранителю и избранные тропари. XIX в. (втор. пол.): 1–18об; Сборник выписок из Устава, Канонника и месяцеслова. XIX в. (втор. пол.): 44–64об; Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) А: 193–213; Псалтирь с воследованием. XIX в. (50–60-е гг.): 349–358об; Сборник молитв и песнопений (не нотирован). Конволют XIX в. (пер. пол. – 60-е гг.): 54об–68об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) А: 217–232об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 131–154; Канонник. XIX в. (60-е гг.) В: 138–152; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 319–323об). Подавляющее большинство этих рукописей также поступили вместе с «раскольничьей» библиотекой, за исключением В-26.115 – она была приобретена в составе Скитской библиотеки. Встречается этот текст и в составе рукописей XX в. (Канонник. XX в. (нач.) А: 47–64об; Сборник старообрядческий богослужебного характера. XX в. (нач.): 52об–66; Канонник. XX в. (нач.) Б: 42–53; Сборник старообрядческий молитвенный. XX в. (нач.): 28–33; Канонник. XX в. (нач.) В: 45об–54; Старообрядческий сборник песнопений. XX в. (10–20-е гг.): 71–72об; Сборник-конволют старообрядческий. 1921 г.: 48–60; Псалтирь. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.): 199–209об). Рукописи XX в. были приобретены в основном в результате археографической работы в Томской области. В частности, три из них (Канонник. XX в. (нач.) Б; Сборник старообрядческий молитвенный. XX в. (нач.); Старообрядческий сборник песнопений. XX в.) поступили в составе Скитской библиотеки, а еще две (Сборник старообрядческий богослужебного характера. XX в. (нач.); Канонник. XX в. (нач.) В), по информации последних владельцев, наравне со Скитской библиотекой бытовали в скитах около п. Красного Яра Кривошеинского района Томской области.

Канон архангелам также представлен наиболее ранним списком XVII в. в составе того же Канонника (Канонник. XVII в. (втор. пол.): 53–59об). XVIII в. датирован еще один список этого текста (Канонник. XVIII в. (конволют 30–70-е гг.): 81–92, 126об–137). К сожалению, происхождение его не установлено. К XIX в. относится несколько больше списков (Канонник. XIX в. (60-е гг.) А; Канонник с дополнительными статьями уставного и житийного характера. XVIII в. (кон.) – XIX в. (нач.): 200–203об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 154об–162; Канонник. XIX в. (60-е гг.) В: 162об–172; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 126–130; Канонник. XIX в. (нач.): 76–81; Канонник. XIX в. (50-е гг.) А: 81–87об; Канонник. XIX в. (60–80-е гг.): 55–64). Все эти рукописи поступили в составе «раскольничьей» библиотеки, за исключением одной (Канонник. XIX в. (60-е гг.) В), которая бытовала в составе Скитской библиотеки.

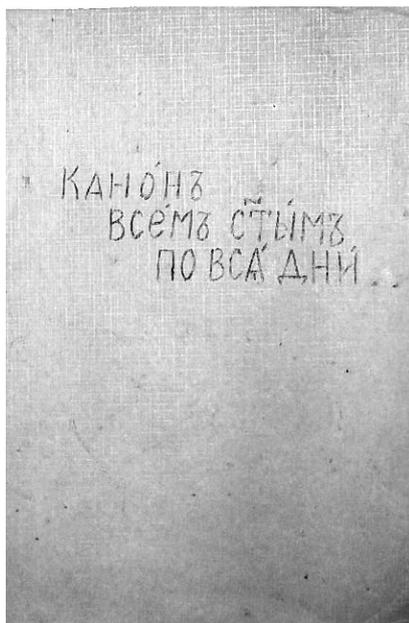

Рис. 14. Канон всем святым по вся дни.
Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.595

Рис. 15. Канон Богородице Троеручнице.
Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.593

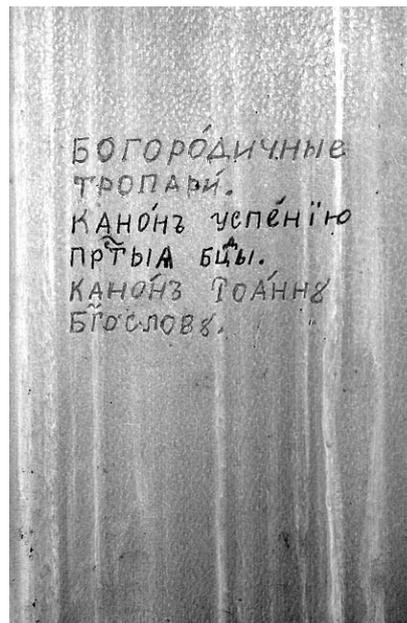

Рис. 16. Богородичные тропари и Каноны Успению Богородицы и Иоанну Богослову.
Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-27.591

Канон апостолам читается в составе уже неоднократно упоминавшегося Канонника из Скитской библиотеки (Канонник. XVII в. (втор. пол.): 87–93об). Гораздо большим количеством списков он представлен в XIX в. (Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) А: 156–171об; Псалтирь с воследованием. XIX в. (50–60-е гг.): 373об–379; Канонник. XIX в. (60-е гг.) А: 122об–132об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 179об–186об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) В: 188–197об; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 14–19, 141–145; Канонник. XIX в. (50-е гг.) А: 109–115об). Все эти списки происходят из «раскольничьей» библиотеки, кроме единственного (Канонник. XIX в. (60-е гг.) В) из состава Скитской.

Канон всем святым включен в последние утрени в неделю всех святых (первую по Пятидесятнице) (рис. 14). Это последний день пения Триоди Цветной, в составе которой, соответственно, и располагается текст канона. Этот текст читается в составе Канонника XVII в. (Канонник. XVII в. (втор. пол.): 155об–169об). К XVIII в. относится единственный список этого текста, происхождение которого не установлено (Канонник. XVIII в. (конволют 30–70-е гг.): 162–176). Имеются также списки XIX и XX в. (Канонник. XIX в. (60-е гг.) А: 144–157; Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 194–204об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) В: 172об–187об; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 149об–155об; Сборник-конволют старообрядческий. 1921 г.: 80–94об; Канонник с дополнительными статьями уставного и житийного характера. XVIII в. (кон.). – XIX в. (нач.): 147об–155; Канонник. XIX в. (нач.): 81–87; Канонник. XIX в. (50-е гг.) А: 72об–81; Канонник. XIX в. (60–80-е гг.): 75–87об; Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) Б: 65–72; Сборник молитвенного характера. XIX в. (втор. пол.): 46–59), происходящие в основном из «раскольничьей» библиотеки. Исключением является (Канонник. XIX в. (60-е гг.) В), который, как уже указывалось, поступил в составе Скитской библиотеки.

«Канон воскресен» является составной частью воскресной утрени; автором текста считается Иоанн Дамаскин. Он читается в составе рукописей XIX в. (Канонник. XIX в. (60-е гг.) В: 73–82; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 324–334; Канонник. XX в. (нач.) А: 14об–24; Триодь цветная. XIX в. (50–60-е гг.): 96об–101). В этом случае первая из указанных рукописей происходит из Скитской библиотеки, вторая – из библиотеки семинарии, последние приобретены в результате археографической работы в г. Томске.

Канон всемиростивому Спасу читался на именной праздник (1 августа), который появляется в русских рукописях в составе соответствующей службы после введения Иерусалимского устава в XIV–XV вв. В сказании о введении этого праздника говорится, что он был установлен Лукой (патриархом Константинопольским) и Константином (митрополитом Киевским) в честь знамений во время победы византийского императора Мануила над сарацинами и князя Андрея Боголюбского над волжскими булгарами в 1164 г. (Спасский Ф. Г., 2008; Николай (епископ Балашихинский)).

Кроме того, канон всемилостивому Спасу читался представителями поморского согласия при освящении брака. Соответствующий канон был составлен Василием (Филиппом) Емельяновым, наставником московской поморской общины, во втор. пол. XVIII в. (Юхименко). Таким образом, этот канон имел для старообрядцев особенное значение. Его текст в рукописях НБ ТГУ представлен неизвестными по происхождению списками, начиная с XVIII в. (Канонник. XVIII в. (конволют 30–70-е гг.): 5об–18об; Сборник старообрядческий молитв и канонов. Рукопись-конволют XVIII в. (нач.) – XIX в. (кон.): 95–106). Часть их относится к XIX–XX в. (Канонник. XIX в. (сборная рукопись, 20–50-е гг.): 63–70; Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 205–213; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 206об–211об; Канонник. XIX в. (нач.): 57–62об; Канонник. XIX в. (50-е гг.) А: 94об–101об; Сборник выписок из Патерика с дополнительными статьями. XIX в. (40–50-е гг.): 42–47; Часовник (фрагмент: келейное правило и канон). XIX в. (50–60-е гг.): 50–54; Канонник. XIX в. (втор. пол.) А: 137об–149об; Канонник. XX в. (нач.) Г: 80–93об). Подавляющее большинство этих рукописей бытовало в составе «раскольничьей» библиотеки, за исключением предпоследнего (из состава Скитской библиотеки) и последнего (из археографических разысканий в Томске) в перечне только что указанных.

Наконец, «канон за болящего» имеется в ряде списков XIX в. (Канонник. XIX в. (перв. пол.): 102–108об; Псалтирь с воследованием. XIX в. (50–60-е гг.): 412–419; Сборник молитв и песнопений (не нотирован). Конволют XIX в. (пер. пол. – 60-е гг.): 42–43об; Канонник с дополнительными статьями уставного и житийного характера. XVIII в. (кон.) – XIX в. (нач.): 156–158; Канонник. XIX в. (нач.): 3–4; Канонник. XX в. (нач.) Г: 53–66об; Канонник. XIX в. (30-е гг.): 24–37об; Канонник с дополнительными статьями. XIX в. (сборная рукопись 30–40-х гг. – сер. XIX в.): 7–15; Служба ангелу-хранителю и Канон за болящего. XIX в. (80–90-е гг.): 19об–30об; Сборник старообрядческий богослужебно-уставного характера. XIX в. (50-е гг.): 74–85об; Устав. XIX в. (50-е гг.) А: 131–144об; Канонник. XIX в. (втор. пол.) Б: 19–26; Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.): 94об–96). Почти все они поступили в НБ в составе «раскольничьей» библиотеки. Три рукописи (Канонник. XX в. (нач.) Г; Сборник старообрядческий богослужебно-уставного характера. XIX в. (50-е гг.); Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.)) были приобретены в результате археографической работы в г. Томске и Томской области.

Таким образом, общие каноны имеются в НБ ТГУ в составе списков, начиная с XVII в. Наиболее ранние сосредоточены в составе одного Канонника, поступившего в составе Скитской библиотеки. Подавляющее большинство остальных списков принадлежали старообрядцам, проживавшим на территории Томской губернии, и были изъяты у владельцев еще в XIX в. Можно сказать, что общие каноны, представленные в составе сборников Е. А. Яковлевой, были широко известны среди старообрядческого населения Сибири.

Интересен выбор канонов, посвященных различным ипостасям Богородицы. Это каноны Богородице Троеручице, Богородице Неопалимой Купине и Богородице Умягчению злых сердец. К этой же группе можно отнести канон Успению Богородицы и Софии, премудрости Божии.

Сюжет о Богородице Троеручице (рис. 15) широко представлен в православной и старообрядческой иконографии. Такой иконографический тип Богоматери относится к типу Одигитрии; Богоматерь обычно изображается с младенцем, сидящим на правой руке. При этом в нижней части иконы, под правой рукой Богоматери, изображена человеческая кисть; в отечественной иконографической традиции ее обычно изображают как третью руку Богоматери (Кондаков, 1902: 142, 167–169). Подробно рассмотрел историю возникновения культа Троеручицы И. Бенчев (Бенчев, 1996).

Возникновение этого иконографического типа связывают с эпизодом из жития Иоанна Дамаскина, который являлся автором ряда трактатов против иконоборчества, в защиту иконопочитания. Эти произведения вызвали гнев Льва III Исавра, византийского императора, поддерживавшего иконоборцев. Однако, поскольку Иоанн Дамаскин являлся подданным Сирии, а не Византии, император не мог запретить ему пропагандировать иконопочитание. Поэтому было решено прибегнуть к клевете: халифу Сирии, при дворе которого Иоанн служил министром, было донесено подложное письмо, якобы написанное Иоанном и предлагавшее византийскому императору помощь в захвате сирийской столицы. В результате Дамаскин был отстранен от должности и наказан отсечением кисти правой руки. Позже отторгнутую длань

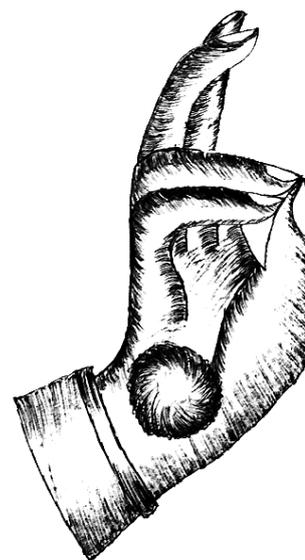

Рис. 17. Требник. Л. I. Рисунок с изображением двоеперстия. ОРКП НБ ТГУ. В-27.589.

ему вернули, Иоанн приложил ее к месту отсечения и начал усердно молиться Богоматери, а потом уснул. Проснувшись, он увидел, что отсеченная кисть приросла к руке. В благодарность Иоанн изготовил серебряную руку, которую приложил к иконе Богоматери; позже третья рука стала воспроизводиться и на других списках иконы.

Среди старообрядцев бытует другое сказание о происхождении этого иконографического типа: третья рука появляется у Богоматери, когда она видит тонущего в реке ребенка и спасает его, не выпуская из рук собственного младенца (Михаил, 2008; Мекш, 2005).

Известная икона Троеручицы находилась в Хиландарском монастыре. С нее в 1661 г. был изготовлен список для патриарха Никона. В XVIII в. православной церковью был запрещен ряд иконографических сюжетов, «противных естеству, истории и самой истине». Среди них оказалась и Богородица Троеручица. Однако в старообрядческой традиции почитание этой иконы сохранилось до сих пор; праздник ее отмечается 4 декабря.

О том, что почитание Богородицы Троеручицы было распространено и среди старообрядцев Томской области, свидетельствуют материалы ОРКП НБ ТГУ. Помимо списков из коллекции Е. А. Яковлевой в фонде имеются еще две рукописи, включающие текст канона Богородице Троеручице (Каноны мученику Уару и Богородице Троеручице. XX в. (70-е гг.): 13–18; Канон Богородице Троеручице. XX в. (сер. – втор. пол.)). Обе они поступили в НБ ТГУ в составе Скитской библиотеки старообрядцев-странников, проживавших на территории Кривошеинского района Томской области. Крайне интересен тот факт, что один из списков канона о Богородице Троеручице из Скитской библиотеки переписан в составе одной рукописи с канонам мученику Уару (Каноны мученику Уару и Богородице Троеручице. XX в. (70-е гг.): 2–12). Как было показано выше, канон этому мученику представлен также в составе одного из Канонников Е. А. Яковлевой (ОРКП НБ ТГУ, В-27.588: 42об–51), но подробнее о каноне этому святому будет сказано ниже.

Ветхозаветный сюжет о Неопалимой Купине широко известен в христианской традиции и является одним из прообразов Богоматери, символизирующих непорочное зачатие. В монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове почитается куст, который считается Неопалимой Купиной; над его корнями была построена часовня. Среди икон соответствующего сюжета известны чудотворные, а в народном православии икона Неопалимая Купина почитается как защитница при пожарах (Сазонова, 1996). Иконография Богоматери Неопалимая Купина известна как минимум с XVI в.; этому иконографическому типу посвящена обширная литература (Николай (Погребняк) (протоиерей)).

В составе рукописей ОРКП НБ ТГУ канон Богородице Неопалимая Купина встречается с сер. XIX в. (Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) Б: 89–90; Сборник канонов старообрядческий. XIX в. (кон.) – XX (нач.): 28–33об; Канонник. XIX в. (50-е гг.) Б: 33–38об). Второй из указанных сборников происходит из Скитской библиотеки, остальные – из «раскольничьей» библиотеки семинарии. Как видно, этот канон не был широко распространен и появляется в рукописях НБ ТГУ достаточно поздно.

Канон Богородице Умягчению злых сердец отсутствует в составе описанных на настоящий момент рукописей НБ ТГУ. Между тем сюжет этот достаточно интересен. Умягчение злых сердец, или Симеоново проречение – иконографический тип Богоматери, воплощающий пророчество Симеона Богоприимца, которое он произнес в Иерусалимском храме в день Сретения. Богоматерь изображается с семью воткнутыми в сердце мечами: по три слева и справа, один снизу. О происхождении этой иконы ничего неизвестно, хотя предполагается ее происхождение из Юго-Западной Руси.

Существует близкий иконографический тип Богоматери, называемый «Семистрельная». В этом случае мечи изображаются несколько иначе: три с правой стороны и четыре с левой. О ней известно, что она пребывала в Иоанно-Богословской церкви на берегу р. Тошни, недалеко от Вологды. Икона была обрета на после того, как крестьянин Кадниковского уезда, страдавший хромотой, услышал во сне голос, повелевший ему подняться на колокольню Богословской церкви и там помолиться Богоматери. Выяснилось, что икона долгое время служила ступенькой лестницы. В 1830 г. во время эпидемии холеры святыня была временно перенесена в Вологду. Икона написана на холсте, наклеенном на доску; специалисты датируют ее XVIII в. (Дмитриева, 2007).

Гораздо более многочисленны списки канона Успению Богоматери (рис. 16), хотя они относятся лишь к XIX в. (Псалтирь с воследованием. XIX в. (50–60-е гг.): 495–499об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 294–300об; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 273об–277об; Канонник с дополнительными статьями уставного и житийного характера. XVIII в. (кон.) – XIX в. (нач.): 60об–64; Сборник выписок из Патерика с дополнительными статьями. XIX в. (40–50-е гг.): 200–204; Часовник (фрагмент: келейное правило и канон). XIX в. (50–60-е гг.): 40–43об; Канонник (фрагмент). XIX в. (нач.): 1–6; Часовник. XIX в. (кон.): 323–330; Сборник старообрядческий служебно-поучительного характера. XIX в. (втор. пол.): 27–32об). Подавляющее большинство списков поступило вместе с «раскольничьей» библиотекой.

Что касается канона Софии, премудрости Божией, тут необходимы некоторые пояснения. Теме Софии премудрости посвящена обширнейшая литература. Некоторые исследователи склонны следовать общеизвестному утверждению, что «София, премудрость Божия, есть вторая ипостась Христа» (Лазарев, 1970: 35; Высоцкий, 1989: 100–101). Однако ряд исследователей соотносит изображение Софии с изображением именно Богоматери (Степаненко, 2013).

В ОРКП НБ ТГУ имеется ряд рукописей, включающих текст канона Софии премудрости Божией; все они относятся к XIX в. (Канонник. XIX в. (перв. пол.): 12–26; Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.): 71–78об; Цветник. XIX в. (сер.): 39–55). Первая и последняя из указанных рукописей происходят из «раскольничьей» библиотеки, вторая была приобретена в результате археографической работы в Томске.

Таким образом, каноны, посвященные различным ипостасям Богоматери, находятся в составе достаточно поздних рукописей ОРКП НБ ТГУ; все они не ранее нач. XIX в. А текст канона Богородице Умягчению злых сердец не представлен в рукописях НБ вообще. В сборниках Е. А. Яковлевой читаются каноны, прославляющие ипостаси Богоматери, иконографический тип которых утвердился достаточно поздно, а тексты этих канонов – за единственным исключением – были известны среди старообрядческого населения Томской губернии и области.

Наибольший интерес представляют тексты канонов конкретным святым – апостолам Петру и Павлу, Иоанну Предтече и Иоанну Богослову, мученику Внифатию, Паисию Великому, мученику Уару и равноапостольной Фёкле.

Составление текста канона приписывается Иоанну Дамаскину. Списки канонов апостолам Петру и Павлу читаются в составе двух рукописей XIX в. (Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 333об–339об; Канонник. XIX в. (втор. пол.) А: 238–248об). Первый из них поступил с собранием Томской духовной семинарии, второй – в составе Скитской библиотеки.

Самый ранний список канона Иоанну Предтече встречается в составе рукописи (Канонник. XVII в. (втор. пол.): 71–78об) из состава Скитской библиотеки, уже упоминавшейся выше. Остальные списки этого текста относятся к XIX в. (Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) А: 136–155об; Псалтирь с воследованием. XIX в. (50–60-е гг.): 358об–365об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) А: 92об–106об; Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 162об–172; Канонник. XIX в. (60-е гг.) В: 198–207об; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.): 130об–136; Канонник с дополнительными статьями уставного и житийного характера. XVIII в. (кон.) – XIX в. (нач.): 96–99об; Канонник. XIX в. (нач.): 11–19; Канонник. XIX в. (50-е гг.) А: 88–94об; Канонник. XIX в. (60–80-е гг.): 64–75; Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) Б: 9–14об; Канонник. XX в. (нач.) Г: 1–12об; Тропарь и канон усекновению главы Иоанна Предтечи. XIX в. (20-е гг.): 1–19об). Как видно, этот канон был широко распространен. Подавляющее большинство списков поступили в НБ ТГУ в составе собрания Томской духовной семинарии, исключение составляют только два из них: один (Канонник. XIX в. (60-е гг.) В) поступил со Скитской библиотекой, другой (Канонник. XX в. (нач.) Г) был приобретен в ходе археографической работы в г. Томске.

Канон Иоанну Богослову удалось пока обнаружить только в составе пяти списков. Один из них – XVII в. – в составе уже неоднократно упоминавшейся рукописи (Канонник. XVII в. (втор. пол.): 107об–114) из Скитской библиотеки. Остальные – в составе рукописей XIX в. (Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б: 340–347об; Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) Б: 75–80об; Канонник. XIX в. (втор. пол.) А: 249–260; Канонник. XIX в. (втор. пол.) Б: 34об–42об). Одна рукопись (Канонник. XIX в. (втор. пол.) А) происходит из Скитской библиотеки, остальные – из собрания семинарии.

Также представлен в ряде рукописей Скитской библиотеки канон Паисию Великому, читающийся в составе одной из рукописей Е. А. Яковлевой (В-27.588: 51об–63об): (Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.): I–IV, 21об–23об; Канонник. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.): 53–64об; Канон Паисию (фрагмент). XX в. (нач.); Часовник. XX в. (нач.): 137–157об; Псалтирь с воследованием. 1928–1929 гг.: 494об–499об). Если рукопись (Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.)) приобретена в результате археографической работы в г. Томске, то все остальные поступили в библиотеку в составе Скитской библиотеки.

Паисий Великий, христианский святой, согласно преданию, родился в IV в. в Египте, рано осиротел и принял монашеский постриг. Его учителем был известный авва Памва. После кончины учителя Паисий удалился в пустыню, где предался аскетической жизни. Со временем вокруг него собралось множество последователей. В житии Паисия описывается, как однажды во время молитвы он был поднят на небо, где узрел райские кущи. Скончался святой в глубокой старости и был похоронен в основанном им монастыре. Считается, что Паисию Великому следует молиться за умерших без покаяния, но эта практика не поддерживается официальной Православной церковью.

Канон мученику Уару читается лишь в составе поздних списков, относящихся к XX в. (Каноны мученику Уару и Богородице Троеручице. XX в. (70-е гг.): 2–12; Псалтирь с воследованием. 1928–1929 гг.: 487–494; Канонник. XX в. (нач.) Д: 105об–124об; Каноны Богородице Владимирской и мученику Уару. XX в. (нач.): 8–12об). Все эти рукописи поступили в составе Скитской библиотеки, за исключением последней, которая представляет собой дар ФСБ от 21.08.2012 (поступила от старообрядцев Асиновского р-на Томской обл.).

Мученик Уар (ум. ок. 307 г.), согласно его житию, являлся начальником римского военного отряда в Египте и тайным христианином. Когда он открыто объявил о своей вере, его подвергли мучениям, а после кончины бросили на растерзание зверям. Однако тело подобрала вдова по имени Клеопатра. После окончания гонений на христиан она отвезла мощи Уара в Палестину и поместила их в своем фамильном склепе, а позже построила церковь в честь святого.

Существует традиция молиться св. Уару за некрещеных, хотя официальная церковь относится к ней весьма неоднозначно (Буфеев, 2004). Традиция основана на одном эпизоде из жития святого. Там рассказывается, что после кончины сына вдова Клеопатра обратилась к Уару с молитвой. Тот явился вдове и поведал, что молился за ее родственников-язычников, которые в результате получили прощение; и явил ей образ умершего сына в ангельском одеянии (В той же день...). Отметим, что традиция моления за неправославных и некрещеных должна была стать особенно актуальна в СССР именно в послевоенные годы, когда традиция обязательно крестить детей стала постепенно отмирать. Как отмечают современные священнослужители, до 2003 г. в России не было ни одного православного храма, посвященного св. Уару, а в настоящее время их двенадцать (Мацукевич, 2013).

Кроме того, необходимо отдельно отметить тексты, которые читаются в рукописях Е. А. Яковлевой, но их не удалось пока обнаружить в составе других рукописей НБ ТГУ. Так, канон равноапостольной Фёкле, автором которого считается Андрей Критский, отсутствует в составе рукописей ОРКП НБ ТГУ. Однако имя ее все же упоминается в ряде текстов: так, в некоторых рукописях представлено ее житие или фрагменты жития (Пролог. Июнь – август. 1898 г.: 295–295об, под 19 августа; Сборник об иконах и иконопочитании (конвюлют?). XIX в. (80–90-е гг.): 18–21, под 24 сентября; Старообрядческое сочинение-компиляция о крещении. XIX в. (60–70-е гг.): 29об–30]. Возможно, первая из только что указанных рукописей происходит из библиотеки семейства Вяткиных (Лев, Каллистрат), чьим почерком, вероятно, она и написана. Со слов последнего владельца, семья проживала в д. Львовке Парабельского района Томской области. «Сборник об иконах и иконопочитании» поступил из Томского этнолого-археологического музея. В заголовке акцентируется, что Фёкла *«первые сама ся крести, и последи многих веровати во Христа научи, и нецых сама крести»*. «Старообрядческое сочинение-компиляция о крещении» поступило в библиотеку в составе Скитской библиотеки. Заголовок интересующего нас фрагмента звучит так: *«Мнози святши, не имуще священства, учашу и крестяху. Свидетельства»*.

Фёкла Иконийская, почитаемая в лике равноапостольных, родилась в богатой семье в Иконии и отличалась красотой (В той же день...; 89об–92, под 24 сентября). Она уже была обручена со знатным юношей, когда в городе с проповедью христианства появился апостол Павел. Фёкле очень понравилась его проповедь, и она решила не вступать в брак. Жених и родители были крайне недовольны; Фёклу и Павла отвели к правителю города, который распорядился арестовать проповедника. Однако Фёкла посещала апостола и в темнице. Когда же это обнаружилось, правитель распорядился Павла изгнать из города, а Фёклу сжечь на костре. Однако когда Фёклу возвели на готовый костер, внезапно пошел дождь, потушивший огонь.

Покинув родной город, Фёкла нашла апостола Павла и направилась далее с ним, проповедуя христианство. Во время пребывания их в Антиохии правитель города Александр прельстился красотой Фёклы, однако она отказалась выходить за него замуж. Разгневанный Александр приказал отдать ее на растерзание диким зверям, но те не тронули святую. Согласно преданию, Фёкла долго проповедовала, занималась исцелениями и скончалась в возрасте около 90 лет в Селевкии. Отметим, что единственным источником знаний о равноапостольной Фёкле является апокрифический текст «Деяния Павла и Фёклы» (Рождественская, Мещерская, Турилов, Агеева, 2001: 46–58; Скогорев, 2000: 159–211).

Для обсуждаемой проблемы существенно, что в рассматриваемых рукописях о Фёкле говорится как о святой, самостоятельно крестившей не только себя, но и многих новообращенных христиан. Проблема совершения таинств без священника (в первую очередь – крещения и отпевания) вообще являлась наиболее обсуждаемой с самого начала истории старообрядчества и явилась одной из причин возникновения двух основных направлений в старообрядчестве: признающих и не признающих священство. Тем более актуальна становилась эта проблема в период советской власти. Поэтому обращение именно к св. Фёкле вполне понятно и объяснимо.

Отсутствуют в составе рукописей НБ ТГУ и тексты канона, посвященного мученику Внифатию (В той же день...: 109–109об, под 19 декабря). Внифатий (Вонифатий) Римский (Гарсийский, ум. 290 г.), согласно его житию, был управляющим имением знатной римлянки Аглаиды, с которой состоял в незаконной связи. Внифатий вел распутную жизнь, но был известен милосердием и щедростью. Во время гонений на христиан в Малой Азии Аглаида отправила Внифатия туда, чтобы он привез мощи христианских мучеников в Рим. Прибыв в Киликию, Внифатий стал свидетелем массового мучения христиан. Он в открытую поклонился мученикам, был схвачен и подвергнут пыткам, а затем – отсечению головы. Тело Внифатия было доставлено в Рим, где Аглаида похоронила его с почестями и построила храм в его честь.

Считается, что молитва Внифатию помогает избавиться от пьянства. Именно этот факт отмечен в рукописи Е. А. Яковлевой рядом с текстом соответствующего канона (В-27.587. л. 51).

Отметим несколько деталей. Во-первых, в рукописях Е. А. Яковлевой представлены каноны, посвященные либо ближайшим предшественникам Иисуса Христа (Иоанн Предтеча), апостолам (Петру и Павлу, Иоанну Богослову, равноапостольной Фёкле), либо ранним христианским святым (Паисий Великий, мученик Уар, мученик Внифатий). Среди упомянутых персонажей нет ни более поздних христианских святых, ни русских святых. Возможно, это отражает ориентацию старообрядцев на наиболее древние образцы письменности, чтения и др.

Наибольшее количество совпадающих с рукописями Е. А. Яковлевой текстов содержат следующие рукописи ОРКП НБ ТГУ.

1) Поступили с библиотекой семинарии:

- Псалтирь с воследованием. XIX в. (50–60-е гг.) – 5 текстов;
- Канонник. XIX в. (60-е гг.) А – 5 текстов;
- Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б – 10 текстов;
- Канонник. XIX в. (60–70-е гг.) – 9 текстов;
- Канонник. XIX в. (50-е гг.) А – 5 текстов.

2) Поступили со Скитской библиотекой:

- Канонник. XVII в. (втор. пол.) – 5 текстов;
- Канонник. XIX в. (60-е гг.) В – 7 текстов.

Канонник (Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б) поступил в НБ ТГУ с коллекцией Томской духовной семинарии в составе «раскольничьей» библиотеки. Он написан мелким каллиграфическим полууставом и украшен киноварными заголовками, инициалами и многочисленными концовками, составленными из точек в виде обращенного острием вниз треугольника. Ряд разделов заканчивается «игрой текста». Переплет рукописи покрыт золотым тиснением, обрез окрашен в зеленый цвет. Многочисленные записи типа «По описи № 12», «№ 168», «По реестру № 10» и печать Томской окружной полицейской управы на л. 1 и 32 свидетельствуют о том, что книга была изъята Томской духовной консисторией. О владельцах рукописи позволяют судить две записи на форзаце: «По описи № 83/63. При... Фом... Лукова» и «№ 5 Бабаева». Отметим, что Маркелу и Евтихею Бабаевым принадлежало не менее 20 книг, которые также поступили в ОРКП с «раскольничьей» библиотекой (Устав. XIX в. (50-е гг.) Б; Сборник тропарей и кондаков. XIX в. (50-е гг.); Сборник песнопений на крюковых нотах...; Правило келейное и Служба пред Господом Иисусом Христом. XIX в. (50–70-е гг.)) и др. Тому же Сильвестру Спиридонову принадлежала еще одна рукопись из упомянутых выше (Канонник. XIX в. (60–70-е гг.)).

Также Бабаеву принадлежал еще один Канонник, с которым у рукописей Е. А. Яковлевой имеются пересечения (Канонник. XIX в. (60-е гг.) А). Он также поступил в составе библиотеки семинарии. Кроме записей на форзаце о принадлежности Бабаеву («№ 19 Бабаева»), ниже пером значится: «По описи № 36/46 при от... Селивестр Спиридонов».

Два Канонника, содержащих тексты, аналогичные текстам из рукописей Е. А. Яковлевой, поступили со Скитской библиотекой. Один из них (Канонник. XIX в. (60-е гг.) В) написан несколькими писцами и украшен, помимо оранжевых заголовков, инициалов и колонтитулов, также использованием вязи в заголовках, заставками «старопечатного» стиля. Здесь использован интересный прием: вместо заставок на некоторых листах наклеены прямоугольные фрагменты коричневой ткани «с позолотой». На л. 234 чернилами, полууставом написано: «В сей книге листов обретается 310. Канонов двадцать пять, да еще Скитское покаяние. Ценою пять рублей серебром».

Имя писца этого сборника можно установить, поскольку тем же почерком написана еще одна рукопись (Устав. 1856). Здесь на л. 315об почерком основной рукописи чернилами написана писцовая запись (строки расположены по вертикали): «Сий Устав начат месяца марта 63–64 года, первого дня, кончили

меся [ца] сентября двенадцатаго числа Божией помощью. Написал Григорий, во святом крещении Евтихий. Аминь».

Что касается происхождения самого раннего из исследованных Канонников (Канонник. XVII в. (втор. пол.)), он также поступил в составе Скитской библиотеки. О его бытовании можно сделать лишь некоторые заключения исходя из владельческих записей XVII в. на л. 6–11: «Сия / книга / Годеновские / волости / Николского / погосту». На л. 13–18: «Сия / книга / глаголемая / Каноник / диакона / Семёнова». На л. 38: «Василева». На л. 58–66: «Попа / Семюна / Василева / сына / Попова / а подписал / сам / своею / рукою». Эти соображения уже были опубликованы (Есипова, 2008). В частности, было сказано, что существенная часть изданий XVII в. из Скитской библиотеки бытовала в XVII в. в европейской части России – на территории от «Чуди» до Поволжья и Подмосковья. Не является исключением и рассматриваемый Канонник: Годеновская волость располагалась в Ростовском уезде и являлась вотчиной Ростовского митрополита.

Еще одна рукопись из указанных выше принадлежала крестьянину д. Батурино (Канонник. XIX в. (50-е гг.) А). На л. II читается: «При отношении Том. общин. губернска. управлен. от 17 окт. 1868 г. дело 579. От кр. дер. Ботурино Макарова».

В составе наиболее ранней из рукописей (Канонник. XVII в. (втор. пол.)) читаются каноны архангелам, ангелу-хранителю, апостолам, а также Иоанну Предтече и Иоанну Богослову. Вместе с тем этот источник содержит множество песнопений русским святым, которые отсутствуют в рукописях Е. А. Яковлевой:

- л. 185–192об – «Канон молебен святым страсотерпцем Борису и Глебу. Глас 8»;
- л. 193–200 – «Канон великому князю Александру, Невскому чудотворцу. Глас 4»;
- л. 232об–241 – «Канон преподобному Варламу Новгородскому, иже на Хутины, ему же краегранисие сице: глагол даждь ми, Христе мой, восхвалити твоего угодника. Глас 2» – и многое другое.

Еще одна рукопись (Канонник. XIX в. (60-е гг.) В) – также из состава Скитской библиотеки – содержит тексты следующих канонников: канон «воскресен», всемилостивому Спасу, ангелу-хранителю, архангелам, всем святым, Иоанну Предтече, а также Софии, премудрости Божии. Также здесь читаются:

- л. 208об–218 – «Канон преподобному, глас 8»;
- л. 219–229 – «Канон уродивым, глас 4» и др.

Песнопения конкретным святым здесь практически не содержатся.

Что касается сборников, поступивших в составе библиотеки семинарии. Наибольшее число совпадающих текстов присутствует в Каноннике (Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б). Это также каноны ангелу, архангелам, апостолам, всем святым, всемилостивому Спасу и Иоанну Предтече. Кроме того, эта рукопись содержит преимущественно тексты канонников, исполняемых по главным господским и богородичным праздникам (Рождество, Крещение, Обрезание и т. д.) – они также в рукописях Е. А. Яковлевой не представлены. Аналогично можно охарактеризовать содержание других рукописей (Канонник. XIX в. (60-е гг.) А; Канонник. XIX в. (60–70-е гг.); Канонник. XIX в. (50-е гг.) А).

Специфика текстов, помещенных в составе еще одной рукописи, определяется ее назначением: это Псалтирь с воследованием. Поэтому здесь наряду с канонами ангелам, ангелу-хранителю, апостолам, Иоанну Предтече читается также текст канона за болящего и Успению Богородицы. Кроме того, в воследовании имеется также целый ряд текстов уставного характера.

Каноны отдельным святым и специфичным ипостасям Богородицы имеют соответствия в рукописях, не являющихся собственно Канонниками. Так, канон мученику Уару переписан в составе Псалтири с воследованием 1928–1929 гг. и в двух рукописях, включающих по два канона (Каноны мученику Уару и Богородице Троеручице. XX в. (70-е гг.); Каноны Богородице Владимирской и мученику Уару. XX в. (нач.)). Единственный Канонник, где имеется этот канон (Канонник. XX в. (нач.) Д), весьма поздний и происходит из состава Скитской библиотеки.

Возникает вопрос: какими образцами пользовались писцы упомянутых выше рукописей, включая Е. А. Яковлеву? Для ответа на него необходимо очертить круг известных изданий старообрядческих Канонников. Подробно вопрос о Каноннике как типе книги был рассмотрен А. В. Вознесенским (Вознесенский, 1993). Исследователь установил наличие двух основных типов Канонника: большой и малый. Если большой Канонник имел соответствия в дониконовских изданиях, то малый Канонник являлся собственно старообрядческим типом книги, «главной особенностью которой уже с первых изданий стало наличие в ней статей, нужных для самопричащения и погребения умерших». (Вознесенский, 1993: 368). Оба типа Канонников наглядно представлены в каталоге кириллических изданий старообрядческих типографий (Кириллические издания старообрядческих типографий...: № 6, 25, 42, 51, 64, 91 и др.). Однако среди этих изданий, вышедших в Вильно, Гродно, Клинцах, Почаеве и Супрасле, нет точных соответствий

текстам, представленным в рукописях Е. А. Яковлевой. Отсутствуют точные соответствия и в каталоге, составленном И. В. Починской (Починская, 1994: 85–150). Этот факт свидетельствует о более позднем, чем нач. XIX в., складывании текста, переписанного Е. А. Яковлевой. Либо о том, что она самостоятельно скомпоновала тексты из разных источников. При этом две рукописи, озаглавленные Е. А. Яковлевой как Канонники, типологически сходны с Канонниками большими как типом книги, описанными А. В. Вознесенским. Исследователь так характеризует этот тип книги: «К концу первых двух десятилетий XIX в. старообрядцами был выработан определенный тип Канонника большого, который совершенно не сходен с нестарообрядческими изданиями, заключавшими в себе каноны и акафисты всея седмицы, некоторые молитвы, службы и последования. Каноны всея седмицы не стали главным содержанием старообрядческого Канонника, представлявшего собой обширный сборник канонов господским и богородичным праздникам, нарочитым святым, всеседмичных, а также канонов, необходимых в повседневной жизни людей. Несомненно, что развитие Канонника большого не остановилось в начале XIX в., тем не менее благодаря типографской деятельности конца XVIII – начала XIX в. сложился и был принят тип Канонника – обширного собрания канонов» (Вознесенский, 1993: 365).

Приложение

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ Е. А. ЯКОВЛЕВОЙ, ПЕРЕДАННЫХ В ДАР НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Я. А. ЯКОВЛЕВЫМ И Н. А. ГРОЗИНОЙ 8.05.2015

В описании не оговаривается источник поступления и писец рукописи, поскольку во всех случаях писцом является Е. А. Яковлева. Все рукописи написаны в 1980-х гг. и подарены в НБ ТГУ ее детьми Я. А. Яковлевым и Н. А. Грозиной 8.05.2015. Также не оговаривается состояние рукописей, поскольку оно везде хорошее.

1. В-27.587. **Канонник**. XX в. (кон.). 4^о. Размер блока 10,8x14,5 см; размер переплета 20,8x15,0 см. Листов: 1²⁰, 2²², 3²⁰–5²⁰ = 102 л. Пагинация лицевая, арабская, в правом нижнем углу: 1 нн., 1–100, 1 нн. Колонтитулы на лицевой стороне листа, в правом углу верхнего поля.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филигранных и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.588–В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной шариковой ручкой, колонтитулы – зеленой. Заставки и концовки на форзаце в виде параллельных горизонтальных линий красной и зеленой шариковой ручкой, горизонтального узора (обводка по контуру отверстия в лезвии для бритвы) синей шариковой ручкой, л. I, 1, 101.

Переплет: картон, красно-синяя ткань. На верхней крышке переплета ярлык, на нем зеленой шариковой ручкой, почерком основной рукописи: «Каноны», по краям ярлыка двойная рамка красной шариковой ручкой (рис. 8).

Записи и ярлыки: в рукопись вложен лист аналогичной бумаги, на нем почерком основной рукописи сделаны поминальные записи, отдельно мужчины и женщины. Упоминаются: Иосиф, Мина, Акакий, Сергей, Дмитрий, Иаков и др. Вложенная закладка из красной велюровой ткани.

Содержание:

Форзац. Нач.: «Не умаляем никогда же, Богородице, силы твоя, глаголюще мы убо недостойнии...»;

Л. I. Оглавление;

Л. Iоб. «Памятка». Нач.: «Помилуй мя, Боже – перед Канон...»;

Л. 1–2об. «Начало общее всем каноном». Нач.: «Господи, услышь молитву мою, внуши моление мое во истине твоей...»;

Л. 3–3об. «Архангелом и ангелом. Тропарь, глас 4». Нач.: «Небесных воинств архистратизи, молим вас ныне мы, недостойнии, яко да вашими...»;

Л. 3об–13. «Канон, глас 8». Колонтитул: «Арханг. Ангелом». Ирмос: «Песнь возснем, людие, чудотворцу Богу...». Тропарь 1: «Вси воспоем, людие, вся направляющему невещественныя лики...»;

Л. 13об. «Канон апостолом. Тропарь апостолом. Глас 3». Нач.: «Апостоли святии, молитвем милостиваго Бога, да грехов оставление...»;

Л. 13об–23. «Канон святым славным и всехвальным апостолом» (глас не указан). Колонтитул: «Апостолом». Ирмос: «Моря чермнаго пучину немокрыми стопами древле шествовав...». Тропарь 1: «Божественныя утешителя органы, возглашающе сего божественными...»;

Л. 23об. «Верховным апостолом Петру и Павлу. Тропарь, глас 4». Нач.: «Иже апостолом первопрестольницы, и вселенной учителе...»;

Л. 23об–31об. «Канон, глас 8». Колонтикул: «Петру и Павлу». Ирмос: «Отверзу уста моя, и наполнятся духа, и слово отрыгну...». Тропарь 1: «Подаждь ми, Господи, пресвятаго твоего духа, капля дарования...»;

Л. 32–32об. «Богородице Троеручнице. Тропарь, глас 4». Нач.: «Днесь светло красуется царствующий град Москва...»;

Л. 32об–41об. Канон, глас не указан. Колонтикул: «Троеручнице». Ирмос: «Отверзу уста моя, и наполнятся духа, и слово отрыгну...». Тропарь 1: «Умилосердися о мне грешнем, погибающем, пресвятая Богородице...»;

Л. 42–42об. «Мученику Внифатию. Тропарь, глас 4». Нач.: «Мученик твой, Господи, Внифатий, во страдании своем венец прият...»;

Л. 42об–51. «Канон, глас 4». Колонтикул: «Внифатию». Ирмос: «Тристаты крепки рождесе от девы, безстрастия во глубине...». Тропарь 1: «Усердным помыслом, подвигом ревновав доблим страдальцем...». В конце текста тем же почерком, зеленой шариковой ручкой: «Этот канон от винного запойства, память бывает 19 декабря»;

Л. 51об. «Ангелу хранителю. Тропарь ангелу хранителю, глас 6». Нач.: «Ангельским зраком сия и божественною славою озарям...»;

Л. 52об–65. «Канон молебен к своему ангелу хранителю души и телу, инока Иоанна, нося краестиховную сию: ангел я тя пою, хранителя моего. Глас 8». Колонтикул: «Ангелу хранит». Ирмос: «Воду просед, яко посуху, из египетска зла избежав...»;

Л. 65об пуст;

Л. 66. «Трием святителем. Тропарь общий трием святителем, глас 4». Нач.: «Яко апостолом единокравнии и вселенной учителе...»;

Л. 66об–74об. «Канон, глас 2, трием святителем». Колонтикул: «Трием святителем». Ирмос: «Грядите, людие, поем песнь Христу Богу, разделяшему море...». Тропарь 1: «Кое воздаяние достолепно нашим человецы принесется от нас...»;

Л. 75. «Богородице Неопалимая Купины. Тропарь Неопалимой Купине» (глас не указан). Нач.: «Иже во огне показавый Моисеови, еже во плоти на землю...»;

Л. 75–85. «Канон, ему же краегранесие: страшную похвалу огнеопальныя Купины. Глас 6». Колонтикул: «Неопал. Купины». Ирмос: «Волною морскою сокрывшаго древле мучителя...». Тропарь 1: «Помраченную душу мою, дево, юже омрачих страстными деянии...»;

Л. 85об–86. «Софии, премудрости Божии. Тропарь, глас 4. Богородичный канон». Нач.: «Велия и неизреченная премудрости Божии сила...»;

Л. 86–101. «Канон, глас 4». Колонтикул: «Софии». Ирмос: «Неизреченным велением пеша пловца приял еси...». Тропарь 1: «Аз премудрость Божия вселих, рече приточник...»;

Л. 101об-форзац. «Молитва пресвятей госпоже Богородице». Нач.: «Пресвятая госпоже, владычице моя Богородица, сущи и прибежище всем...».

2. В-27.588. **Канонник**. XX в. (кон.). 4⁰. Размер блока 21,0x14,7 см; размер переплета 21,4x15,4 см. Листов: 1¹, 2²⁰–4²⁰, 5¹⁸, 6²⁺¹ = 82. Пагинация лицевая, арабская, в правом нижнем углу: 1 нн., 1–80, 1 нн. Колонтикулы на лицевой стороне листа, в правом углу верхнего поля.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филиграней и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587, В-27.589–В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной шариковой ручкой, колонтикулы – зеленой. Заставки и концовки в виде параллельных горизонтальных линий красной и зеленой шариковой ручкой на л. I, 1. Игра текстом на л. 71об.

Переплет: картон, серая ткань. На верхней крышке переплета желтый ярлык, на нем красной и синей шариковой ручкой, почерком основной рукописи: «Каноны» (рис. 9).

Содержание:

Л. I. Оглавление;

Л. Iоб. «Памятка». Нач.: «А-1. Помилуй мя, Боже. После В-2 тропарей перед каноном...»;

Л. 1–2. «Начало общее всем канонам. За молитв святых отец наших. Таже. Трисвятое, и по Отче наш, Господи помилуй...» (рис. 10);

Л. 2об. «Канон Спасу. Тропарь всемилостивому Спасу, глас 8». Нач.: «С вышних призирая, убогия приемля, призри Спасе...»;

Л. 2об–10. «Канон всемилостивому Спасу. Глас 8». Колонтикул: «Спасу». Ирмос: «Море огустил еси, погрузив со оружием лютаго фараона, и олноди спасл еси от работы...». Тропарь 1: «Грядите вернии, хвалами и песньми светоносную церковь...»;

Л. 10об. «Всем святым. Тропарь всем святым. Глас 4». Нач.: «Иже во всем мире мученик твоих, Господи, яко багряницею...»;

Л. 11–20. «Канон, глас 8». Колонтикул: «Всем святым». Ирмос: «Вооружена фараона погрузи, чудотворяй древле, моисейский жезл...». Тропарь 1: «Твоих святых воспевающу чины, твоим светом души моей, молитвами сих...»;

Л. 20об–21. «Иоанну Предтечи. Тропарь Предтечи, глас 2». Нач.: «Память праведнаго с похвалами, тебе же довлеет свидетельство Господне...»;

Л. 21–29об. «Канон ко святому и честнейшему пророку Иоанну Предтечи, ему же краегранесие сице: крестителю мольбу приими. Творение Иосифово. Глас 2». Колонтикул: «Предтечи». Ирмос: «Во глубине потопаи древле фараонитская вся воинства, преоружну силу...». Тропарь 1: «Крестителю Предтече Христов, погружаемый всегда сладьми телесными...»;

Л. 30. За болящаго. Тропарь за болящаго, глас 6». Нач.: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице дево...»;

Л. 30–42. «Канон за болящаго. Глас 3». Колонтикул: «За болящаго». Ирмос: «Пределяему морю жезлом древле, израиль пройде, яко креста образ...». Тропарь 1: «В день печали, нашедшия на ны, к тебе, Христе спасе, припадающе...»;

Л. 42об. «Мученику Уару. Канон святому мученику Уару, ему же дана от Бога благодать избавляти от муки без покаяния умерших. Тропарь мученику Уару, глас 4». Нач.: «Мученик твой, Господи, Уар во страдании своем венеч прият нетленный...»;

Л. 42об–43. «Другий тропарь, глас 4». Нач.: «Воинством святых страстотерпец страждущих, законне зря оных, показал еси...»;

Л. 43–51. «Канон мученику Уару, ему же краегранесие сицево: страсти похваляю. Глас 6». Колонтикул: «Уару». Ирмос: «Яко посуху ходив израиль, по бездне стопами, гонителя фараона...». Тропарь 1: «Явися на высоте Христовы церкви святе, яко солнце светлое...»;

Л. 51об–52об. «Канон Паисии. Тропарь» (глас не указан). Нач.: «Божественною любовию от юности распалаям преподобне...»;

Л. 52об–63об. «Канон. Глас 6». Колонтикул: «Паисии». Ирмос: «Помощник и покровитель бысть мне во спасение, сей ми есть Бог...». Тропарь 1: «Иже вся умудряющему Богу молися, преподобне отче, о рабе своем...»;

Л. 64–64об. «Воскресный тропарь, глас 6». Нач.: «Ангельския силы на гробе твоём и стерегущи омертвеша, и стояше Мария...»;

Л. 64об–71об. «Канон воскресен. Творение кир Иоанна Дамаскина. Глас 6». Колонтикул: «Воскр». Ирмос: «Яко посуху ходив израиль, по бездне стопами, гонителя фараона...». Тропарь 1: «Распростертома дланьми на кресте, отеческаго исполнил еси благоволения...»;

Л. 72–72об. «Канон Фёкле. Тропарь, глас 4». Нач.: «Словесем Павловым научившися, богоневестная Фекло...»;

Л. 72об–80об. «Канон» (глас не указан). Колонтикул: «Фёкле». Ирмос: «Поем Господеви, проведенному люди своя сквозе Чермное море...». Тропарь 1: «Глас языка не может всеславных первомученица исповедати страсти...»;

Л. II–IIоб пусты.

3. В-27.589. **Требник**. XX в. (кон.). 4⁰. Размер блока 20,7х14,3 см; размер переплета 20,9х14,5 см. Листов: 1¹, 2²⁰–4²⁰, 5¹⁶ = 77. Пагинация лицевая, арабская, в правом верхнем углу: 1 нн., 1–76 (последний лист подклеен к нижнему форзацу).

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филиграней и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587, В-27.588, В-27.590–В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной шариковой ручкой. Миниатюра с изображением двоеперстия синей шариковой ручкой на л. I. Текст в линейных рамках красной шариковой ручкой на форзаце и л. Iоб; на форзаце также с орнаментом растительного характера. Заставки и концовки в виде параллельных горизонтальных линий и штрихов красной и синей шариковой ручкой на л. 21об, 23об, 31, 40об, 42об, 48об, 51, 57, 60об, 64, 68об, 76.

Переплет: картон, серая ткань. На верхней крышке переплета желтый ярлык, на нем красной и синей шариковой ручкой, почерком основной рукописи: «Потребник» (рис. 12).

Содержание:

Форзац. «Отпуст». Нач.: «Господи Иисусе Христе, сыне Божии, молитв ради пречистыя ти матере и иже во святых отец наших...»;

Л. I. Миниатюра (рис. 17);

Л. Юб. «О крестном знамении лица». Нач.: «Два перста имети наклонены, а не простерты. Два перста – вышний и средний...»;

Л. 1–21об. «Чин исповеданию православным христианом мужска полу и женска, по преданию святых и богоносных отец». Нач.: «Сиче предаша творити каюся, три поклоны до земли, глаголя...»;

Л. 22–23об. «Поновление миряном, глаголет сам каюся». Нач.: «Исповедаюся аз многогрешный имярек, Господу Богу вседержителю и пречистой его матери святей Богородице...»;

Л. 24–31. «Аще болен будет и споведаяся, то дозде глаголи. Здравому же и бывшему прежде у тебе во исповеди, и сие приложи». Нач.: «Согреших, обещания святаго крещения не сохраних...»;

Л. 31об–40об. «Женскому полу. Начало яко же писано исповеданию мужска полу. Посем исповедаяи вопрошает кающуюся с любовию и тихостию, и со смирением, о всякой вещи, еже аще что согрешил». Нач.: «Госпоже сестро и дщи, повеждь ми изначала, отнеле же родилася еси...»;

Л. 40об–42об. «Поновление девицам и женам». Нач.: «Исповедаюся аз многогрешная имярек, Господу Богу сведержителю (sic! – В. Е.) и пресвятей его матери, святей Богородице...»;

Л. 42об–48об. «Аще больна к смерти будет, глаголи дозде. Здравей же глаголе и сие». Нач.: «Согрешила кляхся именем Божиим во лжу. Согрешила кляхся во лжу...»;

Л. 49–50об. «Исповедание немому или глухому и бесному, и от язык пришедшу во святое крещение, и не умеющу ничто же глаголати». Нач.: «Первое убо сотворит начало исповеданию по обычаю и како изглаголет псалмы...»;

Л. 51–57. «Последование окончанию исповеди». Нач.: «По исповеданию же сиче совершается всякому кающемуся...»;

Л. 57–60об. «Поучение детям духовным». Нач.: «Се сыне, заповедаю ти аз грешный, прежде всего – бойся Бога всею душею...»;

Л. 61–64. «Женское исповедание. Вопрос инокиням». Нач.: «Чадо, повеждь ми, от какого помысла прияла на себя иноческий чин...»;

Л. 64–68об. «Поновление инокиням. Чистым от *Б до *Г преступи». Нач.: «Исповедаюся аз многогрешная имярек, Господу Богу вседержителю...»;

Л. 68об–76. «Сии вопросы поморских отец. Не бывшему у тебе прежде во исповедании и сие подобает вопросити, а бывшему – не спрашивать». Нач.: «Давно ли чадо приидет в христианство и от кого прия святое крещение...».

4. В-27.590. **Канон Богородице Умягчению злых сердец и ангелу-хранителю.** XX в. (кон.). 4⁰. Размер блока 20,3x14,6 см; размер переплета 20,3x14,5 см. Листов: 1²⁰ = 20.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филиграней и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587 – В-27.589, В-27.591 – В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной, красной и синей шариковой ручкой. На л. 1 заглавие красной и зеленой шариковой ручкой.

Переплет: картон, коричневая дерматиновая обложка от общей тетради. По периметру крышек выдвлена пунктирная рамка. На верхней крышке переплета синей шариковой ручкой, почерком основной рукописи: «Канон пресвятей Богородице Умягчению злых сердец. Ангелу хранителю» (рис. 11).

Записи и ярлыки: вложенная закладка из черно-белой тесьмы.

Содержание:

Л. 1. «Канон пресвятей Богородице Умягчению злых сердец» (шмуцтитул);

Л. 1об. «Пресвятей Богородице Умягчению злых сердец. Тропарь, глас 8». Нач.: «Восприемши душа человеческая, и утоливши злый совет...»;

Л. 2–11об. «Канон, глас той же». Ирмос: «Отверзу уста моя, и наполнятся духа, и слово отрыгну...». Тропарь 1: «Господи Боже мой, даруй ми язык и отверзи мне устне...»;

Л. 12–12об. «Ангелу хранителю. Тропарь, глас 8». Нач.: «Ангеле Божий, хранителю мой святой, живот мой соблюди...»;

Л. 12об-форзац. «Канон молебен святому ангелу хранителю, глас 8». Ирмос: «Поем Господеви, проведшему люди своя сквозе чермное море...». Тропарь 1: «Песнь воспети и восхвалите спасе, своего раба...».

5. В-27.591. **Богородичные тропари и Каноны Успению Богородицы и Иоанну Богослову.** XX в. (кон.). 20 л. 4⁰. Размер блока 20,5x14,7 см; размер переплета 20,3x14,5 см. Листов: 1²⁰ = 20. Пагинация лицевая, арабская, в середине нижнего поля: 1 нн., 1–20. Колонтитулы на лицевой стороне листа, в правом углу верхнего поля.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филигранных и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587–В-27.590, В-27.592–В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной, красной и синей шариковой ручкой.

Переплет: картон, серая дерматиновая обложка от общей тетради. На верхней крышке переплета синей и красной шариковой ручкой, почерком основной рукописи: «Богородичные тропари. Канон Успению пресвятыя Богородицы. Канон Иоанну Богослову» (рис. 16).

Записи и ярлыки: правка в тексте скорописью XX в., черной шариковой ручкой.

Содержание:

Л. 1. Оглавление;

Л. Юб пуст;

Л. 1–3. «Богородичны к воскресным тропарям». Колонтитул: «Тропарь»;

Л. 3об. «Успению пресвятыя Богородицы. Тропарь, глас 1 (молиться по умершим)». Нач.: «В рождестве девство сохранила еси, и во успении мира не остави...»;

Л. 3об–11. «Канон кир Козмы, ему же краегранесие: да торжествуют богумудрии. Глас 1». Ирмос: «Преукрашена божественною славою, священна и славная дево...». Тропарь 1: «Да провождают невеществени чинове небошественное в Сион...»;

Л. 11об. «Иоанну Богослову. Тропарь, глас 2». Нач.: «Апостоле Христову, Богу возлюбленные, потщися избавити люди безответны...»;

Л. 11об–20. «Канон святому и славному и всехвальному апостолу и евангелисту, Иоанну Богослову, имый краегранесие сицево: сына громава христокрасно пою. Феофан. Глас 2». Колонтитул: «Богослову». Ирмос: «Во глубине потопа древле фараонитская вся воинства, преоружну силу...». Тропарь 1: «Царство небесное блаженне, еже проповедал еси приим, и словеси собеседник...».

6. В-27.592. **«Покаяние Св. апостола Павла» и Богородичны к тропарям.** XX в. (кон.). 12 л. 4⁰. Размер блока 19,5x14,6 см; размер переплета 19,7x14,8 см. Листов: 1¹² = 12. Пагинация лицевая, арабская, в середине нижнего поля: 1–7, 5 нн.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филигранных и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587–В-27.591, В-27.593–В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной и зеленой шариковой ручкой. Заголовки подчеркнуты одной или несколькими прямыми линиями на л. 1, 8; концовки красной и зеленой шариковой ручкой, из прямых линий и окружностей на л. 7, 10об.

Переплет: картон, черная дерматиновая обложка от общей тетради. По периметру крышек выдавлена пунктирная рамка. На верхней крышке переплета был наклеен ярлык, в настоящее время утрачен.

Содержание:

Л. 1–7. «Покаяние Святаго апостола Павла». Нач.: «Егда кто хочет сице исповедатися Господу Богу своему, то особь наедине...»;

Л. 7об пуст;

Л. 8–10об. «Богородичны к тропарям»;

Л. 11–12об пусты.

7. В-27.593. **Канон Богородице Троеручнице.** XX в. (кон.). 12 л. 4⁰. Размер блока 20,2x14,5 см; размер переплета 20,2x14,5 см. Листов: 1¹² = 12. Пагинация лицевая, арабская, в правом нижнем углу: 1–12.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филигранных и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587–В-27.592, В-27.594, В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной, красной и синей шариковой ручкой.

Переплет: картон, коричневая дерматиновая обложка от общей тетради. На верхней крышке переплета розовый ярлык, на нем синей шариковой ручкой, почерком основной рукописи: «Канон Богородице Троеручнице» (рис. 15).

Содержание:

Л. 1–10б. «Богородице Троеручнице. Тропарь, глас 4. Молятся при беде». Нач.: «Днесь светло красуется царствующий град Москва...»;

Л. 10б–12. Канон, глас не указан. Ирмос: «Отверзу уста моя, и наполнятся духа, и слово отрыгну...». Тропарь 1: «Умилосердися о мне грешнем, погибающем, пресвятая Богородице...»;

Л. 12об пуст.

8. В-27.594. [**Чин, како подобает пети дванадесять псалмов особь**]. XX (кон.). 19 л. 4⁰. Размер блока 21,0x14,6 см; размер переплета 21,0x14,9 см. Листов: 1¹⁸⁺¹ = 19. Пагинация лицевая, арабская, в правом нижнем углу: 1–19.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филигранных и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587–В-27.593, В-27.595.

Орнаментика и украшения: заголовки красной, красной и синей шариковой ручкой. Концовки красной шариковой ручкой из прямых параллельных линий, образующих треугольник, направленный углом вниз на л. 19, верхнем и нижнем форзаце.

Переплет: картон, хлопчатобумажная ткань с коричневым и красно-желтым узором. На верхней крышке переплета ярлык с надписью красной и синей шариковой ручкой: «Псалмы»; по периметру ярлыка красная и синяя рамка (рис. 13).

Содержание:

Форзац: «Начальный отпуст». Нач.: «Господи Иисусе Христе, сыне Божии, молитв ради пречисты яти матере...»;

Л. 1-форзац. [Чин, како подобает пети дванадесять псалмов особь].

9. В-27.595. **Канон всем святым по вся дни**. XX в. (кон.). 22 л. 4⁰. Размер блока 19,8x14,5 см; размер переплета 19,8x14,7 см. Листов: 1²² = 22. Пагинация лицевая, арабская, в правом верхнем углу: 1 нн., 1–18, 3 нн.

Бумага альбомная, плотная, машинной выделки, без филигранных и штемпелей.

Почерк: поздний полуустав с элементами скорописи, синяя шариковая ручка. Аналогичен почеркам рукописей: В-27.587–В-27.594.

Орнаментика и украшения: заголовки красной, красной и синей шариковой ручкой. На л. I миниатюра синей шариковой ручкой с изображением двоеперстия. Заголовки подчеркнуты красной и синей шариковой ручкой на л. 1, 3; концовки в виде пунктирных красно-синих линий шариковой ручкой на л. 18, 19, 21; заставка растительного рисунка в один цвет, синей шариковой ручкой на л. 18об.

Переплет: картон, синяя дерматиновая обложка от общей тетради. На верхней крышке переплета красной шариковой ручкой, почерком основной рукописи: «Канон всем святым по вся дни» (рис. 14).

Записи и ярлыки: на л. 21об зеленой и синей шариковой ручкой, почерком основной рукописи календарные заметки и обращение к св. Симеону.

Содержание:

Форзац: Выписки из Феодорита Кирского, Потребника большого Иосифа патриарха.

Л. 1–2об. «Канон по вся дни». Нач.: «За молитв святых отец наших...» (начало общее всем канонам);

Л. 3–4. «Канон по вся дни, глаголемый ко Господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, и Иоанну Предотечи, и Николе чудотворцу, и ангелом, и архангелом, и апостолом, и пророком, и святителем, и преподобным отцем, и мучеником, и мученицам, и всем святым, иже от века угодившим. Творение Трифона, патриарха Царя града. Тропарь, глас 6». Нач.: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас. Всякого бо ответа недоумеюще...»;

Л. 4–18. «Канон, глас 6». Ирмос: «Яко посуху ходив израиль, по бездне стопами, гонителя фараона...». Тропарь 1: «Владыко творче, Господи Иисусе многомилостиве, ныне плачуся...»;

Л. 18об–19. «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Нач.: «Аще бо кто молитву сию Иисусову требуя ея глаголет, яже из ноздрей дыхание...»;

Л. 19об–21. «Како о малых гресех истязани будем. Святыи Иоанн Златоуст, Деяния, 17». Нач.: «Чисты убо от ярости да будем, не живет бо дух святыи тамо, где ярость...» (и др. выписки о том же из Сираха, священноинока Дорофея, бесед апостольских, Альфы и омеги, Патерика, Пролога, Евангелия толкового);

Л. 21об пуст.

Список литературы

- Бенчев И. Икона Богоматери Троеручицы в Хиландарском монастыре на Афоне // Византия и византийские традиции. Сб. науч. тр., посвященный XIX Международному конгрессу византинистов. Копенгаген 18–24 августа. СПб., 1996. С. 175–183. URL: http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=41 (дата обращения: 17.06.2015).
- Болонев Ф. Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1985. 144 с.
- Буфеев К. О святом мученике Уаре и церковной молитве за неправославных // Благодатный огонь. М., 2004. № 12. URL: http://blagogon.ru/articles/213/#_ftnref1 (дата обращения: 23.06.2015).
- В той же день страсть святого мученика Уара и с ним седми учитель христианских // Пролог, первая половина (сентябрь – февраль). М.: Печатный двор, 1642. Л. 223–224 (под 19 октября). Воспроизведение: Соборник. URL: <http://sobornik.ru/text/prolog/prolog09–11/page/prolog10–19.htm> (дата обращения: 23.06.2015).
- Вознесенский А. В. Канонник как тип книги у старообрядцев // Тр. отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. XLVIII. С. 355–368.
- Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев: Наукова думка, 1989. 216 с.
- Дмитриева Н. «О Тебе радуется!». Чудотворные иконы Божией Матери. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 432 с. URL: <http://hgrampt.org/icon/> (дата обращения: 23.06.2015).
- Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. 414 с.
- Дутчак Е. Е. «Мы здесь живем и молимся за весь мир...»: повседневность таежной пустыни в личных историях ее насельников // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива): коллект. монография / под ред. Е. Б. Смилянкой. М.: Индрик, 2012. С. 207–211.
- Есипова В. А. Анализ репертуара и владельческих записей на книгах из библиотеки старообрядцев-странников // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. (Серия «Книга и литература»). Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 315–320.
- Есипова В. А. «Раскольничья» библиотека Томской духовной семинарии // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 17–25.
- Казанцева Т. Г., Мурашова Н. С., Светлова О. А. Традиции духовного пения в культуре старообрядцев Алтая. (Сер. «Православная культура Сибири»). Новосибирск: Наука, 2002. 494 с. URL: <http://altaistarover.ru/articles/history/39-starobryadtsy-altaya-t-g-kazantseva-n-s-murashova-i-dg> (дата обращения: 24.06.2015).
- Канон ангелу-хранителю и избранные тропари. XIX в. (втор. пол.). 24 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5355.
- Канон Богородице Троеручице. XX в. (сер. – втор. пол.). 8 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.348.
- Канон Паисию (фрагмент). XX в. (нач.). 6 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.347.
- Канон Св. Ангелу хранителю // Филарет (Гумилевский), архиепископ. Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви: (Репринтное издание). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. С. 324–328.
- Канонник. XVII в. (втор. пол.). 344 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-24.930.
- Канонник. XVIII в. (70-е гг.). 32 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5372.
- Канонник. XVIII в. (конвюлет 30–70-е гг.). 192 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5354.
- Канонник. XIX в. (30-е гг.). 98 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5398.
- Канонник. XIX в. (50-е гг.) А. 241 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5621.
- Канонник. XIX в. (50-е гг.) Б. 38 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-23.607.
- Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) А. 288 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5345.
- Канонник. XIX в. (50–60-е гг.) Б. 89 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5585.
- Канонник. XIX в. (60-е гг.) А. 273 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5433.
- Канонник. XIX в. (60-е гг.) Б. 478 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5444.
- Канонник. XIX в. (60-е гг.) В. 238 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.115.
- Канонник. XIX в. (60–70-е гг.). 375 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5516.
- Канонник. XIX в. (60–80-е гг.). 217 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5447.
- Канонник. XIX в. (втор. пол.) А. 475 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.417.
- Канонник. XIX в. (втор. пол.) Б. 114 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5664.
- Канонник. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.). 64 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.736.
- Канонник. XIX в. (нач.). 146 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5713.
- Канонник. XIX в. (перв. пол.). 118 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5400.
- Канонник. XIX в. (сборная рукопись, 20–50-е гг.). 121 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5623.

- Канонник. XX в. (нач.) А. 65 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5705.
- Канонник. XX в. (нач.) Б. 102 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.408.
- Канонник. XX в. (нач.) В. 157 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-27.104.
- Канонник. XX в. (нач.) Г. 94 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5706.
- Канонник. XX в. (нач.) Д. 151 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.412.
- Канонник с дополнительными статьями. XIX в. (сборная рукопись 30–40-х гг. – сер. XIX в.). 116 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-8488.
- Канонник с дополнительными статьями уставного и житийного характера. XVIII в. (кон.). – XIX в. (нач.). 365 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5542.
- Канонник (фрагмент). XIX в. (нач.). 7 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-9528.
- Каноны Богородице Владимирской и мученику Уару. XX в. (нач.). – ОРКП НБ ТГУ. В-27.441.
- Каноны мученику Уару и Богородице Троеручице. XX в. (70-е гг.). 18 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-27.400.
- Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX века / Каталог. Сост. А. В. Вознесенский. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 160 с.
- Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб.: Тип. Имп. АН, 1902. 312 с., 49 фототип.
- Лазарев В. Н. Групповой портрет семейства Ярослава // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись: статьи и исследования. М., 1970. С. 27–54.
- Липатов В. В. Глухая Мята // Липатов В. В. Повести. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 271–458.
- Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начала XX в. М.: Наука, 1996. 269 с.
- Мацукевич А. Святой Уар: единственный святой, которому молятся о неверующих и некрещеных. М.: Эксмо, 2013. 192 с. URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=281361&pages=4> (дата обращения: 23.06.2015).
- Мекш Э. Б. Мир староверческих икон. Образ Богородицы Троеручицы (генезис и традиции) // Щит веры. Даукавилс, 2005. № 2. URL: <http://www.staroverec.lv/schit-very-%E2%84%962-13-aprel-2005-goda> (дата обращения: 15.06.2015)
- Михаил (Воробьев) (священник). Сюжетное многообразие старообрядческого медного литья II: Образ Пресвятой Богородицы // Православие и современность. Саратов, 2008. № 9. URL: http://www.olevs.ru/novgorodskoe_litje/static/starinnij_obraz_mednyj_2/ (дата обращения: 15.06.2015).
- Николай (епископ Балашихинский). Заметка об иконографии праздника Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня // Клин православный. URL: http://www.pravklin.ru/publ/pervyj_spas_chast_1/9-1-0-1903 (дата обращения: 26.06.2015).
- Николай (Погребняк) (протоиерей). Иконография чрезвычайных ситуаций // Московские епархиальные ведомости. М., 2007. № 7–8. URL: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/2/425/> (дата обращения: 17.06.2015).
- Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Освоение Сибири и старообрядчество // Страницы экономической истории России. ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. Новосибирск, 2011. № 2. С. 168–184.
- Починская И. В. Описание изданий // Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX веков. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 184 с.
- Правило келейное и Служба пред Господом Исусом Христом. XIX в. (50–70-е гг.). 59 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5592.
- Пролог. Июнь – август. 1898 г. 351 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-24.640.
- Псалтирь. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.). 220 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5269.
- Псалтирь с воследованием. XIX в. (50–60-е гг.). 501 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5357.
- Псалтирь с воследованием. 1928–1929 гг. 537 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-27.169.
- Рождественская М. В., Мещерская Е. Н., Турилов А. А., Агеева Е. А. Апокрифы // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. III. 752 с. URL: <http://www.pravenc.ru/text/75608.html> (дата обращения: 23.06.2015).
- Сазонова Е. И. Мир вещей ростовского обывателя XIX в.: домашние иконы // История и культура ростовской земли. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1996. С. 185–193. URL: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/138> (дата обращения: 17.06.2015).
- Сборник выписок из Патерика с дополнительными статьями. XIX в. (40–50-е гг.). 222 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5714.
- Сборник выписок из Устава, Канонника и месяцеслова. XIX в. (втор. пол.). 97 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5366.
- Сборник канонов старообрядческий. XIX в. (кон.) – XX (нач.). 33 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-27.396.
- Сборник-конволют старообрядческий. 1921 г. 113 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-27.503.
- Сборник молитв и песнопений (не нотирован). Конволют XIX в. (пер. пол. – 60-е гг.). 82 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5660.
- Сборник молитвенного характера. XIX в. (втор. пол.). 77 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5877.
- Сборник об иконах и иконопочитании (конволют?). XIX в. (80–90-е гг.). 97 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5520.
- Сборник песнопений на крюковых нотах (отрывки из Обихода и Праздников). XIX в. (50–60-е гг.). 95 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5405.
- Сборник старообрядческий богослужебного характера. XX в. (нач.). 136 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-18.212.
- Сборник старообрядческий богослужебно-уставного характера. XIX в. (50-е гг.). 86 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5176.
- Сборник старообрядческий молитвенный. XX в. (нач.). 74 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.906.

- Сборник старообрядческий молитв и канонов. Рукопись-конволют XVIII в. (нач.) – XIX в. (кон.). 124 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5408.
- Сборник старообрядческий служебно-поучительного характера. XIX в. (втор. пол.). 97 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-8629.
- Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.). 214 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-20.317.
- Сборник тропарей и кондаков. XIX в. (50-е гг.). 78 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5593.
- Скогоров А. П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб.: Алетея, 2000. 480 с. URL: <http://www.krotov.info/acts/02/03/pavel.htm> (дата обращения: 23.06.2015)
- Служба ангелу-хранителю и Канон за болящего. XIX в. (80–90-е гг.). 30 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5562.
- Спасский Г. Нечто о русских в Сибири старожилах // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 1. С. 120–127.
- Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М.: Издательский совет РПЦ, 2008. 508 с. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/17649> (дата обращения: 26.06.2015.).
- Старообрядческий сборник выписок из Устава и Требника. XVIII в. (60–70-е гг.). 229 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5462.
- Старообрядческий сборник песнопений. XX в. (10–20-е гг.). 114 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-27.069.
- Старообрядческое сочинение-компиляция о крещении. XIX в. (60–70-е гг.). 57 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.132.
- Старухин Н. А. Старообрядчество. Алтайский край // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 50. URL: <http://www.pravenc.ru/text/115126.html> (дата обращения: 24.06.2015.).
- Степаненко В. П. К реконструкции ктиторской композиции Софии Киевской // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2013. Вып. 41. С. 169–177. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25656/1/adsv-41-15.pdf> (дата обращения: 17.06.2015).
- Тропарь и канон усекновению главы Иоанна Предтечи. XIX в. (20-е гг.). 20 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5657.
- Триодь цветная. XIX в. (50–60-е гг.). 149 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-24.641.
- Устав. XIX в. (50-е гг.) А. 225 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5438.
- Устав. XIX в. (50-е гг.) Б. 88 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5467.
- Устав. 1856 г. 319 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.122.
- Фурсова Е. В. Традиционная одежда русских крестьян старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1997. 152 с.
- Цветник. XIX в. (сер.). 239 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5343. Часовник. XVIII в. (70-е гг.). 204 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.671.
- Часовник. XVIII в. (нач.). 209 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5555.
- Часовник. XIX в. (сер.). 128 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5631.
- Часовник. XIX в. (кон.). 379 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-20.313.
- Часовник. XX в. (нач.). 179 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-26.420.
- Часовник (фрагмент: келейное правило и канон). XIX в. (50–60-е гг.). 54 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-8544.
- Чин погребения с дополнительными статьями. XIX в. (нач.). 58 л. – ОРКП НБ ТГУ. В-5497.
- Швецова М. Поляки Змеиногорского округа // Записки Зап.-Сиб. отд-ния Имп. РГО. Омск, 1899. Кн. XXVI. 76 с.
- Щербакова О. С. Фольклорно-этнографические и песенные традиции русских Алтая: учебное пособие и хрестоматия. В 2 ч. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2005. Ч. 1. 188 с.
- Юхименко Е. М. Емельянов Василий // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/189925.html> (дата обращения: 26.06.2015).
- Яковлев Я. А. Тогур. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. 166 с.

Сокращения

АлтГАКИ	Алтайская государственная академия культуры и искусств
АН	Академия наук
втор. пол.	вторая половина
ГМЗ	Государственный музей-заповедник
д.	деревня
Зап.-Сиб.	Западно-Сибирский (-ая, -ое)
ИАЭ СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
изд-во	издательство
Имп.	Императорский (-ая, -ое)
ин-т	институт
кн.	книга, книжное (в зависимости от контекста)
л.	лист, листы
М.	Москва
нач.	начало

НБ ТГУ	Научная библиотека Томского государственного университета
нн	нenumерованные
обл.	область
ок.	около
ОРКП	отдел рукописей и книжных памятников
отд-ние	отделение
п.	поселок
перв. пол.	первая половина
пол.	половина
РГО	Русское географическое общество
рис.	рисунок
р-н	район
р. п.	рабочий поселок
с.	страница
сер.	серия, середина (в зависимости от контекста)
сб. науч. тр.	сборник научных трудов
СПб.	Санкт-Петербург
т.	том
тип.	типография
тр.	труды
ум.	умер
ун-т	университет
ч.	часть

Есипова В. А., доктор исторических наук, зав. сектором изучения фонда.

Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

Пр. Ленина, 34а, Томск, Россия, 634050.

E-mail: esipova_val@mail.ru

Яковлев Я. А., советник государственной гражданской службы ХМАО – Югры 1-го класса, старший инспектор.

Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Ул. Ленина, 40, Ханты-Мансийск, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Россия, 628011.

E-mail: JakovJakovlev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 августа 2015.

Esipova V. A., Yakovlev Y. A.

THE STORY OF ONE PEASANT FAMILY AND OLD BELIEVER MANUSCRIPTS OF THE LATE XX CENTURY: RECENT ACQUISITIONS OF RARE BOOKS AND MANUSCRIPTS DEPARTMENT OF TOMSK STATE UNIVERSITY RESEARCH LIBRARY

The article reviews a history of an old believer's family, residing in the territory of Altai and exiled to the Tomsk region in the 1930s. The biographies of family members were reconstructed. One of the representatives of the family – E. A. Yakovleva – wrote several manuscripts in the 1980s., which are stored now in Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library (ORKP NB TGU). The manuscripts were analyzed from the paleographical point of view and in terms of content as well. It was found that E. A. Yakovleva's manuscripts includes mainly liturgical texts, mostly canons. A comparison was accomplished between E. A. Yakovleva's manuscripts and other manuscripts from ORKP. In particular, manuscripts of Skitskaia library (old believers of the north of Tomsk region) and "raskol'nichia" library of Tomsk seminary were involved. Catalogs of old believer's editions of XVIII–XIX were also used for analysis. It is concluded that the formation of text's corpus under studying was occurred not earlier than the beginning of XIX century. Paleographical descriptions of E. A. Yakovleva's manuscripts are presented in the annex to the article.

Key words: *old believers, special resettlement, book history, paleography, codicology, Book of Canons, Tomsk region, Altay region.*

Reference

Benchev I. Ikona Bogomateri Troeruchicy v Hilendarskom monastyre na Afone [Icon of the holly mother in Hilandar monastery in Athos]. *Vizantija i vizantijskie tradicii*. Sb. науч. тр., posvjashjonnyj XIX Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. Kopenhagen 18–24 avgusta. St. Petersburg, 1996. S. 175–183. URL: http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=41 (Accessed: 17 June 2015).

- Bolonev F. F. *Semejskie. Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [Semejskie. Historical-ethnographic reports]. Ulan-Udje: Burjatskoe kn. izd-vo Publ., 1985. 144 s.
- Bufeev K. O svjatom muchenike Uare i cerkovnoj molitve za nepravoslavnyh [On the saint martyr Uar and the prayer for non-orthodox]. *Blagodatnyj ogon'*. Moscow, 2004, no. 12. URL: http://blagogon.ru/articles/213/#_ftnref1 (Accessed: 23 June 2015).
- V toj zhe den' strast' svjatago muchenika Uara i s nim sedmi uchitel' hristijanskih [On the day the passion of the saint martyr Uar and with him of the seven Christian teachers]. *Prolog, pervaja polovina (sentjabr' – fevral')*. Moscow, Pечатnyj dvor Publ., 1642. L. 223–224 (pod 19 oktjabrja. Vosproizvedenie: Sobornik). URL: <http://sobornik.ru/text/prolog/prolog09–11/page/prolog10–19.htm> (Accessed: 23 June 2015).
- Voznesenskij A. V. Kanonnik kak tip knigi u staroobradcev [Canonic as a type of book in old-believers]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury In-ta russkoj literatury RAN*. St. Petersburg. Dmitrij Bulanin, 1993. T. XLVIII. Pp. 355–368.
- Vysockij S. A. *Svetskie freski Sofijskogo sobora v Kieve* [Secular frescoes of the Sofia cathedral in Kiev]. Kiev, Naukova dumka, 1989. 216 s.
- Dmitrieva N. "O Tebe raduetsja!". *Chudotvornye ikony Bozhiej Materi* ["Joyful for you". Miraculous icons of Mother of Lord]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyra Publ., 2007. 432 s. URL: <http://hrampm.org/icon/> (Accessed: 23 June 2015).
- Dutchak E. E. Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptacionnye vozmozhnosti tajozhnyh obshhin staroverov-strannikov (vtoraja polovina XIX – nachalo XXI v.) ["Babilona" in "Belovodie": adaptive capacities of taiga forest communities of oldbelievers]. Tomsk, 2007. 414 p.
- Dutchak E. E. "My zdes' zhivjom i molimsja za ves' mir...": povsednevnost' tajozhnoj pustyni v lichnyh istorijah ejo nasel'nikov. ["We live here and pray for the whole world...": day-to-day taiga forest dessert in personal stories of its inhabitants] *O svoej zemle, svoej vere, nastojashhem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniju biograficheskogo i religioznogo narrativa): kolekt. monografija* / Pod red. E. B. Smiljanskoj. Moscow, Indrik Publ., 2012. S. 207–211.
- Esipova V. A. Analiz repertuara i vladel'cheskih zapisej na knigah iz biblioteki staroobradcev-strannikov [Analysis of the repertoire and ownership records on books from the library of oldbeliever travelers]. *Drevnerusskoe duhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamjatnikov tradicionnoj russkoj knizhnosti na vostoke Rossii. (Serija "Kniga i literatura")*. Novosibirsk, 2008. T. 1. Pp. 315–320.
- Esipova V. A. "Raskol'nich'ja" biblioteka Tomskoj duhovnoj seminarii ["Raskolnik's" library of Tomsk seminary]. *Iz istorii knizhnyh fondov biblioteki Tomskogo universiteta*. Tomsk, 1998. Vyp. 3. Pp. 17–25.
- Kazanceva T. G., Murashova N. S., Svetlova O. A. *Tradicii duhovnogo penija v kul'ture staroobradcev Altaja* [Traditions of spiritual singing in the culture of oldbelievers]. Novosibirsk: Nauka, 2002. (Ser. "Pravoslavnaja kul'tura Sibiri"). 494 p. URL: <http://altaistarover.ru/articles/history/39-starobryadtsy-altaya-t-g-kazantseva-n-s-murashova-i-dr> (Accessed: 24 June 2015).
- Kanon angelu-hranitelju i izbrannye tropari* [Canon for guardian angel and selected prayers]. XIX v. (vtor. pol.). 24 l. – ORKP NB TGU. V-5355.
- Kanon Bogorodice Troeruchice* [Canon for Mother of Lord]. XX v. (ser. – vtor. pol.). 8 l. – ORKP NB TGU. V-26.348.
- Kanon Paisiju (fragment)* [Canon for Paisij (fragment)]. XX v. (nach.). 6 l. – ORKP NB TGU. V-26.347.
- Kanon Sv. Angelu hranitelju* [To the guardian angel] // Filaret (Gumiljovskij), arhiepiskop. *Istoricheskij obzor pesnopencev i pesnopenij grecheskoj cerkvi: (Reprintnoe izdanie)*. Svjato-Troickaja Sergieva Lavra, 1995. Pp. 324–328.
- Kanonnik*. XVII v. (vtor. pol.). 344 l. – ORKP NB TGU. V-24.930.
- Kanonnik*. XVIII v. (70-e gg.). 32 l. – ORKP NB TGU. V-5372.
- Kanonnik*. XVIII v. (konvoljut 30–70-e gg.). 192 l. – ORKP NB TGU. V-5354.
- Kanonnik*. XIX v. (30-e gg.). 98 l. – ORKP NB TGU. V-5398.
- Kanonnik*. XIX v. (50-e gg.) A. 241 l. – ORKP NB TGU. V-5621.
- Kanonnik*. XIX v. (50-e gg.) B. 38 l. – ORKP NB TGU. V-23.607.
- Kanonnik*. XIX v. (50–60-e gg.) A. 288 l. – ORKP NB TGU. V-5345.
- Kanonnik*. XIX v. (50–60-e gg.) B. 89 l. – ORKP NB TGU. V-5585.
- Kanonnik*. XIX v. (60-e gg.) A. 273 l. – ORKP NB TGU. V-5433.
- Kanonnik*. XIX v. (60-e gg.) B. 478 l. – ORKP NB TGU. V-5444.
- Kanonnik*. XIX v. (60-e gg.) V. 238 l. – ORKP NB TGU. V-26.115.
- Kanonnik*. XIX v. (60–70-e gg.). 375 l. – ORKP NB TGU. V-5516.
- Kanonnik*. XIX v. (60–80-e gg.). 217 l. – ORKP NB TGU. V-5447.
- Kanonnik*. XIX v. (vtor. pol.) A. 475 l. – ORKP NB TGU. V-26.417.
- Kanonnik*. XIX v. (vtor. pol.) B. 114 l. – ORKP NB TGU. V-5664.
- Kanonnik*. XIX v. (kon.) – XX v. (nach.). 64 l. – ORKP NB TGU. V-26.736.
- Kanonnik*. XIX v. (nach.). 146 l. – ORKP NB TGU. V-5713.
- Kanonnik*. XIX v. (perv. pol.). 118 l. – ORKP NB TGU. V-5400.
- Kanonnik*. XIX v. (sbornaja rukopis', 20–50-e gg.). 121 l. – ORKP NB TGU. V-5623.
- Kanonnik*. XX v. (nach.) A. 65 l. – ORKP NB TGU. V-5705.
- Kanonnik*. XX v. (nach.) B. 102 l. – ORKP NB TGU. V-26.408.
- Kanonnik*. XX v. (nach.) V. 157 l. – ORKP NB TGU. V-27.104.

- Kanonnik*. XX v. (nach.) G. 94 l. – ORKP NB TGU. V-5706.
- Kanonnik*. XX v. (nach.) D. 151 l. – ORKP NB TGU. V-26.412.
- Kanonnik s dopolnitel'nymi stat'jami* [Canonic with supplementary articles]. XIX v. (sbornaja rukopis' 30–40-h gg. – ser. XIX v.). 116 l. – ORKP NB TGU. V-8488.
- Kanonnik s dopolnitel'nymi stat'jami ustavnogo i zhitijnogo haraktera* [Canonic with supplementary articles of charter and daily life character]. XVIII v. (kon.) – XIX v. (nach.). 365 l. – ORKP NB TGU. V-5542.
- Kanonnik (fragment)*. XIX v. (nach.). 7 l. – ORKP NB TGU. V-9528.
- Kanony Bogorodice Vladimirskoj i mucheniku Uaru* [Canons for the Mother of Lord of Vladimir and for the martyr Uar]. XX v. (nach.). – ORKP NB TGU. V-27.441.
- Kanony mucheniku Uaru i Bogorodice Troeruchice* [Canons for the martyr Uar and the Mother of Lord]. XX v. (70-e gg.). 18 l. – ORKP NB TGU. V-27.400.
- Kirillicheskie izdaniya staroobryadcheskih tipografij konca XVIII – nachala XIX veka* [Cyrillic editions of oldbeliever press-houses at the late XVIII – early XIX centuries] / Katalog. Sost. A. V. Voznesenskij. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo un-ta Publ., 1991. 160 p.
- Kondakov N. P. *Pamjatniki hristianskogo iskusstva na Afone* [Artefacts of Christian art in Athos]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1902. 312 p., 49 fototip.
- Lazarev V. N. Gruppovoj portret semejstva Jaroslava [Group portray of Jaroslav's family] // Lazarev V. N. *Russkaja srednevekovaja zhivopis': stat'i i issledovanija*. Moscow, 1970. Pp. 27–54.
- Lipatov V. V. Gluhaja Mjata [Deaf Mjata] // Lipatov V. V. *Povesti*. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1970. Pp. 271–458.
- Lipinskaja V. A. *Starozhily i pereselency. Russkie na Altae XVIII – nachala XX v.* [Old-timers and new-comers. Russian on Altai in XVIII – early XX centuries] Moscow, Nauka Publ., 1996. 269 p.
- Macukevich A. Svjatoj Uar: edinstvennyj svjatoj, ktoromu moljatsja o neverujushhij i nekreshhenyh. Moscow, Jeksmo, 2013. 192 s. URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=281361&pages=4> (Accessed: 23 June 2015).
- Meksh Je.B. Mir starovercheskih ikon. Obraz Bogomateri Troeruchicy (genezis i tradicii) [The world of old-believers icons. The image of the Mother of Lord] // Shhit very. Daukavpils, 2005. № 2. URL: <http://www.staroverec.lv/schit-very-%E2%84%962-13-aprel-2005-goda> (Accessed: 15 June 2015).
- Mihail (Vorobj'ov) (svjashhennik) [Mikhail (Vorobiev) (the priest)]. Sjuzhetnoe mnogoobrazie staroobryadcheskogo mednogo lit'ja II: Obraz Presvjatoj Bogorodicy. *Pravoslavie i sovremennost'*. Saratov, 2008, no. 9. URL: http://www.olevs.ru/novgorodskoe_litje/static/starinnyj_obraz_mednyj_2/ (Accessed: 15 June 2015).
- Nikolaj (episkop Balashihinskij) [Nikolay (archbishop of Balashiha)]. Zametka ob ikonografii prazdnika Proishozhdenija chestnyh drev Zhivotvorjashhego Kresta Gospodnja // Klin pravoslavnyj. URL: http://www.pravklin.ru/publ/pervyj_spas_chast_1/9-1-0-1903 (Accessed: 26 June 2015).
- Nikolaj (Pogrebnyak) (protoierej) [Nikolay (Pogrebjak)]. Ikonografija chrezvychajnyh situacij. *Moskovskie eparhial'nye vedomosti*. Moscow, 2007. № 7–8. URL: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/2/425/> (Accessed: 17 June 2015).
- Pokrovskij N. N., Zol'nikova N. D. Osvoenie Sibiri i staroobryadchestvo. *Stranicy jekonomicheskoi istorii Rossii* [Exploration of Siberia and oldbelievers. Chapters of the economic history of Russia]. JeKO: Jekonomika i organizacija promyshlennogo proizvodstva. Novosibirsk, 2011, no. 2. Pp. 168–184.
- Pochinskaja I. V. Opisanie izdanij // Pochinskaja I. V. *Staroobryadcheskoe knigopechatanie XVIII – pervoj chetveri XIX vekov* [Description of editions. Oldbeliever book editing in XVIII – early XIX centuries]. Ekaterinburg: UrO RAN, 1994. 184 p.
- Pravilo kelejnoe i Sluzhba pred Gospodom Isusom Hristom*. XIX v. (50–70-e gg.). [Cloister rules and Sermon for the Lord Jesus Christ]. 59 l. – ORKP NB TGU. V-5592.
- Prolog*. Ijun' – avgust. 1898 g. 351 l. – ORKP NB TGU. V-24.640.
- Psaltir'* [Psalm book]. XIX v. (kon.) – XX v. (nach.). 220 l. – ORKP NB TGU. V-5269.
- Psaltir' s vossledovaniem* [Psalm book with afterword]. XIX v. (50–60-e gg.). 501 l. – ORKP NB TGU. V-5357.
- Psaltir' s vossledovaniem* [Psalm book with afterword]. 1928–1929 gg. 537 l. – ORKP NB TGU. V-27.169.
- Rozhdestvenskaja M. V., Meshherskaja E. N., Turilov A. A., Ageeva E. A. Apokryfy // *Pravoslavnaia jenciklopedija*. [Apocrypha. In: Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Cerkovno-nauchnyj centr "Pravoslavnaia jenciklopedija", 2001. T. III. 752 s. URL: <http://www.pravenc.ru/text/75608.html> (Accessed: 26 June 2015).
- Sazonova E. I. Mir veshhej rostovskogo obyvatelja XIX v.: domashnie ikony // *Istorija i kul'tura rostovskoj zemli* [The universe of belongings of a Rostov dweller of the XIX century.: house icons. In: History and culture of Rostov]. Rostov, GMZ "Rostovskij kremi'", 1996. S. 185–193. URL: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/138> (Accessed: 17 June 2015).
- Sbornik vypisok iz Paterika s dopolnitel'nymi stat'jami* [Collection of notes for Patericon with supplementary articles]. XIX v. (40–50-e gg.). 222 l. – ORKP NB TGU. V-5714.
- Sbornik vypisok iz Ustava, Kanonnika i mesjaceslova* [Collection of notes for the Charter, canonic and menology]. XIX v. (vtor. pol.). 97 l. – ORKP NB TGU. V-5366.
- Sbornik kanonov staroobryadcheskij* [Collection of canons of oldbelievers]. XIX v. (kon.) – XX (nach.). 33 l. – ORKP NB TGU. V-27.396.

- Sbornik-konvoljut staroobryadcheskiy* [Convolute collection of oldbelievers]. 1921 g. 113 l. – ORKP NB TGU. V-27.503.
- Sbornik molitv i pesnopenij (ne notirovan)* [Collection of prayers and songs (not annotated)]. Konvoljut XIX v. (per. pol. – 60-e gg.). 82 l. – ORKP NB TGU. V-5660.
- Sbornik molitvennogo haraktera* [Collection of prayer type]. XIX v. (vtor. pol.). 77 l. – ORKP NB TGU. V-5877.
- Sbornik ob ikonah i ikonopochitanii (konvoljut?)* [Collection on icons and icon worship]. XIX v. (80–90-e gg.). 97 l. – ORKP NB TGU. V-5520.
- Sbornik pesnopenij na krjukovyh notah (otryvki iz Obihoda i Prazdnikov)* [Collection of songs in hook music notation]. XIX v. (50–60-e gg.). 95 l. – ORKP NB TGU. V-5405.
- Sbornik staroobryadcheskij bogoslužebnogo haraktera* [Collection of oldbeliever sermons]. XX v. (nach.). 136 l. – ORKP NB TGU. V-18.212.
- Sbornik staroobryadcheskij bogoslužebno-ustavnogo haraktera* [Collection of oldbeliever sermons and charters]. XIX v. (50-e gg.). 86 l. – ORKP NB TGU. V-5176.
- Sbornik staroobryadcheskij molitvennyj* [Collection of oldbeliever prayers]. XX v. (nach.). 74 l. – ORKP NB TGU. V-26.906.
- Sbornik staroobryadcheskij molitv i kanonov. Rukopis'-konvoljut XVIII v. (nach.) – XIX v. (kon.)* [Collection of oldbeliever prayers and canons. Manuscript of convolutes]. 124 l. – ORKP NB TGU. V-5408.
- Sbornik staroobryadcheskij sluzhebno-pouchitel'nogo haraktera* [Collection of oldbeliever service and education texts]. XIX v. (vtor. pol.). 97 l. – ORKP NB TGU. V-8629.
- Sbornik staroobryadcheskij smeshannogo sodержanija* [Collection of oldbeliever texts of mixed content]. XIX v. (kon.) – XX v. (nach.). 214 l. – ORKP NB TGU. V-20.317.
- Sbornik troparej i kondakov* [Collection of tropar and kontakia]. XIX v. (50-e gg.). 78 l. – ORKP NB TGU. V-5593.
- Skogorev A. P. *Apokrificheskie dejaniya apostolov. Arabskoe Evangelie detstva Spasitelja. Issledovanija. Perevody. Kommentarii* [Apocrypha dids of apostols. Araic Evangelics on Savior's childhood. Studies. Translations. Comments]. St. Petersburg, Aleteja, 2000. 480 s. URL: <http://www.krotov.info/acts/02/03/pavel.htm> (Accessed: 23 June 2015).
- Sluzhba angelu-hranitelju i Kanon za boljashhego* [Sermon for guardian angel and canon for the ill]. XIX v. (80–90-e gg.). 30 l. – ORKP NB TGU. V-5562.
- Spasskij G. Nechto o russkikh v Sibiri starozhilah [On the Russian oldbelievers in Siberia]. *Sibirskij vestnik*. St. Petersburg, 1818. Ch. 1. S. 120–127.
- Spasskij F. G. *Russkoe liturgicheskoe tvorčestvo* [Russian liturgic art]. Moscow, Izdatel'skij sovet RPC Publ., 2008. 508 p. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/17649> (Accessed 26 June 2015).
- Staroobryadcheskij sbornik vypisok iz Ustava i Trebnika* [Oldbeliever collection of notes from the Charter and Ritual]. XVIII v. (60–70-e gg.). 229 l. – ORKP NB TGU. V-5462.
- Staroobryadcheskij sbornik pesnopenij* [Oldbeliever song collection]. XX v. (10–20-e gg.). 114 l. – ORKP NB TGU. V-27.069.
- Staroobryadcheskoe sočinenie-kompiljacija o kreshhenii* [Oldbeliever compilation editions on baptism. XIX century]. XIX v. (60–70-e gg.). 57 l. – ORKP NB TGU. V-26.132.
- Staruhin N. A. *Staroobryadčestvo. Altajskij kraj // Pravoslavnaja jenciklopedija* [Oldbelievers. Altai region. In: Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Cerkovno-nauchnyj centr "Pravoslavnaja jenciklopedija", 2001. T. 2. S. 50. URL: <http://www.pravenc.ru/text/115126.html> (Accessed: 24 June 2015).
- Stepanenko V. P. *K rekonstrukcii ktitorskoj kompozicii Sofii Kievskoj // Antichnaja drevnost' i srednie veka* [On reconstruction of ktitoric composition in Sofia n Kiev. In: Antiquity and medieval centuries]. Ekaterinburg, 2013. Vyp. 41. S. 169–177. URL: <http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/25656/1/adsv-41-15.pdf> (Accessed: 17 June 2015).
- Tropar' i kanon useknoveniju glavy loanna Predtechi* [Tropar and canon on beheading of John the Baptist]. XIX v. (20-e gg.). 20 l. – ORKP NB TGU. V-5657.
- Triod' cvetnaja* [Lenten in color]. XIX v. (50–60-e gg.). 149 l. – ORKP NB TGU. V-24.641.
- Ustav* [Charter]. XIX v. (50-e gg.) A. 225 l. – ORKP NB TGU. V-5438.
- Ustav* [Charter]. XIX v. (50-e gg.) B. 88 l. – ORKP NB TGU. V-5467.
- Ustav* [Charter]. 1856 g. 319 l. – ORKP NB TGU. V-26.122.
- Fursova E. V. *Tradicionnaja odezhda russkikh krest'jan starozhilov Verhnego Priob'ja (konec XIX – nachalo XX v.)* [Traditional clothing of Russian peasants - oldbelievers of Upper Trans-Ob region (late XIX - early XX centuries)]. Novosibirsk: IAJe SO RAN, 1997. 152 p.
- Cvetnik*. XIX v. (ser.). 239 l. – ORKP NB TGU. V-5343.
- Chasovnik* [Breviary]. XVIII v. (70-e gg.). 204 l. – ORKP NB TGU. V-26.671.
- Chasovnik* [Breviary]. XVIII v. (nach.). 209 l. – ORKP NB TGU. V-5555.
- Chasovnik* [Breviary]. XIX v. (ser.). 128 l. – ORKP NB TGU. V-5631.
- Chasovnik* [Breviary]. XIX v. (kon.). 379 l. – ORKP NB TGU. V-20.313.
- Chasovnik* [Breviary]. XX v. (nach.). 179 l. – ORKP NB TGU. V-26.420.
- Chasovnik (fragment: kelejnoe pravilo i kanon)* [Breviary (fragment: cloister rules and canon)]. XIX v. (50–60-e gg.). 54 l. – ORKP NB TGU. V-8544.

Chin pogrebenija s dopolnitel'nymi stat'jami [Burial rites with supplementary articles]. XIX v. (nach.). 58 l. – ORKP NB TGU. V-5497.

Shvecova M. Poljaki Zmeinogorskogo okruga [Poles of Zmeinogorsk district]. *Zapiski Zap. – Sib. otd-nija Imp.* RGO. Omsk, 1899. Kn. XXVI. 76 p.

Shherbakova O. S. *Fol'klorno-jetnograficheskie i pesennye tradicii russkih Altaja: Uchebnoe posobie i hrestomatija* [Folklore-ethnographic and song traditions of Russians in Altai]. V. 2 ch. Barnaul, Izd-vo AltGAKI Publ., 2005. Ch. 1. 188 p.

Juhimenko E. M. Emel'janov Vasilij. *Pravoslavnaja jenciklopedija* [Emeljanov Vasilij. Orthodox encyclopedia]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/189925.html> (Accessed: 26 June 2015).

Jakovlev Ja.A. *Togur* [Togur]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1993. 166 p.

Esipova V. A.

Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library.

Pr. Lenina, 34a, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: esipova_val@mail.ru

Yakovlev Y. A.

State Service of Cultural Heritage Objects Protection of Khanty-Mansiyski Autonomous Area –Yugra.

Ul. Lenina, 40, Khantu-Mansyisk, Tumen' region, Khantu-Mansyisk autonomic district – Ugra, Russia, 628011.

E-mail: JakovJakovlev@mail.ru

Тучков А. Г.

МУКА И ХЛЕБ В КУЛЬТУРЕ СЕЛЬКУПОВ

На широком фактическом материале рассматривается вопрос о вхождении в культуру селькупов муки и хлеба в качестве продуктов питания. Проводится сравнительный кросскультурный анализ способов использования муки и изготовления хлеба: сведения от селькупов сравниваются с данными, собранными у народов, проживающих на сопредельных территориях – васюганских, ваховских, юганских хантов, северных (тазовских) селькупов, кетов, ненцев и других народов Западной Сибири. Результатом исследования стали следующие выводы: во-первых, широкое проникновение хлеба в культуру селькупов относится к периоду заселения Нарымского края русскими (XVII в.); во-вторых, появившийся как инновация хлеб со временем занял прочное место в системе их традиционной культуры – производственной, жизнеобеспечивающей, соционормативной.

Ключевые слова: мука, хлеб, традиционная культура, система питания, хлебная печь, подовый хлеб, среднеобские селькупы, васюганско-ваховские ханты.

Если спросить любого современного представителя селькупского этноса, что вы умеете готовить из муки, каждый, практически не задумываясь, назовет несколько хлебных изделий, и прежде всего, вероятно, упомянет пирог с рыбой. Потребление хлеба в различных вариантах его приготовления воспринимается сегодня как неотъемлемая, глубоко традиционная составная часть селькупской системы питания. Однако на первых порах знакомства селькупов с хлебом (кон. XVI – нач. XVII в.) как с продуктом питания хлеб, будучи одним из основных элементов культуры русского этноса, не занимал в их среде сколько-нибудь значительного положения. Хлеб для них в тот период выступал как внешняя инновация, которая была привнесена в пространство их собственных культурных традиций.

Однако уже в XIX в. хлеб из муки злаковых растений¹ смог занять важное и прочное место практически во всех сферах культуры селькупского этноса – производственной, жизнеобеспечивающей, соционормативной, став со временем необходимым продуктом (в отличие, например, от хлебопашества, которое не прижилось в культуре селькупов; подробнее о земледелии и хлебопашестве у селькупов см.: Тучков, 2014).

Знакомство среднеобских селькупов с хлебом следует отнести к началу освоения региона русским населением. Исследователи селькупской истории и этнографии отмечали, что хлеб был заимствован ими, как и целым рядом других народов Сибири, у русских² (Миллер, 2009: 269; Кастрен, 1999. Т. 2: 132; Карьялайнен, 1996: 138).

Самое раннее свидетельство об относительно регулярном поступлении хлеба (муки) селькупам приводит А. Ф. Плотников, отметивший, что еще в 1610 г. князец Верхне-Подгородной волости (в то время она называлась Нарымская Верхняя) Тайбохта Вонин за свою службу русскому государству был «пожалован» 4 четвертями муки и 1 пудом соли (Плотников, 1901: 166). Хлебные ссуды («неокладные хлебные расходы») в качестве «временной подмоги» выдавались коренному населению в течение всего XVII века³. (Шунков, 1956: 304). Необходимо также добавить, что через земли кетских селькупов по р. Кеть в XVII в. русские возили на баржах хлеб (муку) из Тобольска для Томска и Кузнецка (Шунков, 1956: 308), и можно предположить, что какая-то его часть поступала и к жителям Кети.

Факт распространения хлеба в селькупской среде с приходом русских отразился и в селькупском фольклоре. В сказке про крота и кротиху, записанную Ю. А. Моревым в пос. Нельмач, два русских рыбака угощают бабушку-кротиху хлебом: «...Вот старуха заплакала, опечалилась – как я теперь жить буду одинокая? ...Сидит, плачет, горюет. Вот два каких-то русских рыбака заходят. „А что, бабушка, пла-

¹ Злаки (лат. Gramineae), или Мятликовые (лат. Poaceae) – семейство однодольных растений, к которым относятся такие известные и давно используемые в хозяйстве многих народов мира растения, как пшеница, рожь, овес, рис, кукуруза, ячмень, просо, бамбук, сахарный тростник (БЭС, 1994: 463).

Мука – 1) пищевой продукт, полученный размолом до порошкового состояния зерен различных, преимущественно злаковых, растительных культур; 2) измельченные в порошок вещества минерального, растительного или животного происхождения (БЭС, 1994: 848). Хлеб – пищевой продукт, получаемый путем выпечки, паровой обработки или жарки теста, состоящего как минимум из муки и воды. В большинстве случаев добавляется соль, а также используется разрыхлитель – дрожжи... Содержит до 56 % углеводов (в основном крахмал) (БЭС, 1994: 1456-1457).

² Существует, однако, и альтернативная точка зрения: М. Б. Шатилов, опираясь на мнение С. Патканова, считал, что ваховские ханты хлеб, как и само слово «няй», заимствовали у зырян ещё до прихода в Сибирь русских (Шатилов, 1931: 63).

³ Можно предположить, что продолжением данной политики государства стала организация в местах компактного проживания коренных этносов Сибири, в частности в Нарымском крае, хлебозапасных магазинов.

чешь?« „Я плачу – мой старик пошел что-нибудь поискать и сам там умер. Теперь я как жить стану?“. „Старуха, не печалься, не плач, поди как-нибудь проживешь“. Эти два русских хлеба дали ей, какую-то краюшку. Старуха грызла, грызла эту краюшку хлеба. „Что это, губы кусок дали! Сами грызите!“ Прочь забросила. „Сама как-нибудь проживу“» (Сказки народов..., 1981: 124, 125).

С этим фольклорным эпизодом хорошо увязывается одно, широко известное и датированное 1675 г., замечание русского посланника в Китай Н. Спафария о том, что «остяки» Нарымского края к хлебу не приучены: «...соли и хлеба они не знают... А хлебом они не могут жить. А некоторые насытятся хлебом, и те помрут» (Спафарий, 1997: 255).

Стоит отметить, что селькупы достаточно долго не употребляли муку в испеченном виде, т. е. в виде собственно хлеба. В материалах Г. Ф. Миллера по Нарымскому краю отсутствует какое-либо упоминание об употреблении селькупам хлеба в качестве продукта питания; вместе с тем он отмечал использование народами Сибири в качестве продукта именно муку: «Муку все народы, не имеющие хлебопашества, стараются добыть при всяком возможном случае у русских, – писал он. Однако они не пекут из нее хлеб, а варят ее в виде каши, или же в супе вместе с мясом или рыбой...» (Миллер, 2009: 269). Подобные блюда бытовали, например, у хантов на всем протяжении их проживания по Оби и у ненцев Обской губы. Из муки эти народы варили *салым* – похлебку из непросеянной ржаной муки, жидко замешанной на горячей воде, которую заправляли рыбьим жиром (Белявский, 2004: 75, 166). П. А. Словцов также отмечал бытование у ненцев взвара из муки (Словцов, 1886. Кн. I: 4). Не были здесь исключением и среднеобские селькупы, у которых в их пищевой традиции широко бытовали в качестве блюд жидкие и густые мучные каши «*бурдук*» и «*саламаты*» (Кастрен, 1999. Т. 2: 133)⁴.

Данный вид блюд являлся в целом традиционным для всех народов восточнославянской группы, в частности для русских, в пищевом рационе которых мучные супы и каши занимали особое место⁵. Однако здесь нельзя говорить о прямом заимствовании селькупам данного вида блюд. Вероятным будет предположение, что селькупы на первых порах знакомства с русской мукой стали использовать ее по аналогии со своим традиционным продуктом – *порсой* – сушеной и истолченной в порошок рыбы (т. е. «рыбной мукой»), которую употребляли для заправки кипятка, получая жидкую кашу с рыбным запахом. Начав использовать муку злаковых растений для заправки бульонов, селькупы, как и другие народы Сибири, стали вносить и свои новшества в виде добавления в блюдо продуктов рыбной ловли – рыбьего жира, икры, молоки, рыбьей (налимьей) печенки и других потрохов.

Степень внедрения муки в традиционную культуру ряда народов Западной Сибири можно оценить по одному замечанию П. Словцова, который указывал на соотношение роста арендной платы, которую ханты взимали с русских за рыболовные пески, с ростом цен на ржаную муку. За наем Кушеватских песков до 1782 г. русские платили 70 р., а в 1832 г. уже 700 р. «...От чего же наемная цена в полвека возвысилась в 10 крат? Надобно искать причину в возвышении цены хлебной и в умалении добычи звериной. До открытия наместничества пуд ржаной муки продавался в Тобольске 5–7 к., а в 1785 г. 30–40 к...» (Словцов, 1886. Кн. II: 99).

Таким образом, можно говорить о том, что с кон. XVII – нач. XVIII в. мука злаковых растений как особый и чрезвычайно значимый элемент русской культуры уверенно стала проникать и занимать свою нишу в системе жизнеобеспечения коренного населения Западной Сибири, и прежде всего она внедрилась в их комплекс питания.

С конца XVIII в. среди народов Среднего и Нижнего Приобья – территориальных соседей среднеобских селькупов – стал практиковаться способ приготовления хлеба в золе и углях костра. Для приготовления такого хлеба использовалась в основном ржаная мука, она была более доступна и дешевле, чем пшеничная⁶. Ржаную муку замешивали в теплой воде, иногда с добавлением порсы и рыбьего жира.

⁴ От тюрков (до XVII в.) русские заимствовали жидкое мучное блюдо «*бурду*» – проваренную болтушку из муки с водой (Липинская, Воронина, 2003: 366). *Бурдуком* в Сибири называли жидкую мучную кашу или мучной кисель. Допустимо предположение, что данный вид мучной похлебки, как и само ее название, селькупы заимствовали от русских. В русском языке появление слова «*бурдук*» может быть следствием вторичной диффузии из тюркского языка. (См.: Аникин, 2000: 144). *Соломатой* в русской кулинарной традиции назывались тестообразные блюда, приготовленные из толокна (Липинская, Воронина, 2003: 378).

⁵ Например, самое простое блюдо – *сухомес* – густая смесь с водой. Оно готовилось из толокна – особо приготовленной овсяной муки. Благодаря питательности, легкости приготовления толокно стало обязательным продуктом для русского войска. На толокно были введены специальные сборы с населения, которые через Пермь распределялись по городам Сибири (Липинская, Воронина, 2003: 366).

⁶ Цена муки на Тобольском севере в середине XIX в. составляла, например, 63 к. за пуд или 11 шукрок белки. В Тобольске же она стоила 30 к., а на юге Тобольской губернии – 15 к. (Алквист, 1999: 24).

Хлеб в виде лепешек потом пекли в горячей золе⁷. Так, например, готовили хлеб ханты, проживавшие в территориальной близости к Обдорску, ненцы (Белявский, 2004: 75, 166), пельымские манси, которые аналогичным способом пекли хлеб в горячей золе очага (Алквист, 1999: 24).

Широкое использование среднеобскими селькупам в пищу именно печеного хлеба относится уже к XIX в., и хотя А. Кастрен относительно селькупов отмечал, что употребление томскими самоедами хлеба и соли сделалось для них в тот период уже общим явлением, наряду с употреблением ими рыбы (Кастрен, 1999. Т. 2: 132), в то же время хлеб еще не занял прочных позиций в их системе питания. «Томский самоед ест хлеб только в случае, когда у него нет мяса», – писал ученый (Кастрен, 1999. Т. 2: 132).

Интересна в этой связи география распространения печеного хлеба в Приобье. В начале XIX в. «русский хлеб» в качестве продукта, который можно долго хранить, создавая запасы на определенный срок, стал проникать к ненцам. «Печеные хлебы» на Обдорской ярмарке обменивались ненцами у русских на продукты и предметы промысла (Белявский, 2004: 166). Для выпечки этих хлебов русские Обдорска даже вынуждены были сложить «огромные» хлебные печи (Словцов, 1886. Кн. I: 4). По данным А. Алквиста, на Обдорской ярмарке в 1870-х гг. печеный ржаной хлеб ханты и ненцы покупали как лакомство, и брали с собой домой в случаях, когда дома сами его испечь не могли. За период ярмарки русские таким образом сбывали до 70 тыс. пудов хлеба (Алквист, 1999: 107).

Северные (тазовские) селькупы, так же как и другие народы, обменивали муку у русских на пушнину, однако муки даже в начале XX в. было очень мало. При этом, несмотря на ее редкое появление в хозяйстве, они находили ей широкое применение: из муки тазовские селькупы пекли пресные лепешки, мясные пироги или лепешки с мясом рябчика, утки (Хомич, Ириков, ... 2002: 85). Хлеб пекли либо в золе, либо на сковородке. Особые условия требовались для выпекания хлеба в золе. Для этого необходима была сухая земля, лучше песок под костром. С учетом этого выбиралось и место для стойбища. Из муки готовили пресное тесто и затем делали из него тонкие лепешки. Для лучшего пропека лепешки продырявливались в нескольких местах. Подготовленную лепешку клали на разогретую костром землю и засыпали ее горячей золой, поверх которой насыпали горячие угли. Через определенное время лепешку разгребали, переворачивали и снова засыпали золой и углями. С готовой лепешки соскребали пригоревшие места, смывали золу и ели (Хомич, Ириков..., 2002: 86). Данный способ приготовления хлеба бытовал и у эвенков тазовской тундры. Подобный пример выпечки хлебных лепешек привел К. Доннер, описывая свою встречу с тунгусами: «Хлеб был выпечен из муки, замешанной на рыбьем отваре. Здесь не используются дрожжи, и тесто не может забродить, поэтому его кладут под горящие угли, где оно просто поджаривается в течение получаса. Когда хлеб остывает, смывается сажа и песок, наконец, можно есть» (Доннер, 2008: 98–99).

Аналогичный способ выпечки пресного хлеба практиковали кеты (Алексеенко, 1967: 127), а также эвенки Нарымского края. М. Б. Шатилову непосредственно удалось наблюдать на стойбище эвенкийского шамана Шолеула процесс выпечки такого хлеба. В берестяном кузовке женщина замесила руками ржаное тесто. Затем, придав ладонями рук тесту вид русских хлебцов, зарыла их в горячую золу кострища. «Через некоторое время, – пишет Шатилов, – вынув эти хлебцы из золы, она расставляла их вокруг костра, поворачивая то одной стороной, то другой. Таким образом, на наших глазах был испечён хлеб, местами подгоревший, частью сыроватый, весь вываленный в золе и углях...» (Шатилов, 2011: 83).

Один из вариантов выпекания хлеба в золе костра и над костром приводит У. Сирелиус в своих наблюдениях за бытом ваховских хантов. Он писал, что ханты, готовя тесто, к ржаной муке добавляли рыбную муку, которую предварительно варили и затем процеживали. После долгого вымешивания хлебу придавали либо русскую круглую форму, либо узкую и фигурную. «Русский» хлеб пекли в золе, а узкую и фигурную – на палке у костра⁸ (Сирелиус, 2001: 250). Также у костра ваховские ханты пекли рябиновый или черемуховый хлеб, который изготавливался из свежих растолченных черемуховых ягод (подробнее об этом см.: Лукина, 2004: 151), пироги из черемухи, брусники и голубики. Способ выпекания хлеба на палке у костра бытовал и у ближайших соседей среднеобских селькупов – хантов р. Васюган (Сирелиус, 2001: 146).

⁷ В культуре славян выпекание хлеба в золе и углях костра, безусловно, относится к одной из самых древних традиций. Она широко бытовала до появления у них духовых печей. Фактически до начала XX в. этим древним способом восточные славяне пекли пресные блины как ритуальную еду на поминках и пресные лепешки (Зеленин, 1991: 143–144).

⁸ По данным Н. В. Лукиной, на такой палочке делали заострение на конце и зарубки, чтобы хлебная лепешка держалась и не сползала вниз (Лукина, 2004: 151).

Традиционные способы выпекания хлеба у ваховских хантов, которые зафиксировал У. Сирелиус, были описаны более детально в конце 1920-х гг. М. Б. Шатиловым⁸. Данный исследователь акцентировал внимание на широком использовании хантами при изготовлении хлеба рыбных продуктов – сушеной и сырой икры, порсы из мелкой рыбы и сушеных рыбьих головок, которые добавлялись в тесто из ржаной муки (Шатилов, 1931: 60–61). Из приспособлений для выпечки хлеба ваховские ханты использовали небольшие деревянные выдолбленные чашки для замеса теста, деревянный столик для придания хлебу определенной формы, берестяное сито и специальные палочки (вертело) для выпекания хлеба над костром. Данный способ выпечки хлеба требовал от хозяйки определенной сноровки и умения. Не все женщины владели таким искусством (Шатилов, 1931: 64–65). Различные способы изготовления хлеба, известные у хантов «обского Севера» в XX в., описаны Е. Д. Айпиным (Айпин, 1998: 103–113).

В нач. XX в. некоторые семьи хантов уже пользовались печами русского типа или глиняными печами, стоящими на открытом воздухе. Испеченный в таких печах хлеб с добавлением в муку соли ханты называли «русским хлебом». В основном ханты предпочитали белую муку и по возможности всегда старались готовить белый хлеб. К черному хлебу, как отмечал Шатилов, ваховские ханты прибегали в случае нужды (Шатилов, 1931: 65).

Вслед за М. Б. Шатиловым любопытно отметить, что испеченный любым практиковавшимся способом хлеб ваховские ханты употребляли только за чапитием. С рыбой, ухой или похлебкой (т.е. в прикуску, как это делали русские) ханты хлеб практически не употребляли (Шатилов, 1931: 64–65). Вместе с тем очевидно, что наличие в системе питания ваховских хантов такого разнообразия приемов приготовления теста и выпечки хлеба говорит уже о глубоком проникновении этого продукта в их традиционную культуру.

В хозяйственно-бытовом укладе среднеобские селькупы отличались от своих соседей-оленеводов – хантов, эвенков, манси и северных селькупов. Нет никаких указаний (этнографических, лингвистических) на присутствие в культуре среднеобских селькупов навыков выпечки хлеба на углях и в золе костра. Открытым остается вопрос о времени начала использования среднеобскими селькупками хлебных печей. В XIX в. А. Кастрен писал, что селькупские женщины «пекут» хлеб. Однако сам процесс выпечки хлеба он не описывал. Вместе с тем уже к кон. XIX – нач. XX в. в быту селькупов уже имелись такие печи. Чаще всего они находились на улице, под навесом, недалеко от избы. В них выпекали хлеб и зимой, и летом (Плотников, 1901: 68).

Широкое бытование хлебных уличных печей в кон. XIX – нач. XX в. отмечено у селькупов рек Кеть и Тым. Е. Н. Орлова отмечала в селькупских населенных пунктах Кети наличие общественных глиняных печей для выпечки хлеба. Такие печи, как правило, устраивались именно на улице. В этот же период у кетских селькупов бытовали и печи, по форме и конструкции близкие к русским печам с шестком, целом, подом и печурками. В редком случае были и кирпичные печи (Орлова, 1928: 15).

По данным Н. А. Тучковой, уличные хлебные печи фиксировались во всех ареалах обитания среднеобских селькупов (Тучкова, 1999: 83; 2011: 147. Ил. 78). Бытование хлебных уличных печей в середине XX в. отмечали и у групп васюганско-ваховских хантов (Кулемзин, Лукина, 1977: 77–78). В конце 1920-х гг. М. Б. Шатилов зафиксировал в нижнем течении р. Вах кроме уличных печей глинобитные печи русского типа (Шатилов, 1931: 44). Уличные хлебные печи бытовали также у юганских хантов (Лукина, 2009–2010: 59), у кетов (Алексеенко, 1967: 127–128).

Хлебные уличные печи в первой половине XX в. были обязательным элементом селькупского обжитого пространства⁹; на р. Кеть, например, селькупы устраивали хлебные печи не только в стационарных поселениях, они практически всегда сооружались и на временных сезонных стоянках. Обычно такие печи устраивали либо на земле или, чаще всего, на специальных стойках-столбах высотой около 50 см. На эти стойки настраивали настил-накатник шириной 80–90 см и длиной до 1,5 метра (Тучкова, 2011: 119. Ил. 47, 121. Ил. 49) или делали раму, которую потом забивали глиной, используя при этом деревянный молоток-колотушку. Каркас для печи сооружали или из тонких досок, или из черемуховых прутьев, накрытых старой сетью. В глину могли добавлять сено, рассол из-под рыбы или соль. Затем эту смесь тщательно месили ногами. Из подготовленного глиняного раствора лепили свод печи, постепенно наращивая его толщину слой за слоем. Устье печи старались делать пониже, а задок – повыше. Однако это условие могло и не соблюдаться: печь могла быть и ровной или, наоборот, устье повыше, а задок печи пониже.

⁸ М. Б. Шатилов приводит подробное описание приемов изготовления хлеба ваховскими хантами, а также ряд рецептов (подробности см.: Шатилов М. Б. Ваховские остяки. (Этнографические очерки) // Труды ТКМ. Т. IV. Томск, 1931. С. 63–66.

⁹ В местах проживания северных групп селькупов уличных хлебных печей не отмечено. По материалам К. Доннера, еще в нач. XX в. тазовские остяко-самоеды практически не знали и не использовали печеного хлеба (Доннер, 2008: 94; Хомич, Ириков..., 2002: 84).

После завершения строительных работ печь протапливали, доски или другие деревянные части каркаса сгорали, и конструкция приобретала прочность. От дождя и снега печь накрывали берестяными тисками, однако чаще всего – соорудили специальный навес из бересты или досок (Тучкова, 1999: 83).

Каждый раз перед выпечкой хлеба печь протапливали, затем специальной метелкой выгребали крупные угли (в качестве метелки использовали обычно кедровый веник) и ставили внутрь на золу металлические листы (позднее – противени) с хлебом. Устье печки закрывали специальной заслонкой, чтобы остановить отток жара. Такой хлеб назывался *подовый*¹⁰, т. е. готовился на поду (Тучкова, 1999: 83). Особенностью таких печей является отсутствие трубы и прочих деталей для воздушной тяги.

Наличие печей для выпекания хлеба расширяло кулинарные возможности при изготовлении мучных блюд. Среднеобские селькупы кроме так называемого кислого (дрожжевого) хлеба (традиционный хлеб всех восточных славян) умели готовить на поду белые булки, пироги с рыбой, ягодами. Особым лакомством считались лепешки, замешанные на рыбьей икре и выпекаемые на рыбьем жире (Шатилов, 2011: 115).

В начале XX в. селькупские женщины закваску для теста готовили на основе прокипяченного хмеля и тертого картофеля. Смешав ее с мукой, оставляли на некоторое время для «созревания». Никогда не использовали всю закваску, всегда оставляли некоторое ее количество на другой день (Тучкова, 2011: 159).

Выпечкой хлеба у среднеобских селькупов, как у большинства сибирских народов, занимались женщины (однако в лесу на промысле хлеб мог испечь и мужчина). В обычных же условиях поселковой жизни в топленую утром печь на очищенное кедровой метелкой дно печи на противне помещали хлеб, предварительно придав ему округлую форму. За один раз в печь помещали 6–8 хлебов, больше похожих на толстые лепешки. Для извлечения хлеба из печи использовали деревянную лопату (Тучкова, 2011: 159).

Муку хранили в берестяных коробках с крышками; перед употреблением ее просеивали. Хлеб замешивали в небольших берестяных емкостях (квашонках). Также для замеса теста использовали деревянные овальные чаши разных размеров (Шатилов, 2011: 76; Орлова, 1928: 16; Тучкова, 2002: 200; Тучкова, 2005: 352).

Традиционно среднеобские селькупы употребляли хлеб за чаепитием. Чай кипятили в больших котлах, чайниках, самоварах. А. Ф. Плотников отмечал, что остяки пили чай несколько раз в день, без сахара, с черным хлебом. Нередко это была единственная пища в течение дня (Плотников, 1901: 72). В основном чай и хлеб у селькупов служил в качестве основного дополнения к «главной» пище – к рыбе.

Селькупы, в хозяйстве которых в нач. XX в. уже были коровы, употребляли молоко с покрошенными в него кусочками хлеба, на манер русской *тюри*. Это блюдо они ели ложками (Шатилов, 2011: 73).

Со второй половины XX в. в широкое употребление у среднеобских селькупов вошли рыбные пироги. Для таких пирогов готовили кислое тесто. Пекли обычно «простые» рыбные пироги, реже – «сложные». При простом способе очищенную и выпотрошенную рыбу укладывали на слой теста и сверху закрывали другим слоем теста. На такой пирог уходило до двух рыбин среднего размера. Для сложного пирога рыба (обычно налим) предварительно варилась, затем мясо очищалось от костей и только потом раскладывалось между слоями теста (Тучкова, 2011: 159).

Все приведенные примеры демонстрируют проникновение муки и хлеба в систему питания селькупов. Однако стоит отметить, что особое значение хлеб стал иметь не просто как продукт ежедневного питания, а как стратегический продукт, который можно оставлять «про запас», брать с собой в дальнюю дорогу – на промысел, хранить длительный период (от нескольких недель до нескольких месяцев), употреблять тогда, когда никаких других продуктов уже не осталось. В свое время А. Кастрен отмечал, что без определенного запаса муки, печеного хлеба и сухарей селькупы не отправлялись в тайгу на промысел¹¹.

Женщины заранее перед выходом в тайгу запасали съестные припасы, и прежде всего пекли хлеб. Под продовольствие специально готовились нарты, которые нагружались мукой, печеными булками, сухарями, крупой, сушеной рыбой (Кастрен, 1999. Т. 2: 133). Подобную практику отмечали все исследователи, которые описывали бытовые особенности селькупов. Она сохранялась и в 1920-е гг. По данным Е. Н. Орловой, женщины-селькупки Кети перед началом пушного промысла выпекали столько хлеба, чтобы его хватило на два месяца промысла. Кроме этого, они сушили в большом количестве сухари. По возвращении в селение из тайги в декабре они снова пекли большой объем хлеба уже для непосред-

¹⁰ В русской культуре «подовый хлеб» – это хлеб, который выпекается без формы; такой хлеб пекут на металлических листах (противнях), которые ставятся вниз (т. е. на дно – на «под») русской печи, откуда и название.

¹¹ Часто на промысел селькуп уходил со всей семьей.

ственного употребления его дома. На продукты осеннего промысла в факториях селькупы закупали необходимое количество муки. Заготовка впрок хлеба осуществлялась кетскими селькупками и в период промысла кедровых орехов (Орлова, 1928: 18–19, 23).

Практика снабжения продовольствием, прежде всего мукой, охотников, уходивших с семьей в тайгу на промысел, осуществлялась через «хлебозапасные магазины» или «фактории». Применялась она в Нарымском крае и в советское время, в период 1920–30-х гг. В этот период также сохранялась практика обмена муки на продукты промысла (Вехи патернализма..., 2006: 160, 161, 162).

Особенно важным для селькупов было наличие в семьях муки в период, когда иссякали запасы рыбы, мяса, а охота и рыбная ловля не удовлетворяли потребности семьи в продуктах питания. На территории Нарымского края неоднократно возникали ситуации, когда только мука спасала население от голода и вымирания. Селькупы рек Чузика, Кенги и Парбига, например, единодушно говорили о том, что только благодаря русским старожилкам (староверам-раскольникам) они имели возможность покупать у них в любое время муку, во избежание голода (Плотников, 1901: 162). В период острой нехватки традиционных продуктов питания кусок хлеба мог служить единственным средством спасения от голода (описание голода в конце зимы 1913 г. на Вахе см.: Доннер, 2008: 105; автор описывал случай, когда один остяк – слепой старик – сам явно испытывающий голод, поделился с ним своим куском хлеба, как самой большой ценностью).

Важным подспорьем для обеспечения продовольствием коренного населения, прежде всего мукой, стала организация в XVIII в. в местах его компактного проживания инородческих казенных хлебозапасных магазинов (пункты хранения и распределения хлеба среди коренного населения). В первой половине XIX в. сеть таких магазинов уже была достаточно развита не только в Нарымском крае, но и на севере, в районах проживания ненцев, нганасан, северных селькупов. Хлеб (мука) из таких магазинов выдавался под залог будущих продуктов промысла или продавался. Со временем предлагалось передать эти магазины в ведение самих инородцев. Считалось, что они сами, в силу своей природной честности, могут без посредников (вахтеров, которые нередко злоупотребляли своей должностью) заведовать этими магазинами и распределять среди своих соплеменников необходимое количество хлеба (Вехи патернализма..., 2006: 61–62).

В кон. XIX – нач. XX вв. в Нарымском крае инородческие магазины функционировали в Нарыме, селах Тымском, Айполове, Васюгане (на землях хантов) (Вехи патернализма..., 2006: 71, 93). И нередко помощь селькупам, выделяемая из хлебных запасов инородческих хлебозапасных магазинов (хотя эта помощь выделялась в долг) спасала их от временных продовольственных затруднений. Так, в августе 1902 г. тымские селькупы, испытывая серьезную нужду в продовольствии, обратились с просьбой к местным властям о выделении им из запасов Тымского инородческого хлебозапасного магазина 800 пудов хлеба. Это первое подобное обращение селькупов р. Тым за помощью к государству. До этого случая они закупали хлеб или выменивали его у торговцев (Вехи патернализма..., 2006: 94).

Запасы муки и соли для инородческих хлебозапасных магазинов поставляли частные лица – купцы, нередко крестьяне, которые выигрывали на торгах право на данную торговую деятельность. Условия поставок муки и соли были достаточно жесткими: «мука должны быть смолота из сухой ржи... годная к употреблению, соль чистая и нержавеющей». Припасы должны быть доставлены в срок и сданы под опись приставу. Оговаривались и цены на муку и соль, по которым дынный вид продуктов будет поставляться. Например, в 1907 г. мука и соль на р. Васюган поставлялись по цене 1 р. 20 к. за пуд муки и 70 к. за пуд соли. В случае нарушения контракта или плохого качества припасов поставщик продуктов подвергался наказанию (Вехи патернализма..., 2006: 113–114, 115).

Практика снабжения коренного населения Нарымского края хлебом (мукой) через специализированные пункты сохранилась и после 1917 г. Хлебом запасали отдаленные районы с компактным проживанием инородцев. Например, на р. Тым в 1920 г. в осеннюю навигацию были завезены значительные запасы хлеба, которые распределили в ю. Напас и в ю. Кулеево (Вехи патернализма..., 2006: 148).

Значение хлебозапасных магазинов сохранялось фактически до начала 1930-х гг. В это время стали организовывать кооперативные хлебозапасные магазины, а также товарообменные пункты, на которых продукты, прежде всего мука, обменивались на промысловое сырье.

Особую роль в XVIII–XIX вв. хлеб стал играть в соционормативной сфере селькупской культуры. В частности, в качестве определенного символа он стал использоваться в ритуальной и обрядовой практике. Так, одним из распространенных обычаев у селькупов было кормление духов-лозов перед промыслом: еще А. Кастрен в 1840-е гг. отмечал, что томские самоеды ставили перед фигуркой духа различные кушанья и отдельно клали перед ним нож, ложку, а также соль и хлеб (Кастрен, 1999. Т. 2: 118). Подобная практика была известна и у территориальных соседей селькупов – александровских и васюганских

хантов (Кулемзин, Лукина, 1977: 165). Кеты, например, перед началом охотпромысла пекли специальный пирог и оставляли его на некоторое время в передней части чума для угощения духов (Алексеев, 1967: 177).

Селькупы ю. Аргаусовых на Кети, как отмечал А. Ф. Плотников, перед началом рыбной ловли (щук), в озеро, на месте которого, по преданию, жил богатырь и после которого осталась его «железная одежда» – «Квезепорголь-то» (озеро с железной одеждой), бросали деньги, табак и хлеб (Плотников, 1901: 213). Перед началом весеннего ледохода на Оби селькупы несли к реке жертвенную жареную рыбу и хлеб, позже пряники, сладости и пр. Жители приобских поселков выходили на берег реки, произносили молитвы (часто фразы-экспромт со словами благодарности реке) (Тучкова, 2014: 53–54). В сравнении: на Васюгане был обычай делать ежегодное жертвоприношение водному духу весной в начале ледохода (Кулемзин, Лукина, 1977: 129), тогда как ханты р. Демьянки приносили хлеб, калачи и печенье в жертву водному духу осенью, после замерзания озер (Карьялайнен, 1996. Т. 3: 118).

В наши дни (в 1990-е и 2000-е гг.) в моменты, когда потомки селькупов проводят свои национальные праздники (в значительной степени, конечно, имеющие облик нововведений, т. е. вновь сочиненных обрядов и ритуалов), у них в ряде символических действий отмечены факты использования хлеба как «еды» для кормления предков. Так, в 1995 г. на заключительной части селькупского праздника в пос. Иванкино на Оби на кургане, где, по преданиям, был похоронен богатырь Соксар (их предок), исполнителями ритуала – старшим мужчиной и старейшей женщиной – крошился хлеб «кружочком». Во время церемонии все остальные присутствующие стояли по кругу, не заходя на центр этого кургана. По мнению организаторов мероприятия, в древности вместо хлеба использовали в качестве символа ячмень (Ким, Кудряшова, 1996: 211).

Для сравнения: местные русские на Средней Оби оставляли на могилках во время поминок хлеб, соль и повязанное крест-накрест полотенце (Бардина, 1990: 175).

Как еда не только для живых, но и для умерших хлеб проявил себя в погребальной обрядности многих народов, в том числе он вошел в поминально-погребальную обрядность и у сибирских этносов, не знавших употребление хлеба в далеком прошлом. Так, К. Доннер отметил у кетских селькупов обычай класть умершему в подмышку кусочки хлеба (Доннер, 2008: 71). Данному факту пока не найдены аналогии. Тем не менее известно, что ханты Васюгана, например, перед выносом гроба устраивали угощение перед умершим и помимо традиционной в таких случаях рыбы ставили на стол также чашку чая и кусочек хлеба. Считалось, что целый хлеб ставить нельзя, потому что умерший «не может его разрезать». Значение этого обряда, в представлении хантов, заключалось в том, что пища, которую ел покойник при жизни, должна была полностью насытить умершего перед тем, как он покинет земной мир (Карьялайнен, 1994. Т. 1: 85).

В погребальной обрядности васюганских хантов, по мнению Карьялайнена, прослеживается и христианское влияние. Так, перед погребением умершему в гроб клали небольшую берестяную сумку с испеченным специально для этого хлебом, с крестом на верхней корке (Карьялайнен, 1994. Т. 1:82). У восточных славян бытовали обычаи оставления хлеба в гробу для покойника, а также выставления хлеба или квашни с тестом на место, где лежал умерший (Зеленин, 1991: 348, 349). В Рязанской губернии, например, утром, на другой день после смерти, хозяйка пекла ржаную лепешку, несла ее к умершему со словами: «...на-ка тебе лепешечку позавтракать, ты у меня вчера не ужинал, а сегодня еще не завтракал» (Кремлёва, 2003: 521).

На р. Тым хлеб использовался селькупами в магической практике в качестве средства, отпугивающего оживших покойников: «У... брата ночью все стало чудиться. Кто-то все ходит, собаки лают. Смотрит – это покойник шатается. Тогда мать взяла, закатала хлеба кусочек и выстрелила левой рукой в него, и он пошел в гору, а собаки его за ним бегут и лают» (Пелих, 1972: 335).

Хлеб играл определенную символическую роль и в гадательной практике селькупских шаманов. Так, Е. Д. Прокофьева на материале северных селькупов описывала шаманскую практику определения возможного похищения покойником души кого-нибудь из живущих родственников и сородичей. В чуме перед умершим ставили чашку чая, хлеб и рыбу; рядом садился шаман, который должен был ждать прихода *ильсат* – души живого человека, которая пожелала бы угоститься около умершего. Если *ильсат* приходила, это означало, что умерший позвал ее к себе. Считалось, что *ильсат* имела все черты сходства с тем человеком, которому она принадлежала. Шаман, таким образом, мог узнать, чью душу уводит с собой умерший, и сообщал об этом человеку – хозяину *ильсат*, предупреждая его об опасности смертельной болезни (Прокофьева, 1976: 124).

Сакральное значение хлеба отразилось и в фольклоре селькупов. Так, в одной из сказок кетских селькупов, записанной И. Н. Гемуевым в пос. Усть-Озёрном на р. Кеть, хлеб и изделия из теста (печенье, ола-

ды) используются героями сказки для обретения волшебного коня и приручения его хозяином. Старуха говорит герою-юноше: «Ночуешь, у тебя конь есть (появится)... Завтра встанешь, я тебе целый стол всякого печенья... положу. Вот этим печеньем ты своего коня поймаешь, а так – не поймаешь». А тем временем младший сын старухи олады настряпал и вокруг «четырех стен избы» (вокруг избы) несколько раз обошел – «Потом обошел – там конь стоит». Старуха говорит: «Тебя будет хозяином знать. Хлебом корми» (Гемуев, 1984: 146).

Использование хлеба в ритуально-обрядовой практике – явление, широко распространенное и у ближайших соседей среднеобских селькупов – васюганских и ваховских хантов. Фактически у всех групп хантов хлеб использовался в качестве определенного символа во время медвежьего праздника (Карьялайнен, 1996. Т. 3: 150; Шатилов, 1931: 113).

Таким образом, можно резюмировать, что такой элемент культуры, как хлеб (мука), воспринимаемый селькупам первоначально как внешняя инновация и оцениваемый неодобрительно-негативно (это отразил фольклор), в дальнейшем стал занимать прочное место в системе их традиционной культуры. Безусловно, основное свое значение мука и печеный хлеб как основное изделие из нее получили в качестве продукта питания и стали играть роль основной добавки к главным пищевым продуктам – рыбе и мясу. Хлеб также приобрел значение основного стратегического пищевого запаса в селькупской культуре, опиравшейся вплоть до сер. XX в. на присваивающие формы ведения хозяйственной деятельности – охоту, рыболовство и собирательство. В соционормативной сфере культуры селькупского этноса хлеб стал одним из составных элементов обрядово-ритуальной практики – едой, которой кормили души умерших предков, покойников и духов-лозов (особенно стоит отметить кормление хлебом водяного духа). Со временем в сознании селькупов хлеб приобрел особый положительный смысл и высокий знаковый статус.

Список литературы

- Айпин Е. Д. У гаснущего очага. Екатеринбург; Москва, 1998.
- Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Алквист А. Среди хантов и манси. Томск, 1999.
- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва, Новосибирск, 2000.
- Бардина П. Е. Материалы о похоронно-поминальном обряде русского населения Среднего Приобья в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1990. С. 166–178
- Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. М., 1994.
- Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-гг. XX в.). Томск, 2006.
- Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX–нач. XX в.). Новосибирск, 1984.
- Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография М., 1991.
- Карьялайнен К. Ф. Религия Югорских народов. Томск, 1994. Т. 1.
- Карьялайнен К. Ф. Религия Югорских народов. Томск, 1996. Т. 3.
- Ким А. А., Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А. Селькупский праздник в Пиль Эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 205–212.
- Кремлёва И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. (Серия: Народы и культуры). М., 2003. С. 517–532.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1977.
- Липинская В. А., Воронина Т. А. Пища и утварь // Русские (Серия: Народы и культуры). М., 2003. С. 354–397.
- Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Томск, 2004. Т. 1.
- Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Томск, 2009–2010. Т. 3.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
- Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнёв А. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Томск, 2011.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.

- Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1981. Вып. 4.
- Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.
- Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Земля Верхнетокская. Томск, 1997. С. 239–256.
- Тучкова Н. А. К вопросу о педагогических традициях селькупов (воспоминания селькупки М. Н. Тагаевой о жизни, семейных нравах и воспитании) // Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современность. Материалы региональной научной конференции. 22–24 ноября 2002. Томск, 2002. С. 200.
- Тучкова Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.
- Тучкова Н. А. Пища и домашняя утварь // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / селькупы. М., 2005. С. 304–385.
- Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014.
- Тучков А. Г. «Раньше огородов не было, а сейчас и двух огородов мало...» (к вопросу о внедрении земледелия в охотничье-рыболовческую культуру среднеобских селькупов) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 4 (6). С. 64–73.
- Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского края (Путевые заметки). Томск, 2011. С. 72–119.
- Шатилов М. Б. Ваховские остяки. (Этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1931.
- Шунков В. И. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII в.). М., 1956.
- Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб., 2002.

Тучков А. Г., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: agtuchkov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 5 сентября 2015.

Tuchkov A. G.

FLOUR AND BREAD IN SELKUP CULTURE

In this article, on a wide factual material addresses the issue of entry into the culture of the Selkups of flour and bread as food. Comparative cross-cultural analysis of ways to use flour and making bread: information from Selkup are compared with data collected from people living in adjacent territories – Vasyugan, Wachowski, Yugansk Khants, North (the fans) Selkups, kets, Nenets and other peoples of Western Siberia. The result of the study were the following conclusions: firstly, the widespread of bread in the culture of the Selkups refers to the period of settlement of the Narym Russian (XVII century); secondly, which appeared as an innovation, the bread has a firm place in the system of their traditional culture and production, life-supporting, social normative.

Key words: *flour, bread, traditional culture, power system, baking oven, hearth bread, middle Ob Selkup, Vasyugan-Vakh Khanty.*

References

- Aypin E. D. *U gasnuhsh'ego ochaga* [The dying hearth]. Ekaterinburg; Moscow, 1998.
- Alekseenko E. A. *Kety. Istorico-Ethnographicheskiye ocherki* [Kety. Historical and ethnographic essays]. Leningrad, 1967.
- Alkvist A. *Sredi hantov i mansi* [Among the Khanty and Mansi]. Tomsk, 1999.
- Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniye iz uralskikh, altayskikh i paleoaziatskikh iyazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic and paleo-Siberian languages]. Moscow, Novosibirsk, 2000.
- Bardina P. E. *Materialy o pohoronno-pominal'nom obryade russkogo naseleniya Srednego Priob'ya v konce XIX – nachale XX vv.* [Materials about the funeral rites of the Russian population of the Middle Ob region in the late XIX – early XX centuries]. Tomsk, 1990. Pp. 166–178.
- Belyavskiy F. *Poezdka k Ledovitomu moryu* [A trip to the Arctic sea]. Tujmen, 2004.
- BES – Bolshoy Enciklopedicheskii slovar* [Great encyclopedic dictionary]. Moscow, 1994.
- Vehi paternalizma: sudby korennykh malochislennykh narodov tomского severa v sisteme Rossiyskoy gosudarstvennosti (nachala XIX v. – 30-gg. XX v.)* [Milestones of paternalism: the fate of indigenous peoples of the North of the Tomsk in the Russian state system (early XIX century – 30-XX century)]. Tomsk, 2006.
- Gemuev I. N. *Sem'i u selcupov (XIX– nachala XX v.)* [Family Selkup (XIX– early XX century)]. Novosibirsk, 1994.
- Donner K. *U samoedov v Sibiri* [Of Samoyeds in Siberia]. Tomsk, 2008.

- Zelenin D. K. *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow, 1991.
- Kar'yalaynen K. F. *Religii iugorskikh narodov* [The religion of the peoples of Ugra]. Tomsk, 1994. T. 1.
- Kar'yalaynen K. F. *Religii iugorskikh narodov* [The religion of the peoples of Ugra]. Tomsk, 1994. T. 2.
- Kim A. A., Kudryashova T. K. *Pil-Ed i kult losj. Materialy i issledovaniya kulturno-istoricheskikh problem narodov Sibiri* [Selkup holiday in pil ed and the cult of the elk. Materials and research cultural and historical problems of the peoples of Siberia]. Tomsk, 1996. Pp. 205–212.
- Kremleva I. A. *Pohoronno-pominalnye obychai i obryady. Russkie. (Seriya: Narody i kultury)* [Funeral customs and rites]. Moscow, 2003. Pp. 517–532.
- Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v konce XIX – nachale XX vv.* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late XIX – early XX centuries]. Tomsk, 1977.
- Lipinskaja V. A., Voronina T. A. *Pishch'a i utvar'. Russkie (Seriya: Narody i kultury)* [Food and utensils]. Moscow, 2003. Pp. 354–397.
- Lukina N. V. *Hanty ot Vasjugan'ya do Zapol'arya* [Khanty from the Vasyugan land to the Arctic]. Tomsk, 2004. T. 1.
- Lukina N. V. *Hanty ot Vasjugan'ya do Zapol'arya* [Khanty from the Vasyugan land to the Arctic]. Tomsk, 2004. T. 2.
- Pelikh G. I. *Proiskhozhdeniye sel'kupov* [The origin of the Selkups]. Tomsk, 1972.
- Prokof'eva E. D. *Starye predstavleniya sel'kupov o mire. Priroda i zhelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Old ideas Selkup about the world. Nature and man in the religious ideas of the peoples of Siberia and the North] Lenigrad, 1976. Pp. 106–128.
- Sel'kupy. Ocherki tradicionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* / Tuchkova N. A., Glushkov S. V., Kosheleva E. Ju., Golovnev A. V. Baidak A. V., Maksimova N. P. [Selkups. Essays on traditional culture and Selkup language]. Tomsk, 2011.
- Sirelius U. T. *Puteshestviye k hantam* [Journey to the Khanty]. Tomsk, 2001.
- Slovcov P. A. *Istoricheskoe obozreniye Sibiri* [Historical review of Siberia]. St. Petersburg, 1886.
- Spafariy N. G. *Puteshestviye cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g. Zemlja Verhneketskaj* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China the Russian Ambassador Nikolay spafariy in 1675]. Tomsk, 1997. P. 239–256.
- Tuchkova N. A. *K voprosu o pedagogicheskikh traditsiyakh sel'kupov (vospominfniya sel'kupki M. N. Tagaevoy o zhizni, semeynykh nravakh i vospitanii). Obrazovanie v Sibiri: aktual'nye problem istorii i sovremennost'* [To the question about the pedagogical traditions of the Selkups (memories of Selkup M. N. Tagaeva about life, family morals and upbringing)]. Tomsk, 2002.
- Tuchkova N. A. *Zhilish'a i poseleniya yuzhnykh sel'kupov kak komponenty obzhitogo prostranstva (XIX–XX vv.)*. Dis. kand. ist. nauk [Homes and villages in Southern Selkups as a components of lived space (XIX–XX centuries)]. Tomsk, 1999.
- Tuchkova N. A. *Pish'a i domashnyaya utvar'. Narody Zapadnoj Sibiri. Hanty. Mansi. Nency. Ency. Nganasany. Kety. Sel'kupy* [Food and utensils]. Moscow, 2005. Pp. 304–385.
- Tuchkova N. A. *Sel'kupsкая oikumena. Obzhitoye prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i central'nykh dialektnykh grupp* [Selkup ecumene. Habitable space Selkup Southern and Central dialect groups]. Tomsk, 2014.
- Tuchkov A. G. *"Ran'she ogorodov ne bylo, a se'chas i dvukh ogorodov malo..." (k voprosu o vnedrenii zemledeliya v ohotnich'e-rybolovcheskuyu kul'turu sredneobskikh sel'kupov)* ["Before gardens were not, and now the two little gardens..." (to the question about the introduction of agriculture in the hunting–fishing culutre of middle Ob Selkups)]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*. 2014. Vyp. 4. (6). Pp. 64–73.
- Shatilov M. B. *Ostyako-samoedy i tungusy Prinarymskogo kraja (Putevyye zametki)* [The Ostjako-Samoyeds and the Tungus of the Prinarymskij region (Travel notes)]. Tomsk, 2011. Pp. 72–119.
- Shatilov M. B. *Vakhovskie ostjaki (Etnograficheskiye ocherki). Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Wachowski Ostyaks. (Ethnographic essays)]. Tomsk, 1931.
- Shunkov V. I. *Ocherki po istorii zemledeliya v Sibiri (XVII) v.* [Essays on the history of agriculture in Siberia (XVII) V]. Moscow, 1956.
- Homich L. V. Irikov S. I. Aypova G. E. *Tazovskiye sel'kupy. Ocherki tradicionnoy kul'tury* [The fans Selkups. Essays on traditional culture]. St. Petersburg, 2002.

Tuchkov A. G.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: agtuchkov@yandex.ru

Волков В. Г.

ГЕНОФОНД ЮЖНЫХ СЕЛЬКУПОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В настоящее время сделаны лишь первые шаги в изучении генофонда южных селькупов. Полученные в результате экспедиций данные по составу мужских линий южных селькупов позволяют разрешить некоторые проблемы этногенеза этого народа. В статье дается описание структуры генофонда южных селькупов по данным полиморфизма Y-хромосомы. Делается вывод о связи генетических линий с определенными территориями и этнографическими группами южных селькупов. Выявляется территория возникновения этих генетических линий, дается приблизительная датировка появления этих линий на территории Нарымского Приобья. Высказываются предположения о связях генетических линий с носителями определенных археологических культур. Делается вывод о присутствии большинства генетических линий на территории Нарымского Приобья уже в докулайскую эпоху.

Ключевые слова: южные селькупы, Нарымское Приобье, генетика, история, археология.

Современные методы, применяемые в молекулярно-генетических исследованиях, позволяют выявить в составе популяции разные мужские Y-хромосомные группы, оценить степень родства между ними, а также установить наличие генетических связей между соседними популяциями. Наблюдаемые корреляции между географическим распределением генетических компонентов и географическим распространением этнокультурных и лингвистических групп дают возможность реконструировать некоторые моменты этногенеза определенного народа.

В последнее десятилетие ведется активное генетическое изучение популяций Сибири. Генофонды многих популяций, особенно популяций Саяно-Алтайского региона и Восточной Сибири изучены достаточно подробно (Балаганская, 2011; Харьков, 2012). Но, к сожалению, часть популяций Западной Сибири, в том числе популяции Среднего Приобья, до настоящего времени являются практически не изученными в генетическом аспекте. Это связано прежде всего со сложностями при сборе образцов на данной территории.

Одной из главных групп коренного населения на территории Среднего Приобья являются южные (нарымские) селькупы. Другая группа селькупов, северная, занимает территорию бассейна р. Таз. Исследование мужского генофонда северных (тазовских) селькупов началось уже в 1999 году (Karafet, 1999). В этой работе были опубликованы данные по частоте гаплогрупп в этой популяции. В 2002 г. появилась работа с уточненными данными (Karafet, 2002).

В настоящей работе представлены данные генотипирования южных селькупов. Образцы для исследования были получены в результате экспедиций 2012 и 2013 гг. в Парабельский и Верхнекетский районы Томской области. Были собраны образцы представителей разных этнотерриториальных групп южных селькупов. Места проживания предков исследуемых лиц были установлены по сведениям информантов, генеалогическим данным из личных архивов и данным о распределении фамилий из опубликованных работ (Тучкова, 2014). В начале 2015 г. было закончено генотипирование образцов выборки селькупов. Генотипирование проводилось в лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики (Томск, Россия) и в кампании Family Tree DNA (Хьюстон, США).

Несмотря на то, что образцов получено немного (16), тем не менее выявленные в результате исследования генетические связи южных селькупов с определенными популяциями и территориями позволяют уточнить некоторые моменты этногенеза и этнокультурной истории этого народа.

В составе общей выборки южных селькупов представлены следующие мужские гаплогруппы: N1b, Q1a3, Q1a2 и R1b. Гаплогруппа Q1a3 у южных селькупов представлена двумя субкладами, имеющими разное территориальное происхождение и разделившимися чрезвычайно давно, не менее 20 000 лет назад. (Возраст гаплогрупп и субкладов, указанный здесь и далее в настоящей работе, был рассчитан по методу, учитывающему накопление однонуклеотидных мутаций (Адамов, 2015). Результаты датировок опубликованы на www.yfull.com/tree). Один из субкладов определяется SNP-маркером L330 (Q1a3-L330), другой субклад пока не получил собственной мутации и обозначается как Q1a3-L53* и характеризуется специфическими значениями Y-STR-маркеров. Гаплогруппа N1b также представлена двумя разными субкладами, обозначаемыми как N1b-A и N1b-E, имеющими разное происхождение и разную историю.

Таким образом, в настоящее время в составе генофонда южных селькупов можно выделить шесть мужских генетических групп: N1b-A – 31,25%; N1b-E – 6,25%; Q1a3-L330 – 25%; Q1a3-L53* – 18,75%; Q1a2 – 6,25%; R1b-M73 – 12,5%.

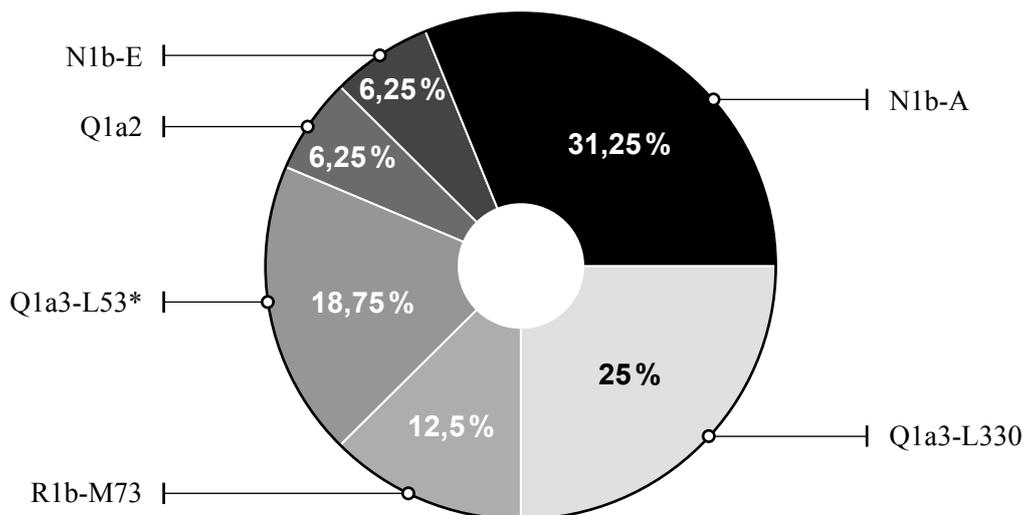

Рис. 1. Частота генетических линий у южных селькупов

Субклад N1b-A представлен у потомков жителей юрт Конкиных Нижней Подгородной волости (Парабельский район), жителей юрт Иванкиных и Чаршиных Пиковской волости (Колпашевский район) и юрт Максимкин Яр Иштановской волости (Верхнекетский район). Эту группу можно назвать северной группой.

Субклад Q1a3-L330 представлен у потомков жителей юрт Мулешкиных, Широковых и Карелиных Кашкинской волости и юрт Кондуковых Лелькинской волости (Верхнекетский район). Эту группу можно назвать восточной или кетской по р. Кеть.

Субклад Q1a3-L53* представлен у потомков жителей юрт Мунаковых и Соиспаевых 2-й Парабельской волости и юрт Ласкиных Верхней Подгородной волости (Парабельский район). Эти населенные пункты находятся на р. Парабель.

Гаплогруппа Q1a2 представлена у потомков тех же юрт Ласкиных. Эти две генетические линии (Q1a3-L53* и Q1a2) можно назвать юго-западной группой.

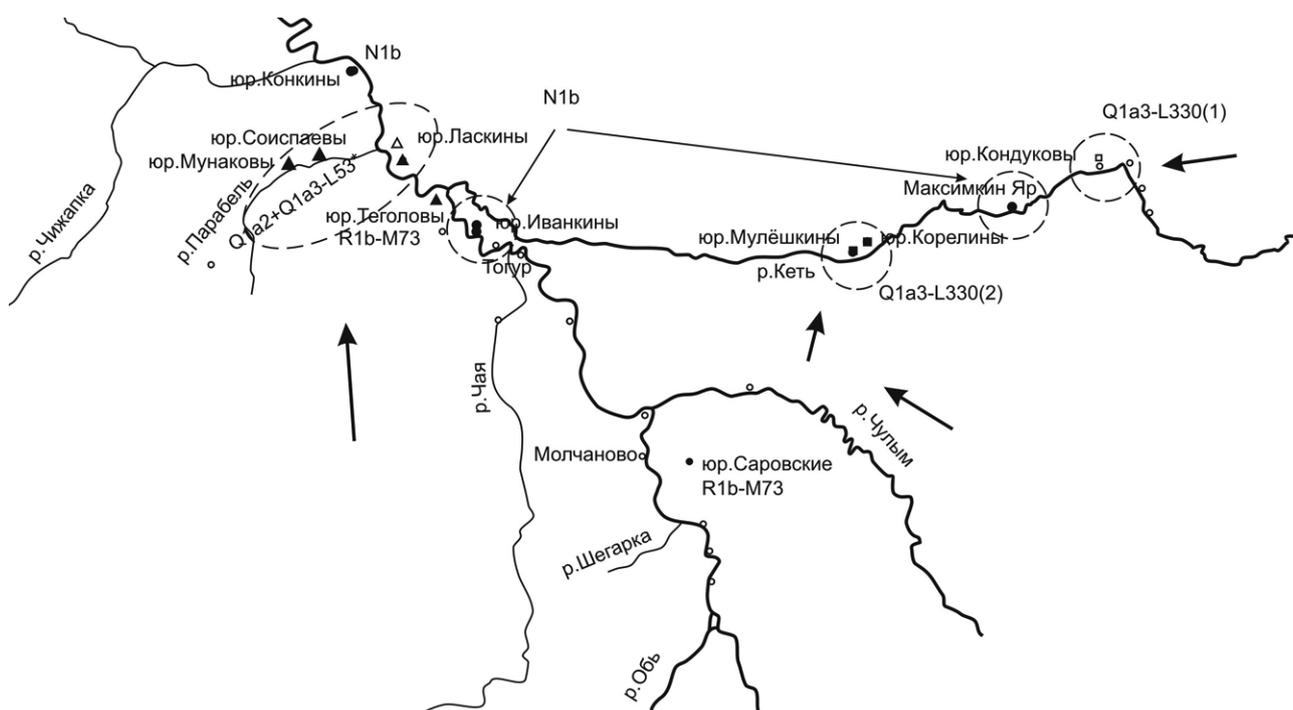

Рис. 2. Географическое распределение генетических групп южных селькупов

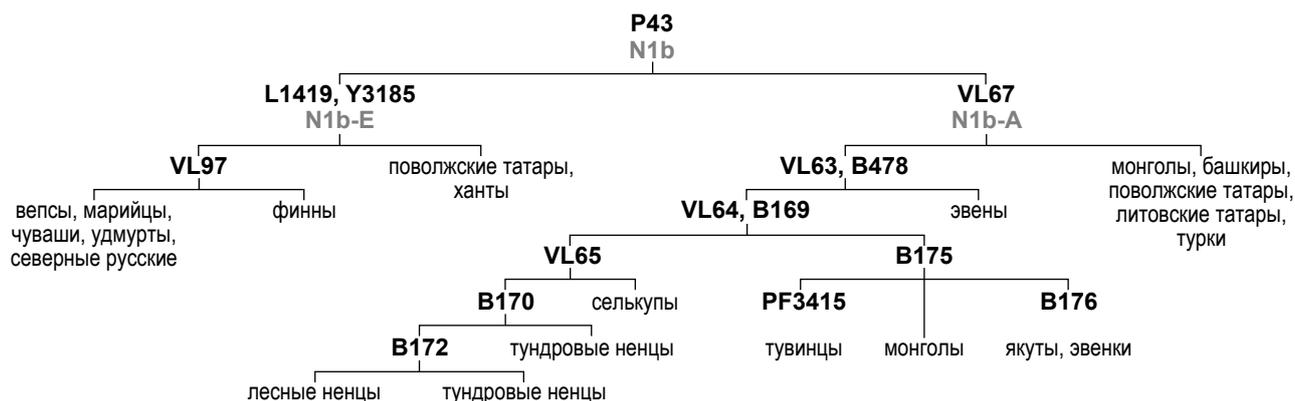

Рис. 3. Филогенетическое древо гаплогруппы N1b

Гаплогруппа R1b-M73 представлена у потомка князцов Тогурской волости, которые проживали в юртах Тёголовых Нижне-Тогурской волости (Колпашевский район), и потомка жителей юрт Саровских Малой Провской волости (Молчановский район). Эту группу можно назвать южной.

Каждая из этих генетических линий имеет отличное от других происхождение, которое можно связать с определенными территориями, этносами и лингвистическими группами.

Согласно научным данным, гаплогруппа N1b с наибольшей частотой представлена у северных самодийских народов: ненцев и нганасан (Генофонд; Tambets, 2004: 667). Гаплогруппа N1b разделяется на два кластера (ветви), характеризующиеся специфическими значениями Y-STR-маркёров – N1b-E (европейский) и N1b-A (азиатский) (Rootsi, 2007: 208; Derenko, 2007: 769; Балаганская, 2011: 20), один из которых (N1b-E) распространен у народов Поволжья (татары, марийцы, удмурты), на севере Европейской России (русские, коми-зыряне) и на севере Западной Сибири (ханты, манси), другой (N1b-A) представлен в основном у монголов, ненцев (лесных и тундровых), тувинцев, хакасов. Встречается этот субклад также у эвенов, башкир, поволжских и литовских татар, турок. Относительно недавно было установлено, что кластер N1b-E также определяется наличием SNP-маркёров L1419, Y3185, а N1b-A – VL67 (YFull).

Распространение части субклада N1b-A, ветви, определяемой SNP-маркёрами VL63 и B478, имеет прямые корреляции с ареалом проживания самодийских народов. Эта линия распространена среди современных самодийцев (ненцев, нганасан и селькупов), а также на тех территориях, где фиксируется самодийская топонимика и отмечается недавнее присутствие самодийцев (Саяны, Северный Алтай) (Дульзон, 1960: 293–295). Таким образом, линия N1b-VL67 с наибольшей вероятностью является маркёром миграций древних самодийцев.

Полное Y-хромосомное генотипирование образцов селькупов, ненцев и тувинцев, проведенное в начале 2015 года (EB; Karmin, 2015), во многом разрешило проблемы внутренней структуры разных ветвей гаплогруппы N1b.

Схема построена на основании данных, полученных в различных коммерческих и научных лабораториях (Family Tree DNA (США), Full Genomes Corporation (США), лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики (Томск, Россия) и эстонского биоцентра (Тарту, Эстония). Значительная часть данных о статусе SNP-маркёров обработана командой YFull (<http://www.yfull.com>).

Южные селькупы, принадлежащие к гаплогруппе N1b, филогенетически ближе к ненцам той же гаплогруппы, чем к тувинцам. Ханты, судя по значениям Y-STR, близки к селькупам и ненцам. Можно полагать, что субклад N1b-A отражает вклад самодийцев в генофонд северных хантов и является своего рода генетическим субстратом этой популяции.

По специфическим значениям Y-STR-маркёров гаплотипы селькупов разделяются на две группы. Обе проявляют большую близость к ненцам, чем к северным хантам (TL). Требуется более точное генотипирование хантов, чтобы понять внутреннюю структуру родства между селькупам, ненцами и хантами. Особенно близки к ненцам потомки жителей юрт Конкиных, т. е. представители самой северной из исследуемых группы южных селькупов.

Разделение южных селькупов и ненцев, принадлежащих к субкладу N1b-A, по расчетам на основании накопления мутаций (SNP), произошло около 3 000 лет назад. Разделение предков селькупов и ненцев с предками тувинцев и монголов произошло в более раннее время.

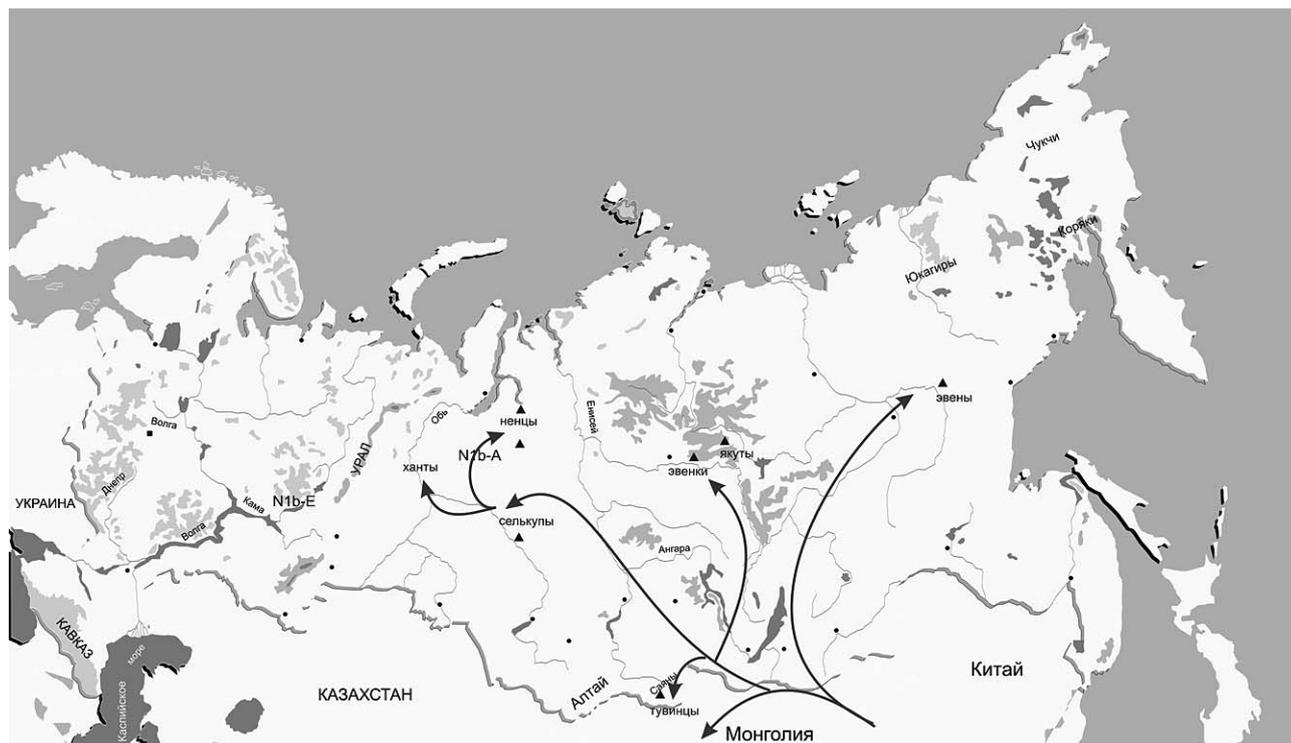

Рис. 4. Миграции представителей субклада N1b-A

На основании современного географического распределения и филогении можно обрисовать наиболее вероятный миграционный маршрут представителей этих линий.

Изначальное происхождение гаплогруппы N1b связано с территорией Китая. Данные по распространению предковых для N1b групп показывает, что это могли быть либо Центральный Китай (Ганьсу), либо Северо-Восточный Китай (Манчжурия) (Hu, 2015: Fig. 1). На этих территориях, возможно, и произошло разделение гаплогруппы N1b на два крупных субклада N1b-A и N1b-E. Разделение саянской и северно-самодийской линий N1b-A произошло, вероятнее всего, в Восточном Саяне. Этот регион носит название Тофалария (Нижнеудинский район Иркутской области) и здесь до сих пор проживают тофалары (карагасы), которые, по сведениям путешественников, еще в XVIII в. были «самоедоязычными» (Georgi 1777: 291; Pallas 1778: 279). М. А. Кастрен также предполагает «самоедское» происхождение тофаларов (карагасов) (Castren, 1856: 388–389). Ко всему этому следует добавить, что значительная часть генофонда тофаларов представлена гаплогруппой N1b (43,3%). Гаплотипы тофаларов N1b принадлежат, судя по специфическим значениям Y-STR-маркёров, к субкладу N1b-A, описанному выше и характерному для самодийских народов (Derenko, 2007: 764–766).

К северо-западу от Тофаларии находятся земли камасинцев (Саянский район Красноярского края), уже достоверно самоедоязычного народа. Также вся эта территория насыщена самодийскими топонимами (Дульзон, 1960; Матвеев, 1965). Изначальный ареал миграции генетических предков самодийцев достаточно хорошо вписывается в гипотезу о саянском происхождении народов этой языковой группы, высказанной еще в XVIII в. Фишером (Fisher, 1768: 120) и Палласом (Pallas, 1778: 279–280) и поддержанной в XIX в. М. А. Кастреном (Castren, 1856: 380).

Дальнейший миграционный путь видится следующим образом. Представители гаплогруппы N1b переместились из региона среднего Енисея к Оби и заняли восточную часть территории Нарымского Приобья. На данный момент южнее впадения р. Кети в Обь представители N1b не обнаружены, хотя миграция дальше на юг по Оби и Иртышу этой линии не исключена. В Нижнем Приобье линия N1b-A с высокой частотой представлена у современных северных хантов – 23% (TL) и манси – 36,6% (подсчитано по Feher, 2015). Относительно хантов выявлена принадлежность практически всех представителей субклада N1b-A к линии N1b-VL63, что сближает их с самодийцами. Субклад N1b-A распространен также у заболотных (ясколбинских) татар – 62% (Падюкова, 2014: 22) и встречается у коми-зырян – 15% (TL), что может указывать на миграцию представителей этого субклада из Нижнего Приобья на территорию Северного Приуралья.

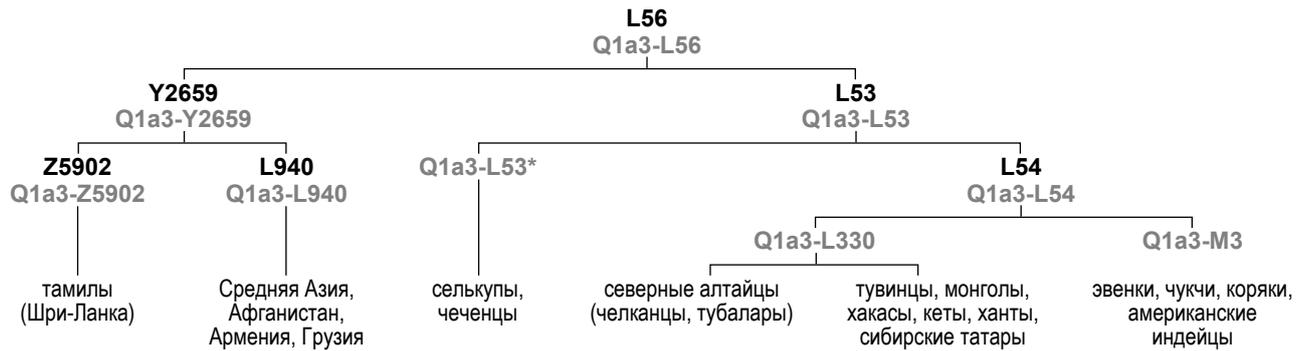

Рис. 5. Филогенетическое древо гаплогруппы Q1a3

Здесь стоит отметить определенную взаимосвязь между распространением линии N1b-VL63 и типа хозяйства, связанного с оленеводством. В районах, где этот субклад представлен со значительной частотой (тофалары, ненцы, нганасаны, ханты, манси), оленеводство с древнейших времен является основой хозяйства. Это еще раз указывает на связь данной группы с самодийцами, для которых, исходя из данных языка, характерно было наличие развитого оленеводства (Хелимский, 2000: 16; Напольских, 1997: 141). Наличие оленеводства у северных хантов и манси, угров по языку, при высокой частоте субклада N1b-A, лишней раз указывает на то, что значительную часть современных северных угров составляют генетические потомки самодийцев.

Предлагаемая гипотеза о миграции генетических предков селькупов, принадлежащих к гаплогруппе N1b, в будущем может быть скорректирована. Возможно, появятся новые данные, которые позволят более точно очертить миграционные пути. На данный момент можно уверенно говорить о тесной генетической связи между территориями, где проживают или проживали самодийцы и направления миграций представителей гаплогруппы N1b с юга на север.

Другим значимым компонентом генофонда южных селькупов является гаплогруппа Q1a3-L56, прежде всего представленная субкладом Q1a3-L330. Гаплогруппа Q1a3 с наибольшей частотой встречается у народов Сибири и на Американском континенте (Харьков, 2012: 13–14, Bortolini, 2003: 527). Эта гаплогруппа также обнаружена на территории Средней Азии, Пакистана, Индии и Китая с невысокой частотой (1–2%) (Sengupta, 2006: 207). Наиболее вероятной прародиной или территорией первоначального распространения гаплогруппы Q1a3 является регион Пакистана и Афганистана.

Производный от гаплогруппы Q1a3 субклад Q1a3-L330 с наибольшей частотой представлен у кетов (84%). Со значительной частотой этот субклад распространен у хантов (северных и васюганских), тувинцев, хакасов и северных алтайцев. С меньшей частотой встречается у монголов (Харьков, 2012: 13–14; TL; Uralic DNA Project).

Согласно последним расчетам, возраст Q1a3-L330 достаточно древний. Ближайшими «родственниками» кетов, селькупов, хантов, тувинцев, монголов, принадлежащих к этому субкладу, являются американские индейцы. Частота субклада Q1a3-M3 у коренных американцев составляет около 84% (Bortolini, 2003: 527; Zegura, 2004). Время жизни общего предка субкладов Q1a3-L330 и Q1a3-M3 рассчитывается в интервале близком к 15 500±1 000 лет назад (YFull). Вероятно, разделение этой линии произошло в Южной Сибири или западной части современного Китая.

Разделение двух основных ветвей Q1a3-L330 произошло примерно 8 000±1 000 лет назад (YFull), и, вероятно, это произошло на пограничье Казахстана, Российского Алтая, Монголии и Китая. Есть основания полагать, что у тубаларов и челканцев представлена самая древняя, рано отделившаяся линия Q1a3-L330. По данным исследования древней ДНК часть населения Монгольского Алтая эпохи бронзы принадлежала к субкладу Q1a3-L54 (Hollard, 2014: 21). К сожалению, авторами данной работы не было проведено генотипирование на SNP-маркёр L330. Так как в настоящее время на данной территории встречается только один производный от Q1a3-L54 субклад Q1a3-L330, можно предполагать, что древнее население этого региона относилось именно к этому субкладу.

Субклад Q1a3-L330 с наибольшей частотой встречается у кетов, народа, принадлежащего к енисейской языковой группе. Также данный субклад в основном встречается на территории распространения енисейской топонимики – Саяны, Северный Алтай, а также Омского Прииртышья (Дульзон, 1959: 97; Дульзон, 1960: 291). В связи с этим есть все основания полагать, что этот субклад является маркёром миграций енисейцев (Волков, 2013: 83).

Рис. 6. Миграции представителей субклада Q1a3-L330

Распространение данного субклада позволяет выявить два миграционных потока, исходной точкой которых была территория Саян. Один поток шел через Чулым с выходом к Васюгану и далее к Иртышу, другой поток шел на север по Енисею до мест нынешнего проживания кетов (см. рис. 6).

Селькупы Q1a3-L330 принадлежат к двум линиям. Судя по специфическим значениям Y-STR-маркёров потомки жителей юрт Кондуковых Лелькинской волости ближе к кетам, особенно к представителям фратрии богдэнг (TL). Близость селькупов, чьи предки проживали в восточной части Прикетья, к кетам вполне объяснима. Миграции генетических предков кетов проходили с юга на север по Енисею. Одна из близкородственных кетам групп вполне могла занять территорию верховьев Кети еще в глубокой древности. Известный исследователь Б. О. Долгих считал, что население верховьев Кети, проживающих в соседней с Лелькинской Натско-Пумпокольской волости «говорили на кетском языке» (Долгих, 1960: 188). И. Э. Фишер, сравнивая язык остяков верховьев Кети с селькупским, пришел к выводу, что в их языке нет ни малейшего сходства, и что «эти остяки верховьев Кети принадлежат к одному народу с аринами, котами, койбалами и ассанами» (Fischer, 1768: 138), т. е. относятся к енисейцам. По мнению А. П. Дульзона, Пумпокольская волость в первой половине XIX в. еще была кетской (Дульзон, 1959: 101–102). Б. О. Долгих предполагает, что местное население было ассимилировано мигрантами из Нарымского Приобья (Долгих, 1960: 188). Г. И. Пелих указывает на проживание в верховьях Кети этнической группы кайбангула (Пелих, 1981: 13). Ряд исследователей предполагали связь между кайбангула и саянскими койбалами (Малолетко, 1999: 218). Следует в этом контексте отметить, что саянские койбалы принадлежат к той же генетической линии Q1a3-L330, что и селькупы верховьев Кети и собственно кеты (Балаганская, 2011: 10; ML), а М. А. Кастрен указывал, что «койбалы одного происхождения с енисейскими остяками» (Castren, 1856: 203, 322, 360).

Г. И. Пелих, ссылаясь на письменные источники, сообщает о переселении в начале XVII в. на земли кайбангула пумпокольцев, которыми управлял князец Урунк (Пелих, 1981: 72). Таким образом, потомки жителей юрт Кондуковых могли быть как пумпокольцами, так и представителями группы кайбангула, также, видимо, родственной кетам.

Потомки жителей Кашкинской волости (юрты Мулешкины и Карелины) на средней Кети, судя по специфическим значениям Y-STR-маркёров ближе к тувинцам и монголам, чем к кетам. Вполне возможно, что изначально население этой волости было тюркским или, по крайней мере, часть населения имела тюркское происхождение. В 1640–1662 гг. среди князцов этой волости указан Ивашко Басандаев, в 1662–1690 гг. Алтабайко Ивашкин, а в 1691–1703 Широкой Алтабайкин (Малиновская, 2007: 135; РГАДА

1676/77: Л. 617 об. – 618). Наличие специфических имен, распространенных среди тюрков – Басандай, Алтабай может указывать на тюркское происхождение династии князцов Кашкинской волости. Также стоит отметить, что кроме имени родоначальника династии кашкинских князцов Басандая, которое совпадает с именем князца эуштинских татар, на территории Кашкинской волости С. У. Ремезов отметил населенный пункт Еушта (Ремезов, 1697–1711: 126). Не исключено, что потомки князца Басандая жили в этих местах.

Весьма вероятно, что генетические предки селькупов Кашкинской волости были выходцами с Чулыма и имели общее происхождение с одной из групп чулымских тюрков. К сожалению, в настоящее время нет данных о составе мужских линий чулымских тюрков, и делать какие-то определенные выводы еще рано. Однако именно Причулымье является наиболее вероятной территорией, по которой проходил миграционный маршрут предков жителей Кашкинской волости из региона Тувы до Средней Кети.

Третья значимая часть генофонда южных селькупов представлена субкладом Q1a3-L53*. Изначальное происхождение этой линии, так же как и линии Q1a3-L330, вероятно, связано с территорией Южной Азии или юга Средней Азии. Но разделение этих линий произошло в столь древние времена, что считать их родственными нет никаких оснований. Данная линия хорошо выделяется наличием специфических Y-STR-маркёров. Территория расселения представителей этой линии тяготеет к бассейну р. Парабели. Не исключено, что и эта линия также представлена у более южного населения. Для подтверждения этого необходимо провести исследование потомков населения Чаинской, Большой и Малой Чурубаровских и Шепецкой волостей.

Вопрос о связи этой генетической линии с носителями определенных этнонимов сложен, но какое бы имя ни носили представители линии Q1a3-L53*, населявшие бассейн р. Парабели, они составляют компактную юго-западную группу, и исходя из разнообразия гаплотипов можно предполагать, что эта группа появилась в данном регионе более 2 500 лет назад. Ближайшими генетическими родственниками селькупов из этой линии является группа чеченцев и один поляк (Q-M242). Разделение предков селькупов и чеченцев линии Q1a3-L53* могло произойти на юге Западной Сибири около 3 000 лет назад, и наиболее вероятными предками данной группы можно считать носителей одной из археологических культур бронзового века, происхождение которой связано с южными территориями. Возможно, субклад Q1a3-L53* связан с одним из компонентов кулайской культуры, который М. Ф. Косарев называет федоровским (Косарев, 1991: 21–22).

Другие генетические линии в составе южных селькупов являются минорными. На данный момент каждая линия представлена только одним человеком. Но, тем не менее, каждая из этих линий отражает процесс вхождения новых компонентов в состав предков селькупов.

Было проведено генотипирование образца потомка правителей Пегой Орды. У князя Кичея указан племянник Алешка Санбычев сын Алатай, ставший основателем рода Алатаевых, часть представителей которого сменили фамилию на Гуляевы и Мартемьяновы (Волков, 2009: 32). Генотипирование образца показало его принадлежность к субкладу N1b-E. Среди возможных близких генетических родственников потомки династии правителей Казымского княжества (Молдановы, Мултановы, Сенгеповы) (TL). Таким образом, есть вероятность, что правители Пегой Орды и Казымского княжества являются представителями одного рода. Окончательное установление родства между династиями может пролить связь на некоторые интересные моменты ранних государственных объединений селькупов и хантов.

Еще одна минорная линия представлена гаплогруппой Q1a2-L716. Ее представителем является потомок жителей юрт Ласкиных. Ближайших генетических родственников мы находим среди хантов и сибирских татар иштяк-тогузской группы, проживающих на р. Вагай (ML). Весьма вероятно, что эта линия по своему происхождению имеет отношение к тем же территориям, что и линия Q1a3-L53*.

Две другие минорные линии принадлежат к гаплогруппе R1b-M73, но к разным субкладам. Тем не менее обе эти линии не очень древние, каждая из них образовалась примерно 2 500 лет назад. Две эти линии, одна из которых определяется специфическим значением DYS390, равным 22, другая – 19, представлены почти исключительно у тюркских народов. Наиболее высокие частоты субклада R1b-M73 наблюдаются у юго-восточных башкир, телеутов, кумандинцев, карачаевцев и балкарцев (Балаганская, 2011: 10; Схаляхо, 2013: 15; Karachay-Balkar; ML).

Представителем первой линии (DYS390=22) является потомок князца Тогурской волости. Здесь следует отметить близость гаплотипа этого потомка с гаплотипами представителей сеока Тогул, который входит в состав телеутов. Не исключено, что название волости (Тогурская) и этноним Тогул имеют общее происхождение, и появление первого связано с миграцией тюрков с более южных территорий.

Представитель второй линии (DYS19=19) является потомком жителей Саровских юрт Малой Провской волости (ныне Верх Сор Молчановского района). Эта линия с высокой частотой представлена у кумандинцев (сеоки куманды и тон (ML, Кастаракова, Данилов)), юго-восточных башкир, казахских кып-

чаков, а также встречается среди башкирских и каракалпакских кыпчаков (Волков, 2014: 236; Сабитов, 2014: 314). Есть все основания полагать, что эта линия маркирует не просто миграции тюрков, а миграции именно кыпчаков или родственных к ним групп (Волков, 2014: 237). По материалам XVII–XVIII вв. Большая и Малая Провские волости указываются как татарские (Емельянов, 1980: 28). Г. Ф. Миллер указывает татарское название волости *buga-* или *buraning-aimak*, которое в русских документах было преобразовано в Провскую (Миллер, 1996: 177). Во многих тюркских языках слово *бура*, *бурэ*, *бори* обозначает волка (Севортян, 1978: 219–222). Не исключено, что название волости отражало самоназвание ее жителей, как и татарское название Шегарской волости – *Terenja-aimak*, население которой причисляло себя к роду *Terenja* (Миллер, 1996: 177). Следует отметить, что одним из главных племен кыпчаков был ильбари (Ахинжанов, 1995: 208, 235, 265, 286). Этот этноним также связывают со словом, обозначающим волка (Ахинжанов, 1976: 88–89). Хорошо известно о широком распространении культа волка у кыпчаков (Ахинжанов, 1976: 89; Голден, 2008: 312). По материалам переписи 1897 г. население Верхне-Саровских юрт состояло из «остяко-самоедов» (Патканов, 1911: 155), а не томских тюрков. Вопрос изменения этнической идентификации населения этой местности требует отдельного изучения.

Наличие представителей гаплогруппы R1b у северных селькупов (Tambets, 2004: 667) свидетельствует, что этот компонент вошел в состав селькупов достаточно давно, по крайней мере, раньше разделения южных и северных селькупов.

Таким образом, генофонд южных селькупов состоит из нескольких компонентов. Представители каждого из них занимают определенную территорию и в связи с этим эти компоненты можно условно обозначить как северный, юго-западный, южный и восточный. Каждый из этих компонентов генетически сближаются с географически близкими популяциями. Северный компонент с северными хантами и ненцами, восточный – с кетами, южный – с тюрками, юго-западный – с хантами. Формирование генофонда южных селькупов происходило под влиянием миграционных потоков с юго-запада, юга и востока. Генетические данные, которые имеются в настоящее время, не показывают миграции населения с территории Нарымского Приобья на юго-восток. В Саянах и на Северном Алтае мы встречаем только предковые группы для генетических линий, присутствующих у селькупов. Можно лишь отметить тесные генетические связи населения Васюганья, Прииртышья и Нижнего Приобья. Эти территории объединяет наличие одной из линий субклада Q1a3-L330, происхождение которой может быть связано с Причулымьем и Томским Приобьем (см. рис. 6). Генетические связи южных селькупов с северными хантами и ненцами проявляется вполне отчетливо, что указывает на древние этнокультурные связи территорий расселения этих популяций.

Представители трех наиболее значимых генетических компонентов в составе южных селькупов (северного, юго-западного и восточного), вполне вероятно, населяли территорию Нарымского Приобья еще в докулайскую эпоху. По мнению Л. А. Чиндиной, «кулайская культура частично формировалась как результат взаимодействия традиций еловской и молчановской культур» (Чиндина, 1984: 114). Возникновение еловской культуры связывается с проникновением в таежную зону андроновских (федоровских) племен. Распространение памятников федоровского типа на территорию Нарымского Приобья шло со стороны Барабы, т. е. с юго-запада. Молчановская культура формируется в результате взаимодействия еловской и самусьской культур (Косарев, 1974: 122). Исследователями отмечается определенная близость самусьской культуры к окуневской, памятники которой расположены на Верхнем Енисее. Эта близость позволяет говорить даже о существовании самусьско-окуневской общности (Матющенко, 2006: 313–314). Таким образом, один из основных компонентов, на основе которых сформировалась кулайская культура, связан своим происхождением с юго-западными территориями, другой – с юго-восточными.

М. Ф. Косарев выделяет в составе кулайской культуры три главных компонента, сформировавшихся под влиянием более ранних культур: гребенчато-ямочный, федоровский и самусьский (Косарев, 1991: 21–22). Первый компонент М. Ф. Косарев считает самодийским, второй угорским, а третий кетским (Косарев, 1991: 21–22). Ранние этапы самодийской предыстории связываются также с носителями севернотаежной среднеобской «крестовой» культурной традиции (атлымская культура) (Напольских, 1997: 181).

Северный генетический компонент, учитывая его связи с самодийцами, можно соотнести либо с миграциями носителей гребенчато-ямочной культуры, либо с миграциями носителей крестовой (крестовоструйчатой) традиции.

Восточный компонент связан с енисейцами, и кетами в частности. Исходя из распространения генетической линии Q1a3-L330 и присутствия этой линии в Прииртышье можно предполагать, что представители этой линии занимали территорию Молчановского Причулымья, Нижнего Притомья, а также северную часть Барабы. То есть могут быть связаны с носителями самусьской и молчановской культур, памятники которых занимают часть этой территории. Это предположение подкрепляется связями са-

мусьской культуры с юго-восточными территориями, а конкретнее – с территорией верхнего Енисея, регион, который можно считать исходной точкой миграции тех групп Q1a3-L330, которые ушли на север и северо-запад (см. рис. 6). Еще в большей степени отмечаются корреляции между распространением линии Q1a3-L330 и распространением памятников молчановской культуры (Косарев, 1981: 201). Данный генетический компонент можно сопоставить с тем таежным населением, которое, по мнению М. Ф. Косарева, было родственным самусьскому и наряду с еловским определило состав носителей молчановской культуры (Косарев, 1981: 122). Е. А. Хелимский также делает интересное замечание, что развитое бронзолитейное производство у кулайцев скорее указывает на связь с предками енисейских народов, а не на связь с предками самодийцев (Хелимский, 2000: 21). Таким образом, генетические данные согласуются с мнением М. Ф. Косарева и Е. А. Хелимского о наличии в составе населения кулайской культуры енисейского (кетского) компонента.

Таким образом, генетика, так же как и археология и лингвистика, указывает на наличие в древности на территории Нарымского Приобья двух основных компонентов, в той или иной мере связанных с енисейским и самодийским населением и взаимодействие между ними, которое, несомненно, определило дальнейшую этнокультурную историю региона.

Юго-западный генетический компонент, учитывая связь с юго-западными территориями, а также связи с хантами, можно соотнести с культурами андроновского (федоровского) типа, имеющими южное происхождение. Последний компонент, хотя и роднит селькупов с хантами, вероятнее всего, не связан с языковыми предками угров, а имеет иное, неугорское происхождение. Представители выделенного юго-западного компонента занимают территорию северной части еловской культуры, и поэтому существует вероятность принадлежности этой группы к потомкам носителей данной культуры. Рассчитанные по количеству мутаций (Y-STR и SNP) возраста данных генетических компонентов не противоречат такому сопоставлению.

В результате исследования выявились также важные моменты, связанные с особенностями формирования отдельных микропопуляций селькупов. Генетические данные показывают, что потомки жителей одной волости принадлежат к одной генетической линии, т. е. являются генетическими родственниками и потомками одного родоначальника по мужской линии. Например, потомки жителей Пиковской волости и жителей Кашкинской волости. То же самое мы наблюдаем и на территории проживания томских тюрков, например, в Обско-Тутальской волости. Это, видимо, отражает особенности формирования ясачных волостей и их специфику. Исходя из этого можно считать, что волость – это обозначение не столько территориальной, сколько родо-племенной группы, за которой закреплена определенная территория.

В ближайшее время планируется дальнейшая работа по сбору и генотипированию образцов коренного населения Среднего Приобья. Дополнительный материал позволит на более высоком уровне провести анализ генофонда южных селькупов и сравнить эти данные с данными лингвистики, истории и археологии.

Выражаю безмерную благодарность Андрею Фильченко, Наталье Тучковой, Александру Тучкову, Наталье Поляковой, Зуфару Аюпову, Льву Ламберову, Нине Коробейниковой, Ребекке Канада (США), Владимиру Гурьянову, Дмитрию Адамову, Владимиру Таганкину, Елене Балановской, Владимиру Харьковцу, Олегу Балановскому, Марии Лавряшиной, Асие Падюковой и всем, кто помог в реализации проекта по генетическому исследованию южных селькупов.

Список литературы

- Адамов Д., Гурьянов В., Каржавин С., Таганкин В., Урасин В. Константа скорости SNP мутаций Y-хромосомы по данным полного секвенирования // *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия)*. Vol. 7. No. 1 (2015). Pp. 46–67.
- Ахинжанов С. М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Алма-Ата, 1976. С. 81–93.
- Ахинжанов С. М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: «Гылым», 1995. 296 с.
- Балаганская О. А. Полиморфизм Y-хромосомы у тюркоязычного населения Алтая, Саян, Тянь-Шаня и Памира в контексте взаимодействия генофондов Западной и Восточной Евразии: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 26 с.
- Волков В. Г. Именная книга Нарыма // *Нарым: Тобольск и вся Сибирь*. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2009. С. 31–40.
- Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013. Вып. 1 (1). С. 79–96.
- Волков В. Г. Кыпчакский генетический компонент в составе средневекового населения юга Западной Сибири и Северного Казахстана // *Этногенез казахов: историко-генетический аспект*. Алматы: Shejire DNA, 2014. С. 234–245.

- Генофонд – Среднеэтнические частоты. Электронный ресурс. Доступ: <http://genofond.ru/default2.aspx?s=0&p=711>
- Голден П. Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2008. С. 309–340.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири // Уч. зап. Томского пед. ин-та. Т. 18. Томск, 1959.
- Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М., 1960.
- Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 251 с.
- Кастаракова В. М., Данилов В. М. Материалы по генеалогии кумандинцев. Личные архивы.
- Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Малиновская С. М. Антропоники в этнокультурном воспитании (на материале антропонимов нарымских селькупов). Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. 147 с.
- Малолетко А. А. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 1: Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 281 с.
- Матвеев А. К. Новые данные о камасинском языке и камасинской топонимике (предварительное сообщение) // Вопросы топониматики. Свердловск: [УрГУ], 1965. Вып. 2. С. 32–37.
- Матющенко В. И. О северо-западных границах самусьско-окуневской общности // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 312–314.
- Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 172–179.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмуртский ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 1997. 268 с.
- Падюкова А. Д., Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Тычинских З. А., Кузнецова М. А., Агджоян А. Т., Схаляхо Р. А., Балановский О. П. Изучение генофонда ясколбинских тоболо-иртышских татар по данным STR-маркёров Y-хромосомы // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 20–25.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. (По переписи 1897 г.). Т. 2. СПб., 1911.
- Пелих Г. И. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 174 с.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 643. Книга яшашная Кецкого острогу 1676/77. С. 613–625.
- Ремезов С. У. Хорографическая книга. 1697–1711. Электронный ресурс: Remezov S. U. 1642-ca. Khorograficheskaya kniga [cartographical sketchbook of Siberia] / MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. Доступ: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>
- Сабитов Ж. М. К вопросу о гаплогруппах кыпчаков // Этногенез казахов: историко-генетический аспект. Алматы: Shejire DNA, 2014. С. 102–107.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б" / АН СССР. Ин-т языковедения. М.: Наука, 1978. 349 с.
- Схаляхо Р. А. Геногеография тюркоязычных народов Кавказа: Анализ изменчивости Y-хромосомы: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 24 с.
- Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во ТГПУ, 2014. 224 с.
- Харьков В. Н. Структура и филогеография генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Томск, 2012.
- Хелимский Е. А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралоистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 13–25.
- Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
- Bortolini M. C. et al. Y-Chromosome Evidence for Differing Ancient Demographic Histories in the Americas // Am. J. Hum. Genet. 2003. 73 (3). Pp. 524–39.
- Castren M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St. Petersburg, 1856. Bd. 2. 527 S.
- Derenko M., Malyarchuk B., Denisova G. et al. Y-chromosome haplogroup N dispersals from south Siberia to Europe // J. Hum. Genet. 2007. Vol. 52 (9). Pp. 763–770.
- EB – Estonian Biocentre. Free data. Электронный ресурс. Доступ: <http://evolbio.ut.ee/>
- Fehér T., Németh E., Vándor A., Kornienko I. V., Csáji L. K., Pamjav H. Y-SNP L1034: limited genetic link between Mansi and Hungarian-speaking populations. Mol. Genet. Genomics. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s00438-014-0925-2>

Fischer J. E. Sibirische Geschichte von der entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Lands durch die Russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen, und mit genehmhaltung derselben ans Licht gestellt. Th. 1. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1768. S. 537–861.

Hollard C. et al. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers, *Forensic Science International: Genetics*, Available online 2 June. 2014. URL: [http://www.fsigenetics.com/article/S1872-4973\(14\)00116-1/fulltext](http://www.fsigenetics.com/article/S1872-4973(14)00116-1/fulltext)

Hu K. et al. The dichotomy structure of Y chromosome Haplogroup N. 2015. URL: <http://arxiv.org/abs/1504.06463>

Georgi J. G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. Ausg. 3. Samojedische, mandshurische und ostlichste sibirische Nationen. St. Petersburg: bey Carl Wilhelm Müller; Gedruckt bey Weitbrecht und Schnoor, 1777. S. 273–396.

Karachay-Balkar DNA Project. URL: <https://www.familytreedna.com/public/KBalkarDNA>

Karafet T. M. et al. Ancestral Asian Source (s) of New World Y-Chromosome Founder Haplotypes, *Am. J. Hum. Genet.* 64:817–831, 1999

Karafet 2002 – Karafet T. M. et al. High levels of Y chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life // *Human Biology: The International Journal of Population Genetics and Anthropology*. 2002, 74. Pp. 761–789.

Karmin 2015 – Karmin M. et al. A recent bottleneck of Y chromosome diversity coincides with a global change in culture // *Genome Research* (2015). URL: <http://genome.cshlp.org/content/early/2015/03/13/gr.186684.114.abstract>.

ML – база данных лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра (Москва).

Q-M242 Haplogroup Project. URL: https://www.familytreedna.com/public/yDNA_Q

Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs in einem ausfuehrlichen Auszuge. Dritter Theil in denen Jahren 1772–1773. Frankfurt; Leipzig: Johann Georg Fleischer, 1778.

Rootsi S., Zhivotovsky L. A., Baldovic M. et al. A counter-clockwise northern route of the Y-chromosome haplogroup N from Southeast Asia towards Europe // *Eur. J. Hum. Genet.* 2007. 15. Pp. 204–211.

Sengupta S., Zhivotovsky L. A., King R. et al. Polarity and temporality of high resolution Y chromosome distributions in India identify both indigenous and exogenous expansions and reveal minor genetic influence of central Asian pastoralists // *Am. J. Hum. Genet.* 2006. Vol. 78. P. 202–221.

Tambets K. et al. The Western and Eastern Roots of the Saami – the Story of Genetic “Outliers” Told by Mitochondrial DNA and Y Chromosomes // *Am. J. Hum. Genet.* 2004, 74. Pp. 661–682.

TL – база данных лаборатории эволюционной генетики НИИ Медицинской генетики (Томск).

Uralic (Finno-Ugric-Samoedic) DNA Project. URL: <http://www.familytreedna.com/public/Finno-UgricDNA>

YFull – Электронный ресурс. URL: <http://www.yfull.com> На сайте исследовательской группы YFull представлены филогенетические деревья гаплогрупп и рассчитаны возраста разных субкладов. Деревья построены и возраста рассчитаны на основе данных полногеномного секвенирования значительного количества образцов.

Zegura S. L., Karafet T. M., Zhivotovsky L. A. et al. High-Resolution SNPs and Microsatellite Haplotypes Point to a Single, Recent Entry of Native American Y-Chromosomes into the Americas // *Mol. Biol. Evol.* 2004. Vol. 21. Pp. 164–175.

Приложение

12-маркерные гаплотипы селькупов, использованные в работе

[Порядок Y-STR-маркёров: DYS393, DYS390, DYS19, DYS391, DYS385, DYS426, DYS388, DYS439, DYS389i, DYS392, DYS389ii].

Selkup01. N1b-A 13-23-15-10-13-13-11-12-10-13-14-16
Selkup02. N1b-A 13-23-15-10-13-13-11-12-10-13-14-16
Selkup03. N1b-A 13-23-14-10-12-13-11-12-10-13-14-16
Selkup04. N1b-A 13-23-14-10-12-13-11-12-10-13-14-16
Selkup05. N1b-A 13-23-14-10-12-13-11-12-10-13-14-16
Selkup06. N1b-E 13-23-13-10-12-12-11-12-10-13-12-18
Selkup07. Q1a2-L716 14-23-15-10-14-19-12-14-13-14-16-16
Selkup08. Q1a3-L330 14-23-13-10-15-18-12-12-12-14-14-18
Selkup09. Q1a3-L330 13-23-13-10-15-16-12-12-13-13-14-18
Selkup10. Q1a3-L330 13-23-13-10-15-16-12-12-12-13-14-18
Selkup11. Q1a3-L330 13-23-13-10-15-16-12-12-13-13-14-18
Selkup12. Q1a3-L53* 14-24-13-10-13-17-12-12-13-14-14-15
Selkup13. Q1a3-L53* 14-24-13-10-13-18-12-12-12-11-14-15
Selkup14. Q1a3-L53* 14-23-13-10-13-17-12-12-12-13-14-15

Selkup15. R1b-M73 13-22-14-11-13-16-12-12-13-13-17

Selkup16. R1b-M73 13-19-14-10-13-14-12-12-12-13-13-16

Гаплотипы с расширенным набором Y-STR-маркёров опубликованы в проекте Uralic (Finno-Ugric-Samoedic) DNA Project. Электронный ресурс. Доступ: <http://www.familytreedna.com/public/Finno-UgricDNA> и содержатся в базе лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики (Томск, Россия).

Волков В. Г., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: vladimirgenvolkov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26 августа 2015.

Volkov V. G.

GENE POOL OF SOUTH SELKUPS IN A HISTORICAL CONTEXT

At the present time, population genetics has taken only the first steps in the study of the gene pool of the Southern Selkup. As a result of expeditions, data were obtained on the composition of male lineages of South Selkups. These data allow to solve some problems of the ethnogenesis of this people. This article describes the structure of the gene pool of the Southern Selkup from data on Y-chromosome polymorphism. It is concluded that the spread of genetic lineages showed near-perfect correspondence with certain territories and ethnic groups of Southern Selkup. The article reveals the territorial origin of the genetic lineages and gives an approximate dating of the emergence of these lineages on the territory of the Narym Ob. There are suggestions that genetic lineages connect with carriers of certain archaeological cultures. It is concluded that the presence of most of the genetic lineages in the territory of Narym Ob to be dated already in pre-Kulai era.

Key words: *South Selkup, Narym Ob, genetics, history, archeology.*

References

- Adamov D., Gur'yanov V., Karzhavin S., Tagankin V., Urasian V. Konstanta skorosti SNP mutatsiy Y-khromosomy po dannym polnogo sekvenorovaniya [The rate constant of SNP mutations of Y-chromosome according to the full sequencing]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Russian version)*, vol 7, no. 1 (2015), pp. 46–67 (in Russian).
- Akhinzhanov S. M. Ob etnicheskom sostave kipchakov srednevekovogo Kazakhstana [Ethnic composition of Qipchaq medieval Kazakhstan] *Proshloe Kazakhstana po arkhеologicheskim istochnikam – The past of Kazakhstan according to archaeological sources*. Alma-Ata: Gylym Publ., 1976. Pp. 81–93 (in Russian).
- Akhinzhanov S. M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana*. Almaty, Gylym Publ., 1995. 296 p. (in Russian).
- Balaganskaya O. A. *Polimorfizm Y-khromosomy u tyurkoyazychnogo naseleniya Altaya, Sayan, Tyan-Shanya i Pamira v kontekste vzaimodeystviya genofondov Zapadnoy i Vostochnoy Evrazii*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Y-chromosomal polymorphism in Turkic-speaking populations from Altai-Sayan, Tien-Shan and Pamir mountains in context of the interaction between western and eastern Eurasian gene pools. Abstract of thesis doct. of hist. sci.]. Moscow, 2011. 26 p. (in Russian).
- Volkov V. G. Imennaya kniga Naryma [Name Book of Narym]. *Narym: Tobolsk i vsya Sibir' – Narym: Tobolsk and whole Siberia*. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2009. Pp. 31–40. (in Russian).
- Volkov V. G. Drevnie migratsii samodiytsev i eniseyitsev v svete geneticheskikh dannykh [Ancient migration of Samoyeds and Eniseians in the light of genetic data]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 1, pp. 79–96 (in Russian).
- Volkov V. G. Kypchakskiy geneticheskii komponent v sostave srednevekovogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri i Severnogo Kazakhstana [Kipchak genetic component as part of the medieval population of the south of Western Siberia and Northern Kazakhstan] *Etnogenez kazakhov: istoriko-geneticheskiy aspekt – Ethnogenesis of Kazakhs: historical and genetic aspect*. Almaty: Shejire DNA Publ., 2014. Pp. 234–245. (in Russian).
- Genofond – Sredneetnicheskiye chastoty*. URL: <http://genofond.ru/default2.aspx?s=0&p=711> [Genofond – Average ethnicity frequency] URL: <http://genofond.ru/default2.aspx?s=0&p=711>
- Golden, P. B. Religion among the Qipchaq of Medieval Eurasia. *Central Asiatic Journal* 42 (1998): 180–86. (Russ. ed.: Golden P. B. *Religiya kypchakov srednevekovoy Evrazii. Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. T.6. Zolotoordynskoye vremya*. Sb. nauchnykh rabot – Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6. Golden Horde period. Coll. scientific. works. Donetsk: Donetsk National University, 2008. Pp. 309–340.
- Dolgikh B. O. *Rodovoy i plemennyi sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Tribal and clan structure of the peoples of Siberia in 17th century]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 622 p. (in Russian).

- Dulson A. P. Ketskiye toponimy Zapadnoy Sibiri [Ket toponyms of Western Siberia]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta – Scientific Notes of Tomsk State Pedagogical Institute*, 1959, vol. 18, pp.91–111. (in Russian).
- Dulson A. P. *Etnicheskiy sostav drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri po dannym toponimiki* [The ethnic composition of the ancient population of Western Siberia according to toponymics]. Moscow, East Literature Publ. 10 p. (in Russian).
- Emelyanov N. F. *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'noy epokhu: (Sostav, zanyatiya i povinnosti)* [The population of the Middle Ob in feudal era]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1980. 251 p. (in Russian).
- Kastarakova V. M., Danilov V. M. *Materialy po genealogii kumandintsev. Lichnye arkhivy* [Materials for genealogy of Kumandins. Personal archives.] (in Russian).
- Kosarev M. F. *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient cultures of Tomsk-Narym Ob]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 220 p. (in Russian).
- Kosarev M. F. *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [Bronze Age in Western Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 278 p. (in Russian).
- Kosarev M. F. *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri. Chelovek i prirodnyaya sreda* [The ancient history of Western Siberia. The man and the natural environment]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 302 p. (in Russian).
- Malinovskaya S. M. *Antroponimika v etnokul'turnom vospitanii (na materiale antroponimov narymskikh selkupov)*. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2007, 147 p. (in Russian).
- Maloletko A. A. *Drevnie narody Sibiri. Etnicheskiy sostav po dannym toponimiki. T.1. Predystoriya cheloveka i yazyka. Ural'tsy* [The ancient peoples of Siberia. Ethnic composition according to toponymics. Prehistory human and language. Uralians] Tomsk, Tomsk University Publ., 1999. 281 p. (in Russian).
- Matveev A. K. *Novye dannye o kamasinskom yazyke i kamasinskoy toponimike (predvaritel'noe soobshchenie)* [New data on Kamassian language and toponymy (Preliminary Report)]. *Voprosy toponomastiki – Questions of toponomastics*. Sverdlovsk: UrGU Publ. 1965. issue 2. P.32–37. (in Russian).
- Matyushenko V. I. *O severo-zapadnykh granitsakh samus'sko-okunevskoy obschnosti* [On the north-western borders of Samus-Okunev community] *Okunevskiy sbornik-2. Kul'tura i eyo okruzhenie – Okunev collection-2. Culture and its surroundings*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. Pp. 312–314 (in Russian).
- Miller G. F. *Puteshestvie po vode vnz po Tomi i Obi ot Tomsk do Naryma. 1740 goda* [The travel on the water down Ob and Tom from Tomsk to Narym. 1740 y.]. *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera – Siberia of 18th century in travel notes by G.F. Miller*. Novosibirsk, Sibirskiy khronograph Publ., 1996. Pp. 172–186 (in Russian).
- Napolskikh V. V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to historical Uralistics]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Publ., 1997. 268 p. (in Russian).
- Padyukova A. D., Lavryashina M. B., Ul'yanova M.V., Tychinskikh Z. A., Kuznetsova M. A., Agdzhoian A. T., Skhalyakho R. A., Balanovskiy O. P. *Izuchenie genofonda yaskolbinskikh tobolo-irtyshskikh tatar po dannym STR-markerov Y-khromosomy* [The study of the gene pool of Yaskolbins Tobol-Irtysh Siberian Tatars according to STR-markers of the Y-chromosome]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, no. 3 (59), vol. 3, pp. 91–111. (in Russian).
- Patkanov S. K. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennyy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev* (Po perepisi 1897 g.) [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, languages and generations of foreigners. According to the Census 1897]. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Unknown Publ., 1911. 432 p. (in Russian).
- Pelikh G. I. *Selkupy XVII veka: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [Selkups in XVII century: Essays on the social and economic history.] Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 174 p. (in Russian).
- RGADA, *Fondy Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Funds of the Russian State archives of ancient documents], F. 214. Op. 1. Kn. 643. 1676/77. Ll. 163–625 (in Russian).
- Remezov S. U. *Khorograficheskaya kniga 1697–1711*. Electronic resource: Remezov S. U. 1642-ca. 1720. *Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia] / MS Russ 72 (6)*. Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>
- Sabitov Zh.M. *K voprosu o gaplogruppakh kipchakov*. [On the question about haplogroups of Kipchaks]. *Etnogenez kazakhov: istoriko-geneticheskiy aspekt – Ethnogenesis of Kazakhs: historical and genetic aspect*. Almaty, Shejire DNA Publ., 2014. Pp. 102–107 (in Russian).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obschetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of turkic languages: Common turkic and interturkic bases with the letter "B"]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 349 p. (in Russian).
- Skhalyakho R. A. *Genogeografia tyurkoyazychnykh narodov Kavkaza: Analiz izmenchivosti Y-khromosomy*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Genogeography of turkic-speaking peoples of the Caucasus: An analysis of the variability of the Y-chromosome. Abstract of thesis kand. of hist. sci.]. Moscow, 2013. 24 p. (in Russian).
- Tuchkova A. N. *Sel'kupskaya oykumena. Obzhitoe prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i tsentral'nykh dialektnykh grupp* [Selkup oecumene. Habitable area of Selkups from southern and central dialect groups]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2014. 224 p. (in Russian).
- Kharkov V. N. *Struktura i filogeografia genofonda korennykh naseleniya Sibiri po markeram Y-khromosomy*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Structure and phylogeography of the gene pool of the indigenous population of Siberia on markers of Y-chromosomes. Abstract of thesis doct. of hist. sci.]. Moscow, 2011. 26 p. (in Russian).

- Khelimskiy E. A. *Samodiysskaya lingvisticheskaya rekonstruktsiya i praistoriya samodiytsev* [Samoyeds linguistic reconstruction and prehistory of Samoyeds] Khelimskiy E. A. *Komparativistika, uralistika: leksii i stat'i – Comparativistics, Uralic Studies: Lectures and articles*. Moscow: Languages of Russian Culture Publ. 2000. P. 13–25. (in Russian).
- Chindina L. A. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kultura* [The ancient history of the Middle Ob in the Iron Age. Kulai culture]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1984. 256 p. (in Russian).
- Bortolini M. C. et al. Y-Chromosome Evidence for Differing Ancient Demographic Histories in the Americas. *American Journal of Human Genetics*. 73 (3). S. 524–39.
- Castren M. A. *Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. Nordische Reise und Forschungen*. St. Petersburg, 1856. Bd. 2. 527 p.
- Derenko M., Malyarchuk B., Denisova G. et al. *Y-chromosome haplogroup N dispersals from south Siberia to Europe* // *J. Hum. Genet.* 2007. V. 52 (9). P. 763–770.
- EB – *Estonian Biocentre*. Free data. URL: <http://evolbio.ut.ee/>
- Fehér T., Németh E., Vándor A., Kornienko I. V., Csáji L. K., Pamjav H. *Y-SNP L1034: limited genetic link between Mansi and Hungarian-speaking populations*. *Mol. Genet. Genomics*. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s00438-014-0925-2>
- Fischer, J. E. *Sibirische Geschichte von der entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Lands durch die Russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen, und mit genehmhaltung derselben ans Licht gestellt*. Th. 1. – St. Petersburg: Gedruckt bey der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1768. 537–861 p.
- Hollard C. et al. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers, *Forensic Science International: Genetics*, Available online 2 June. 2014. URL: [http://www.fsigenetics.com/article/S1872-4973\(14\)00116-1/fulltext](http://www.fsigenetics.com/article/S1872-4973(14)00116-1/fulltext)
- Hu K. et al. *The dichotomy structure of Y chromosome Haplogroup N*. 2015 URL: <http://arxiv.org/abs/1504.06463>
- Georgi J. G. *Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten*. Ausg. 3. *Samojedische, mandshurische und ostlichste sibirische Nationen*. St. Petersburg: bey Carl Wilhelm Müller; Gedruckt bey Weitbrecht und Schnoor, 1777. – 273–396 p.
- Karachay-Balkar DNA Project*. URL: <https://www.familytreedna.com/public/KBalkarDNA>
- Karafet T. M., et al. *Ancestral Asian Source (s) of New World Y-Chromosome Founder Haplotypes*, *Am. J. Hum. Genet.* 64:817–831, 1999
- Karafet 2002 – Karafet T. M. et al. High levels of Y chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life // *Human Biology: The International Journal of Population Genetics and Anthropology*. 2002, 74. S. 761–789.
- Karmin 2015 – Karmin M. et al. A recent bottleneck of Y chromosome diversity coincides with a global change in culture // *Genome Research* (2015). URL: <http://genome.cshlp.org/content/early/2015/03/13/gr.186684.114.abstract>.
- ML – *Database of laboratory of population genetics of human – Medical Genetic Research Center (Moscow)*.
- Q-M242 *Haplogroup Project*. URL: https://www.familytreedna.com/public/yDNA_Q
- Pallas P. S. *Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs in einem ausfuehrlichen Auszuge*. Dritter Theil in denen Jahren 1772–1773. Frankfurt; Leipzig: Johann Georg Fleischer, 1778.
- Rootsi S., Zhivotovsky L. A., Baldovic M. et al. *A counter-clockwise northern route of the Y-chromosome haplogroup N from Southeast Asia towards Europe* // *Eur. J. Hum. Genet.* 2007. 15. P. 204–211.
- Sengupta S., Zhivotovsky L. A., King R. et al. *Polarity and temporality of high resolution Ychromosome distributions in India identify both indigenous and exogenous expansions and reveal minor genetic influence of central Asian pastoralists* // *Am. J. Hum. Genet.* 2006. V.78. P. 202–221.
- Tambets K. et al. *The Western and Eastern Roots of the Saami – the Story of Genetic “Outliers” Told by Mitochondrial DNA and Y Chromosomes* // *American Journal of Human Genetics*. 2004, 74. P. 661–682.
- TL – *Database of laboratory of evolutionary genetics – Institute of Medical Genetics (Tomsk)*.
- Uralic (Finno-Ugric-Samoedic) DNA Project. URL: <http://www.familytreedna.com/public/Finno-UgricDNA>
- YFull – URL: <http://www.yfull.com>
- Zegura S. L., Karafet T. M., Zhivotovsky L. A. et al. *High-Resolution SNPs and Microsatellite Haplotypes Point to a Single, Recent Entry of Native American Y-Chromosomes into the Americas* // *Mol. Biol. Evol.* 2004. V. 21. P. 164–175.

Volkov V. G.,
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: vladimirgenvolkov@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Werner H.

STEFAN GEORG. A DESCRIPTIVE GRAMMAR OF KET (YENISEI-OSTYAK). VOLUME I. INTRODUCTION, PHONOLOGY, MORPHOLOGY (GLOBAL ORIENTAL, 2007, 468 P.)

Bekanntlich gehen die ersten Angaben über die Jenissejer, eine Gruppe von einheimischen Völkern Mittelsibiriens (Arinen, Assanen, Keten, Jugen, Kotten und Pumpokoler) im Stromgebiet des Jenissej und seiner Nebenflüsse, auf das 17. Jh. zurück, als die russischen Siedler bis an den Jenissej vorgedrungen waren. Die Anfänge der Jenissejistik, eines Forschungsgebietes, das sich mit diesen Völkern, ihren Sprachen, Geschichte und Gesamtkultur befasst, gehen auf das 18. Jh. zurück und sind mit den Namen solcher deutschen Forscher wie D. G. Messerschmidt, G. F. Müller, J. G. Gmelin, J. E. Fischer, P. S. Pallas und J. G. Georgi verbunden. Von ganz besonderer Bedeutung ist in diesem Zusammenhang die Tätigkeit von G. F. Müller, der an der Leipziger Universität Geschichte und Literatur studierte und später nach St. Petersburg ging. Eben diesem großen Forscher hat die Jenissejistik die sechs kurzgefassten Lexika der sechs damals noch gesprochenen Jenissej-Sprachen zu verdanken, welche noch heute die Grundlage für die vergleichenden Studien der Jenissej-Sprachen bilden.

Im 20. Jh. hat man sich für das „jenissejische Phänomen“ immer stärker interessiert, es erschien eine ganze Reihe von wichtigen Arbeiten, und die wissenschaftliche Welt ist sich nun der großen Bedeutung der Jenissejistik für die Erforschung der Völker Zentralasiens und Sibiriens, ihrer Sprachen, Geschichte, Ethnogenese und Gesamtkultur tief bewusst.

Das Interesse für das „jenissejische Phänomen“ ist vor allem durch die Tatsache hervorgerufen, dass die erwähnten einheimischen Völker de facto eine ethnolinguistische „Insel“ Mittelsibiriens darstellen, denn ihre Sprachen weisen keinerlei Verwandtschaft mit den Sprachen ihrer Nachbarn auf. Höchst interessant ist auch, dass die Toponyme jenissejischer Herkunft vom Stromgebiet der Selenga (Nordmongolei) im Osten bis zum Ural- und Kama-Fluss im Westen verbreitet sind; sie weisen auf ein riesiges Gebiet ihrer ehemaligen Wohnsitze hin, folglich kann man davon ausgehen, dass die Jenissejer mit der Ethnogenese mehrerer historischen Völker Zentralasiens und Sibiriens zu tun haben, auch wenn sie selbst als eigenständige Ethnien historisch allmählich zu kleinen Völkerschaften geschrumpft sind und sich nur im Jenissejgebiet bis zur Gegenwart in den Keten erhalten haben.

Die Jenissejer, geborene Jäger, Fischer und Sammler, kannten keine schriftliche Tradition, und im Falle ihrer schriftlosen Kultur gibt es außer den Überresten ihrer ethnischen Traditionen, ihrer Mythen, Sitten und Riten keine von ihnen selbst hinterlassenen historischen Quellen. Auch die archäologischen Funde geben nur sehr begrenzt Auskunft über ihre Geschichte, Geisteshaltung und Welteinstellung. Eben deshalb kommt den sprachlichen Quellen eine ganz besondere Bedeutung zu. Man sollte in den vielleicht noch 20–25 verbleibenden Jahren, in denen es noch Muttersprachler unter den Keten gibt, soviel Sprachmaterial wie möglich durch Feldforschung einbringen und es auf dem Niveau des gegenwärtigen Forschungsstandes erfassen, erforschen und beschreiben.

In dieser Hinsicht ist die zu besprechende Arbeit von Stefan Georg eine herausragende Leistung, die die Ketologie und die gesamte Jenissejistik gut voranbringt und auch auf der anderen Seite von Interesse für die allgemeine, vergleichende und typologische Sprachwissenschaft ist. Ein innovativer Forscher wie Stefan Georg mit so breitem wissenschaftlichem Interessenspektrum konnte das „jenissejische Phänomen“ nicht einfach außer Acht lassen. Er widmete ihm mehrere Jahre intensiver Forschung, incl. intensiver Feldforschung am Jenissej in den ketischen Siedlungen in den Jahren 1999–2002. Sein wissenschaftliches Image, geprägt durch die Forschungsprinzipien seiner Lehrer, der Professoren des Instituts für Orient- und Asienwissenschaften sowie des ehemaligen Sprachwissenschaftlichen Instituts der Universität Bonn, ermöglichten ihm, die Probleme der Ketologie unter einem besonderen Blickwinkel zu erfassen, und dadurch zu neuen bedeutenden Erkenntnissen zu gelangen.

Man gehe bei der Beurteilung der Arbeit nicht von der Beschreibung und Deutung einzelner sprachlicher Erscheinungen aus, von denen vielleicht etliche noch diskussionsbedürftig bleiben, sondern von den gesamten neuen Forschungsergebnissen, die den wahren Wert des Buches von S. Georg darstellen und der Ketologie neue und zukunftsweisende Impulse geben.

Schon ein flüchtiger Überblick über den Inhalt der Arbeit gibt eine Vorstellung von den erörterten Problemen. Gleich am Anfang bekommt der Leser ausführliche Information über die soziolinguistische Situation der Ketten und versteht, wie dringend die heute noch mögliche weitere Dokumentierung ihrer stark bedrohten Sprache notwendig ist.

Wie bereits erwähnt, stellen die Ketten (eigentlich alle Jenissejer) eine isolierte ethnolinguistische „Insel“ Sibiriens dar, und die Versuchung, eine genetische Verwandtschaft mit anderen Völkern nachzuweisen, war schon immer sehr groß. Alle Hypothesen dieser Art konnten aber bislang nicht endgültig bewiesen werden, und Stefan Georg lehnt sie zu Recht wegen unzureichender Argumentation ab. Schwierig war es auch schon immer, die historischen Kontakte der Jenissejer zu anderen Völkern und somit auch die Konvergenzprozesse in den Jenissej-Sprachen festzustellen, und die in seiner Arbeit enthaltenen Hinweise zu diesem Problem auf Grund der historisch-arealen Analyse entsprechender sprachlicher Phänomene sind von großem Interesse, insbesondere für die etymologischen Studien im Bereich der Jenissejistik.

Die phonologische Beschreibung des Ketischen in der „*Descriptive Grammar*“ von Stefan Georg ist m.E. einwandfrei. Hier lässt sich der Verfasser von folgenden zwei Prinzipien leiten:

1) Die Verschriftung der ketischen Wörter sollte streng nach dem phonologischen, nicht nach dem phonetischen System erfolgen.

2) Die Verschriftung dieser Wörter sollte streng nach beschreibungsökonomischen Prinzipien erfolgen.

Er strebt also danach, die Verschriftung der ketischen sprachlichen Materialien dem Leser maximal verständlich und zugänglich zu machen.

Von der zu sehr „über“differenzierten Verschriftung der ketischen und jugischen Materialien in Castrén 1858 und insbesondere in Donner 1955 bis zu meiner, z.B. in Werner 2002, lässt sich eine ziemlich starke Vereinfachung beobachten, die aber dem Verfasser der „*Descriptive Grammar*“ zu Recht immer noch nicht einfach genug ist, und er versucht, m.E. mit Erfolg, die Verschriftung noch mehr zu vereinfachen.

Das phonologische System des Ketischen sowie der anderen Jenissej-Sprachen ist kompliziert: hier lassen sich zwei Ebenen – die segmentale (der Vokalismus und Konsonantismus) und suprasegmentale (die Silbentonalität) – unterscheiden, die durch eine Wechselwirkung aufs engste miteinander verbunden sind. Eine adäquate Beschreibung des gesamten Systems der phonologischen Mittel sollte beide Ebenen gleicherweise berücksichtigen.

Es ist aber so, dass es in der phonologischen Theorie, je nach den unterschiedlichen „phonologischen Schulen“ unterschiedliche Auffassungen und Deutungen bestimmter phonetischer Phänomene gibt, da man von unterschiedlichen Beschreibungsprinzipien ausgeht. Dies ist auch der Fall in meiner und Stefan Georgs Beschreibung des ketischen phonologischen Systems. Solche unterschiedlichen Betrachtungsweisen sollte man aber nicht von vornherein als ein Hindernis bei der Erfassung und Deutung der entsprechenden sprachlichen Erscheinungen betrachten, sondern als ein durchaus normales Vorgehen, welches wie im gegebenen Fall als positiv zu beurteilen ist, denn unterschiedliche Auffassungen können die theoretische Forschungsbasis bereichern und zu neuen Erkenntnissen führen. Wichtig ist dabei, dass das System grundsätzlich korrekt erfasst und beschrieben wird.

In der phonologischen Tradition, welcher ich folge (Zinder 1960), lässt man sich bei der phonologischen Analyse von folgendem Prinzip leiten: wenn zwei Laute in unabhängiger phonetischer Position als eigenständige Phoneme einander gegenüberstehen, so sollte man sie auch in allen übrigen Fällen nicht als Allophone eines Phonems, sondern als zwei eigenständige Phoneme betrachten. Während man z.B. in der Regel in der Fachliteratur die deutschen Konsonanten [x] (z.B. in *lachen*) und [ç] (z.B. in *lächeln*) als zwei Allophone des <x>-Phonems betrachtet, weil der [ç]-Laut durch die vorhergehenden Konsonanten *r, n, l* (z.B. in *durch, manch, solch*) und die vorhergehenden Vokale der vorderen Reihe (*i, ü, e, ö, ä*) bestimmt ist, sind sie für mich zwei eigenständige Phoneme, da im deutschen Suffix *-chen* der [ç]-Laut durch keinen vorhergehenden Laut bestimmt ist.

Bei der Beschreibung des ketischen Vokalismus führt eine unterschiedliche Auffassung dieser Art zum maximalen System in meiner (W) und zum minimalen System in Stefan Georgs (G) Beschreibung:

W			G		
i		u u	i	u	u
e		ə o	e	ə	o
ɛ	ʌ	ɔ		a	
æ	a				

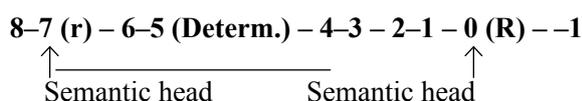
1) Stämme, die nur aus dem Wurzelmorphem **R** (auch Basismorphem genannt) der Ausgangsposition (resp. Null-Position) bestehen: *dib-bet* „er macht es“ (Stamm: **-bet**);

2) Stämme, die eine Kombination aus einem Basismorphem **R** und einem Determinativ-Morphem bestehen: *da-t-aj-ga* < *da-t-aj-kaj* ‘sie geht umher‘ (Stamm: **t-kaj**);

3) Stämme, die eine Kombination aus einem Inkorporat (**r**) und einem Basismorphem (**R**) bestehen: *da-qus-si-bet* ‘sie stellt ein Zelt auf‘ (Stamm: **qus-bet**);

4) Stämme, die aus der Kombination: Inkorporat (**R**) + Determinativ + Basismorphem (**R**) bestehen: *da-taj-bo-k-a-bet* ‘sie schleppt mich (auf einer Schleppe)‘ (Stamm: **taj-k-bet**).

Das Basismorphem (**R**) ist also in jedem Fall vorhanden. In semantischer Hinsicht hat es aber nicht immer die Funktion des semantischen Gipfels der Verbalform, des *semantic head*, und tritt in diesem Fall in einer *aux*-Funktion (Hilfsverbum) auf. Im letzteren Fall hat das Inkorporat-Morphem die Funktion des semantischen Gipfels:

Vgl. *daltajtet* ‘er schlägt ihn (mit einem Gegenstand)‘, – *tet* ‘schlagen‘ (Stamm: *al-t-tet*), aber: *da-to-η-batab-tet* ‘sie packt mich‘, wo *-tet* in der *aux*-Funktion auftritt (Stamm: *to: η-t-tet*)

Während es nur sieben Determinative gibt und die Zahl der Wurzelmorpheme, die in der Ausgangsposition (**R**) auftreten, sehr beschränkt ist, ist die der Inkorporate (**r**) unbeschränkt, und eben die Verbalstämme mit den Inkorporaten (**r**) füllen das gesamte verbale Lexikon des Ketischen und bilden die Vielfalt der Verbalformen.

Dieser Mechanismus der Gestaltung der ketischen Verbalformen wurde vom Verfasser der „*Descriptive Grammar*“ klar erfasst und durch die Stammformeln mit präziser Glossierung der entsprechenden finiten Formen dargestellt. Die Analyse der ketischen Verbalformen mit Hilfe der Methode der Stammformeln (oder genauer: der Methode der Positionsgrammatik) erwies sich als einfach und gut verständlich und bot den Schlüssel zur Präsentierung der verbalen Lemmata in den zur Zeit entstehenden Wörterbüchern. Nach den Charakteristika, Positionen und Funktionen aller Elemente der Verbalformen beschreibt der Verfasser die grammatischen Kategorien des Verbums und geht wie in Vajda 2004 von folgenden fünf Konjugationstypen aus:

1) aktiver Konjugationstyp mit den Untertypen:

a) trans. Konjugation (mit aktiven Subjektaffixen **D** und inaktiven Objektaffixen **D**): *du-b-tet* ‘er schlägt es‘;

b) intrans. Konjugation (mit aktiven und inaktiven **D**-Affixen): *du-n-ɔ* ‘er ist gestorben‘, *sit-kaj-a* ‘ihr wacht auf‘;

2) absolutiver Konjugationstyp mit den Untertypen:

a) trans. Konjugation (mit Subjektaffixen **D** und Objektaffixen **B**): *da-ba-k-ɔ-l-do* ‘sie sah mich‘;

b) intrans. Konjugation (mit Subjektaffixen **B**): *bo-k-a-tn* ‘ich gehe‘;

3) absolutiv-koreferente Konjugation (mit Koreferenzaffixen):

a) trans. Untertyp: *da-bu-k-b-it* ‘sie trägt es‘;

b) intrans. Untertyp: *da-bu-t-ɔ-l-ɔk* ‘sie zuckte zusammen‘;

4) inaktiv-koreferente Konjugation (mit Koreferenzaffixen):

a) trans. Untertyp: *da-bo-k-s-a-qa* ‘sie verkauft mich‘;

b) intrans. Untertyp: *da-a-j-a-tij* ‘sie wächst‘;

5) Possessive Konjugation: *t-kutɔl’ejbata* ‘sie pfeift‘ (oder auch ohne Possessivpräfixe, z.B. *ul-a-ta* ‘es regnet‘).

Das gesamte Verbalsystem mit seinen zahlreichen Einzelheiten und einer Fülle von Sonderregeln wurde mit bemerkenswerter Klarheit erfasst und genau beschrieben. Eine besondere Hervorhebung verdient die Tatsache, dass der Verfasser bei besonders schwierigen und idiosynkratischen Verbalparadigmata und einzelnen Formen zeigt, dass eine historische Betrachtungsweise oftmals die Klarheit bringt, die ein rein synchroner Ansatz im Falle einer Sprache wie dem Ketischen allein nicht zu geben vermag. Vor allem hier erweist sich der im Studium der Indogermanistik und anderer sprachvergleichender Disziplinen erworbene sprachhistorische Scharfblick des Verfassers als besonders fruchtbar für die Ketologie.

Fassen wir zusammen:

1. Die vorliegende Arbeit von S. Georg ist das Ergebnis seiner langjährigen Erforschung des Ketischen. Auf Grund der vollständig berücksichtigten Fachliteratur, der Arbeit in der ketologischen Kartei der Pädagogischen Universität Tomsk (Russland) und insbesondere der ketischen Materialien seiner Feldforschung am Jenissej schlägt Stefan Georg eine neue, auf der Tradition basierende, aber deutlich darüber hinausweisende

und eigenständige Konzeption des Ketischen vor und bringt die Ketologie auf ein neues gegenwärtiges Forschungsniveau.

2. Durch seine Feldforschung am Jenissej, die eingebrachten Materialien und ihre Auswertung in der „*Descriptive Grammar*“ leistete Stefan Georg auch einen bedeutenden Beitrag zur Dokumentierung des Ketischen als einer stark bedrohten Sprache.

3. Die „*Descriptive Grammar*“ ist eigentlich das erste umfassende, auf jeden Fall das bislang ausführlichste Werk über das Ketische in englischer Sprache, und dadurch sind die Ergebnisse seiner Arbeit den Interessenten in der ganzen Welt zugänglich.

4. Die zu besprechende Arbeit von Stefan Georg ist ein Meisterwerk, das der ketologischen Forschung neue Perspektiven aufzeigt und sie in der nächsten Zukunft ohne Zweifel prägen wird.

Erwähnte Quellen

Castrén M. A. Versuch einer jensei-ostjakischen und ketischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. St. Petersburg, 1858.

Donner Kai. Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 108.

Zinder L. P. Obschaya fonetika [Allgemeine Phonetik]. Moskva, 1960. [Russisch]

Vajda J. E. Ket. „Languages of the World / Materials“. Lincom Europa, München, 2004.

Vajda E., Zinn M. Morphological Dictionary of the Ket Verb. Tomsk, 2004.

Volodin A. P. Zur Typologie der Sprachen Sibiriens. „Ural-Altäische Jahrbücher, neue Folge, Bd. 13, 1994: 28–34.

Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen, Bde 1–3, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2002.

Werner H., prof. Dr. Heinrich Werner,
Bonn, Deutschland.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2015.

Вернер Г. К.

ШТЕФАН ГЕОРГ. ОПИСАТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА КЕТСКОГО ЯЗЫКА (ЯЗЫК ЕНИСЕЙСКИХ ОСТЯКОВ). ТОМ I. ВВЕДЕНИЕ, ФОНОЛОГИЯ, МОРФОЛОГИЯ (GLOBAL ORIENTAL, 2007, 468 P.)

«Описательная грамматика» Ш. Георга вышла в свет благодаря многолетней упорной работе по исследованию кетского языка. В своем труде автор представил новую концепцию по описанию кетской грамматики, которая выводит кетологию на новый современный научный уровень.

Исследование строится с учетом специальной литературы по кетскому языку в полном объеме и базируется на языковом материале, представленном в архиве Томского государственного педагогического университета в качестве картотеки по кетскому языку и полученном в ходе собственных полевых исследований в кетских населенных пунктах на Енисее (1999–2002 гг.).

Ш. Георг впервые представил всеобъемлющее и подробное описание кетской грамматики на английском языке, таким образом, результаты его работы доступны широкому кругу ученых во всем мире.

Вернер Г. К., профессор, доктор филологических наук.
Бонн, Германия.

НАШИ АВТОРЫ

- Будциш Й. – Университет Гамбурга
Гамбург, Германия
E-mail: josefina.budzisch@uni-hamburg.de
- Вернер Г. К. – профессор, доктор филологических наук
Бонн, Германия
- Волков В. Г. – аспирант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: vladimirgenvolkov@yandex.ru
- Есипова В. А. – доктор исторических наук, зав. сектором изучения фонда
Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского
Томского государственного университета
Пр. Ленина, 34а, Томск, Россия, 634050
E-mail: esipova_val@mail.ru
- Ким-Малони А. А. – доктор филологических наук, профессор
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: alexandrakim@hotmail.com
- Ковылин С. В. – магистрант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: kovylin.ser@yandex.ru
- Крюкова Е. А. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru
- Лемская В. М. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru
- Норманская Ю. В. – доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языкознания РАН
Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009
E-mail: julianor@mail.ru
- Полякова Н. В. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com
- Потанина О. С. – кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: olgapotanina@yahoo.com
- Токмашев Д. М. – кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050
E-mail: kogutei@yandex.ru

- Тучков А. Г. – кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: agtuchkov@yandex.ru
- Чудова Т. И. – кандидат исторических наук, доцент
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Пр. Октябрьский, 55, Сыктывкар, Россия, 167001
E-mail: ChudovX@mail.ru
- Яковлев Я. А. – советник государственной гражданской службы ХМАО – Югры 1-го класса, старший инспектор
Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Ул. Ленина, 40, Ханты-Мансийск, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
Россия, 628011
E-mail: JakovJakovlev@mail.ru

AUTHORS

- Budzisch J.* – University of Hamburg
Hamburg, Germany
E-mail: josefina.budzisch@uni-hamburg.de
- Chudova T. I.* – Syktyvkar State University of Pitirim Sorokin
Pr. Oktyabrskiy, 55, Syktyvkar, Russia, 167001
E-mail: ChudovX@mail.ru
- Esipova V. A.* – Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library
Pr. Lenina, 34a, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: esipova_val@mail.ru
- Kim-Maloney A. A.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: alexandrakim@hotmail.com
- Kovylin S. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: kovylin.ser@yandex.ru
- Kryukova E. A.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru
- Lemskaya V. M.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru
- Normanskaja Yu. V.* – Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Bolshoy Kislovskiy per., 1, str. 1, Moscow, Russia, 125009
E-mail: julianor@mail.ru
- Polyakova N. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com
- Potanina O. S.* – National Research Tomsk Polytechnic University
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050
Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: olgapotanina@yahoo.com
- Tokmashev D. M.* – National Research Tomsk Polytechnic University
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: kogutei@yandex.ru
- Tuchkov A. G.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: agtuchkov@yandex.ru
- Volkov V. G.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: vladimirgenvolkov@yandex.ru
- Werner H.* – Bonn, Deutschland
- Yakovlev Y. A.* – State Service of Cultural Heritage Objects Protection of Khanty-Mansiyski Autonomous Area – Yugra
Ul. Lenina, 40, Khantu-Mansiysk, Tumen' region, Khantu-Mansiysk autonomic district – Ugra, Russia, 628011
E-mail: JakovJakovlev@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru. Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (docx/doc и pdf).

Для статей на русском языке:

- 1-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Для статей на английском языке:

- 1-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Для статей на немецком языке:

- 1-й файл (на немецком языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на русском языке или английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Текст статьи объемом не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон.

Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи по алфавиту (русскоязычные источники сопровождаются транслитерацией). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Најду, 1970: 136).

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION TO THE “TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS AND ANTHROPOLOGY”

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at **tjla@tspu.edu.ru**

For the submissions in Russian:

– the first file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.

– the second file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in English:

– the first file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.

– the second file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in German:

– the first file in German: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.

– the second file in Russian or English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

The volume of the submission generally should not exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14pt, line spacing 1,5, all margins 2cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams maybe in MS Excel format, all submitted as separate attached files.

Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are accompanied by transliteration). References in the text are to show in Parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).